A 178/73

9-178
73

Вас. И. Немировичъ-Данченко.

Мужицкая обитель.

Для юношества, семьи и школы.

Рисунки К. Н. Фридберга.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе". Забалканскій пр., с. д. № 75.
1912.

„Для юнаго читателя".

Въ эту серію вошли слѣдующія произведенія:

Н. Д. Телешовъ. — Разсказы и сказки.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. — Сказки и были.

Е. А. Сысоева. — Исторія маленькой дѣвочки.

Вас. И. Немировичъ-Данченко. — Мужицкая обитель.

В. Г. Танъ. — Восемь племенъ.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. — Кому лучше?

Вас. И. Немировичъ-Данченко. — Опрокинутыя вершины.

С. С. Караскевичъ-Ющенко. — Повѣсти и разсказы.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. — Странички прошлаго.

Вас. И. Немировичъ-Данченко. — Боевая Голгоѳа.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. — Царскій духовникъ.

Вас. И. Немировичъ-Данченко. — Книга великой любви.

А 178/73
Ф 1-78 1350

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

Мужицкая обитель.

Для юношества, семьи и школы.

Рисунки К. Н. Фридберга.

37 817
XI
Публич. и Румянцов. Музей Библиотека

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе". Забалканскій пр., с. д., № 75.
1911.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе". Спб., Забалканскій пр., д. № 75.

Оглавленіе.

			Стр.
Глава	I.	Въ открытомъ озерѣ. — Буря	1
„	II.	Монастырская таможня	8
„	III.	Валаамъ во времена оны	14
„	IV.	Гостинница. — Отецъ Никандръ	24
„	V.	У о. намѣстника въ кельѣ. — Пустынные дворы. — Воздухоплаваніе о. Анфима.	30
„	VI.	Богомольцы. — Исправляемые. — Голодные и холодные	35
„	VII.	Пустыня Назарьевская	46
„	VIII.	Пустыня схимомонаха Николая	56
„	IX.	Уголокъ монастырскаго хозяйства	58
„	X.	Трапезная	62
„	XI.	Гавань, проливы и плесы. — Какъ Богъ купца убилъ спичкой.	70
„	XII.	На монастырскихъ работахъ	78
„	XIII.	Запретный скитъ. — Молчальникъ.	82
„	XIV.	Коневскій скитъ. — Отецъ Дамаскинъ . . .	95
„	XV.	Большой Скитъ Всѣхъ Святыхъ.	107
„	XVI.	Монахъ тоскующій	116
„	XVII.	Въ монастырскихъ садахъ. Отецъ Никаноръ садовникъ	123
„	XVIII.	Ссыльные	126
„	XIX.	Смолокурня. — Известковый заводъ	128
„	XX.	Подъ яркимъ солнцемъ.	133
„	XXI.	Ильинскій скитъ	138
„	XXII.	Александръ Свирскій	143
„	XXIII.	Туннель, позолотчики и рѣзчики	148
„	XXIV.	Водопроводъ.	151

Стр.

Глава XXV. Упраздненная пустынь и заштатные подвижники. 156
„ XXVI. Валаамская академія художествъ. — Валаамскіе Рафаэли. — Ризница и библіотека 165
„ XXVII Кладбище. — Непризнанный исторіей Магнусъ II Смекъ 169
„ XXVIII. Желѣзняки. — Жертва вечерняя 174
„ XXIX. Иноческая драма 179
„ XXX. Отецъ Пименъ. — Борьба началъ. 188
„ XXXI. Прощаніе съ монастыремъ. — На пароходѣ . 196

Списокъ иллюстрацій.

Стр.

На открытомъ озерѣ 1
Ну, ты парень жохъ! И давай его теребить 11
Вы извините, отецъ Никандръ, я не генералъ 27
Купеческіе саврасы 36
Трапеза 66
Послушники пилятъ дрова 93
Коневскій скитъ. — Отецъ Дамаскинъ 95
Большой скитъ Всѣхъ Святыхъ 107
Тонъ у него грустный, очи долу 111
Сѣлъ около меня, охватилъ колѣна руками и задумался . . 120
Валаамскіе Рафаэли 166
Сползъ съ парохода пьяный, но его стащили обратно на пароходъ 198

I.

Въ открытомъ озерѣ. — Буря.

Верстъ двѣнадцать плутали мы по закоулкамъ и извилинамъ салмъ и заливовъ ладожскаго побережья. Наконецъ, послѣдняя шкера отошла назадъ и закуталась въ сѣрый туманъ. Впереди открытое озеро, я сказалъ бы море, потому что по глубинѣ и размѣрамъ Ладога болѣе заслуживаетъ это имя, чѣмъ какая-нибудь Азовская лужа. Берега на востокъ, сѣверъ и югъ — даже и не мерещились. Спокойный и величавый просторъ окружалъ отовсюду смутные силуэты нѣсколькихъ острововъ, до которыхъ мало-мало было двадцать пять верстъ.

Сѣроватое освѣщеніе какъ разъ подъ стать недвижному простору. Жары какъ не бывало. Все небо затянуло не тучками, а бѣлыми, сквозными крыльями. Коегдѣ по зеркалу Ладоги бѣжали бороздки отъ лѣниво под-

нявшагося вѣтра. Но и онъ, точно уставая, приникалъ къ теплой водѣ и засыпалъ на ней . . .

Изрѣдка передъ нами подымалась изъ воды черная усатая голова тюленя . . . Степка Юдинъ, мой лодочникъ, свисталъ какимъ-то особеннымъ способомъ, и нерпа еще раза два-три ныряла изъ озера по направленію къ нашей лодкѣ . . .

Вода и небо . . . И то, и другое — вѣявшія на насъ невозмутимою, благоговѣйною тишиной. Невольно воображеніе рисовало нашу планету, когда она носилась въ пространствѣ, вся покрытая водою, когда отъ нея земля еще не отдѣлилась, и, по преданію, духъ Божій носился надъ молчаливымъ, единымъ океаномъ; когда все разнообразіе являлось только въ переливахъ освѣщенія. Солнце восходило и заходило тогда надъ безжизненной землей, играя на гребняхъ валовъ и золотя густыя облака.

Безжизненною! Можно ли опредѣлить тотъ предѣлъ, гдѣ кончается жизнь, и начинается механическое движеніе? Мы, впрочемъ, и не будучи свидѣтелями первыхъ дней творенія, любовались теперь на удивительные эффекты освѣщенія. Когда солнце, закатываясь, вышло изъ-за бѣлыхъ крыльевъ, весь безбрежный просторъ раздѣлился на три сливающіяся по краямъ полосы. На западѣ зыблется пламя, струится багряное по тихимъ водамъ, мало-по-малу блѣднѣя, по мѣрѣ приближенія къ срединѣ озера, и переходя въ бѣлесоватые, а потомъ и совсѣмъ стальные тоны. Вся восточная окраина Ладоги отъ очистившагося надъ нею вечерняго неба казалась зеленоватой . . .

Нѣсколько уже часовъ плыла наша лодка, мѣрно разсѣкая воду; наконецъ, скучно стало.

— Скоро ли?

— А вотъ, когда этотъ островъ, — указалъ Степка

на одинъ изъ силуэтовъ валаамскаго архипелага, — зайдетъ за тотъ, — будетъ половина!

Берегъ позади чуть виденъ. Едва-едва каймится. Валаамъ замѣтно растетъ передъ нами. Ужъ теперь можно отличить, что островъ лѣсистый. Весь синій, онъ, нѣсколько мраченъ, какъ и сама обитель. Въ синевѣ поблескиваетъ, точно затерявшаяся въ пространствѣ искра, куполъ Никольскаго скита, и мерещится бѣлымъ пятномъ соборъ. Я держу руль прямо между ними. Мои спутники не только не внушаютъ недовѣрія, напротивъ, наперерывъ дѣлятся со мною скудными свѣдѣніями о Валаамѣ.

— А что здѣсь часто бываютъ бури?

— Вона! Наше озеро съ полнымъ удовольствіемъ. Какая лодка-сойминка, — самая праведная! Какъ ни грузи ее, волной и безъ бури захлещетъ, бываетъ! Тутъ вотъ сколько нашихъ сойминокъ тонуло — страсть! Тыщи! Это только слава, что озеро — морю не уступитъ. А зимой... Тоже мы ѣхали... Экономa валаамскаго я изъ сердобольской ярмарки везъ. Поднялась мзга... Вѣтромъ ледъ рямитъ. Трескъ... Вода скрозь, — полно ужъ все. Ѣдемъ по льду, а насъ волна гонитъ. Отецъ Алексѣй всѣ молитвы, какія зналъ, прочелъ. «Господи, что будетъ съ нами?» — А что Богъ дастъ, отче, говорю. «Назадъ бы, Степушка»... Повернулъ я назадъ, а тамъ ужъ волны въ сажень ходятъ. Какъ добрались — не помню, оглушило. Настоящее страженіе!

Какъ просторъ Ладоги развиваетъ зрѣніе. Я и въ бинокль едва могъ разсмотрѣть какія-то тучки на водѣ — острова, а Степка Юдинъ по очертаніямъ опредѣлилъ, на какомъ именно изъ нихъ его братъ сѣно беретъ.

Вонъ, гли-ко... Лодочка малая намъ увстрѣнъ!

— Не видать. Въ бинокль тоже!

— Эхъ, баринъ, ваши бинки эти ничего не стоютъ!

Подъѣхали еще версты двѣ. Дѣйствительно, лодочка ползетъ на насъ.

— Кого несетъ? — кричатъ оттуда.

— Барина!

— Давно ль Степка въ баре произошелъ? Ишь, вороватая душа. Ахъ, ты, песья муха, и впрямь барина везетъ. Отколь зацѣпилъ?

— Съ Сердоболя!

— И судьба же этому Степкѣ! Никому, окромя его. не достанется. Поди, пятерку слупилъ?

— Не, десятку! — торжествовалъ Юдинъ, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ.

— Ну, и прокудимъ! И что это за мужиченка у насъ Степка . . .

— Сожри тебя Ладога!

И пошли крылатыя слова летать по вѣтру изъ одной лодки въ другую . . .

Не успѣли мы проплыть и версты, какъ съ запада вдругъ побѣжалъ вѣтеръ. То все былъ попутный, а тутъ чуть съ одного не перевернулъ нашу соймишку, точно желая оправдать только что сдѣланную рекомендацію Ладоги.

— Держи руль! Убирай парусъ! — вдругъ взялъ въ свои руки командованіе лодкой еще недавній Степка.

Володька-артистъ и Гейна схватились за дѣло. Новый порывъ вѣтра вырвалъ у артиста весло; едва догнали, при чемъ Володька не только получилъ отъ Степки затрещину, но и перенесъ оную съ истинною христіанскою кротостью.

— Правѣй руль! Правѣй! Круче! Опружитъ! — оралъ на меня Степка во все горло, точно стараясь перекричать вѣтеръ.

Паруса, пока ихъ убиралъ Гейна, хлестали намъ въ лицо, завертывались вокругъ мачты, вырывались изъ рукъ и, какъ крылья чудовищной птицы, раскидывались въ воздухѣ, чтобы тотчасъ же зашлепать во всѣ стороны. Вѣтеръ теперь уже ревѣлъ кругомъ, кидаясь направо и налѣво, вертясь на мѣстѣ, какъ одержимый, то припадая къ волнамъ, то взрываясь къ самымъ облакамъ. Волненія еще не развело, но вихрь уже вырывалъ бездны — воронками, въ которыя стремглавъ летѣла лодка, чтобы тотчасъ же подняться на новомъ, выросшемъ подъ нею, хребтѣ . . . Обшивка соймицки трещала и стонала, какъ живая, жалуясь на удары, сыпавшіеся на нее отовсюду.

— Кабы не разломило! — заботливо оглядывалъ ее Степка

— А что, жидка?

— Да наше дѣло скорбное. Нужа́ ѣстъ поѣдомъ. Гдѣ исправную лодку завести!

И при этомъ, въ видѣ знака препинанія, трахъ Володьку по уху.

Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что руку рвало отъ руля. Приходилось держать его обѣими. Я уже проклиналъ и отца Парамона, посовѣтовавшаго въ Сердоболѣ этотъ способъ путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, куда какъ интересно потонуть посреди Ладоги, да еще такъ, что никто и не узнаетъ, куда ты дѣвался, и что съ тобою было. Облака быстро неслись, то открывая бѣлыя пятна беззвѣзднаго сѣвернаго неба, то скучиваясь темными массами. Гдѣ-то ударило громомъ, молнію мы пропустили, за то вдругъ рядомъ струя небеснаго огня неожиданно скользнула въ волны, и стихійный трескъ раздался надъ нами. Казалось, что твердь небесная, повинуясь чьему-то могучему слову, разсѣлась надъ этимъ могучимъ, бунтующимъ озеромъ.

— Ну, братъ Юдинъ, плохо!

— Чего хуже! Читай молитву преподобному Герману. Онъ помогаетъ. На свою силу надежда плоха!

— Куда править-то?

Острова слились въ одинъ. По этому признаку заключали, что осталось до скита Никольскаго пять верстъ.

— Теперь, коли будешь держать вѣрно, мигомъ донесетъ!

— А если съ курса собьюсь?

— Ну, тогда на дно къ рыбамъ!

Выбора не было. Къ счастью, направленіе взято какъ слѣдуетъ. Вѣтеръ не давалъ у острововъ скопляться туману, и соборъ былъ виденъ отлично сквозь брызги волнъ. Иногда его заслоняли бѣлые, косматые гребни, которые подымались передъ нами, точно заглядывая въ лодку, что тамъ? Насъ уже захлестывало. На днѣ лодки плескалась вода. Черпать ее было некому. Дай Богъ справиться съ веслами...

— Зальетъ?

— Какъ Богъ! Видишь самъ: ничего не подѣлаешь. Держи руль!

Володька нѣсколько оправился. И про затрещины забылъ.

— Вижу я, братъ Степка, ты у насъ мужчина безъ всякой причины!

— Это какъ?

— Да такъ. Молодецъ! Ишь, управляешься!

— Это что за островокъ виденъ? — показываю я высовывавшійся передъ однимъ концомъ Валаама не то утесъ, не то тамъ клочекъ земли.

— Кабакъ!

— Какъ кабакъ?

— Такъ. Тутъ много острововъ малыхъ. Кабаками зовутся!

— Да ради чего же?

— Должно быть, здѣсь водкой прежде торговали.

— Никогда не торговали! — вступился Володька.

— Ты знаешь!

— Я знаю. А это, видите ли, на Ладогѣ водки отнюдь не полагается. Они, странники-то, о водкѣ и скорбятъ. Потому, всякій малюсенькій клочекъ земли имъ кабакомъ кажется. Снятъ и видятъ. Стоитъ-де, сердечный! Ну, и легче имъ. Тоже тварь земная вѣдь!

Подъ свистъ вѣтра, подъ грохотъ бури, подъ крики гребцовъ сумрачно выросталъ Валаамъ. Вонъ и проливъ виденъ. Огонекъ по немъ скользитъ. Это монашескій пароходикъ двигается тамъ. Затишье въ этихъ салмахъ. Вѣтеръ и буря не проникаетъ въ ихъ мирныя пустыни, защищенныя крутыми и гористыми берегами. Глазъ не оторвать оттуда... Какъ бы доплыть скорѣй, скорѣй уйти изъ-подъ бури, отъ хаоса, въ которомъ не различаешь, гдѣ тучи, гдѣ волны, вѣтеръ ли это бьетъ въ лицо, или брызги съ гребней вспѣненныхъ волнъ срываются и несутся навстрѣчу.

— Давай ходъ! — покрикиваетъ Степка. — Давай ходъ! Перредъ!..

Никольскій скитъ все растетъ и растетъ передъ нами. Вотъ его красная кирпичная церковь, точно сторожевая крѣпость монастыря. Не мы бѣжимъ къ берегу, а берегъ на насъ. Пришлось перевалить руль налѣво, чтобы не наскочить на утесы. Еще минута, и берегъ набѣжалъ, и наша лодка, вся мокрая, точно вспотѣвшая, недужно и устало покачивается въ тихой салмѣ. Буря осталась позади. Тамъ, за очарованнымъ кругомъ, бѣсятся и злобствуютъ стихійныя силы зла. Милліоны демоновъ орутъ

въ безсильной ненависти, но имъ не дано проникнуть въ мирный уголокъ.

— Слава Тебѣ, Господи! Пристали!

— Вотъ и таможня. Сейчасъ осмотръ будетъ!

Гейна и Володька зашушукали, дѣлая какія-то таинственныя движенія въ лодкѣ.

— Таможня, выходи! — заоралъ Стешка.

Но въ келіяхъ скита темно. Ни шороха, ни движенія кругомъ.

— Поплывемъ такъ дальше! — предложилъ я.

— Нельзя!

— Почему?

— Порядокъ такой у нихъ. Нужно отсюда билетъ представить, что у насъ ничего нѣтъ. Тогда и въ монастырь пустятъ. А безъ билета назадъ прогонятъ. Отецъ Никандра у нихъ гостинникъ строгій. Онъ, братъ, турнетъ!

— Отецъ Стефанъ! — опять заоралъ Стешка.

Въ одномъ изъ оконъ скита засвѣтился огонекъ. Спустя минуту огонекъ точно сбѣжалъ внизъ и пошелъ намъ навстрѣчу. Еще минута, и за ручнымъ фонаремъ обрисовалась высокая стройная фигура молодого монаха.

— Вотъ и таможня. Сейчасъ начнется!

II.

Монастырская таможня.

Пока я всматривался въ сумрачныя очерки монастыря, у креста, стоявшаго на берегу, шелъ подробный допросъ. О. Стефанъ оказался, дѣйствительно, докой.

— По правдѣ, братцы, нужно жить, по правдѣ!

— Точно, отецъ Стефанъ! — совался къ нему Володька подъ благословеніе.

— Погоди, чего тычешься? На все время. Дай свою должность сполнить, а потомъ и благословлю, коли будешь стоить!

— Помилуйте, святой отецъ, я за эту за самую за правду въ какое положеніе произошелъ. Генералъ Треповъ теперьче говоритъ...

— Не тараторь! Нѣкогда мнѣ съ вами. Ну, такъ, братцы, по совѣсти будемъ: есть у васъ что, или нѣтъ?

— Нѣтъ! Помилуй, — распинался Степка, — развѣ я въ первый разъ?

— Ну то-то... Такъ ничего? Безъ правды ребята, плохо!

— Вотъ какъ передъ истиннымъ!

— Папиросъ, табаку?

— Нѣтъ, и не пахнетъ! — Степка, для пущаго убѣжденія, вывернулъ карманъ и, держа его въ рукахъ, сунулся къ монаху.

— Не егози... Водки нѣтъ?

— Нѣтъ и званія. Помилуйте, при этакой святости и вдругъ водка. Да мы за недѣлю въ ротъ ничего не беремъ! Тоже очищаемся. А не то что бы неглежа. Слава Богу — не свиньи!

— Ну, выходи всѣ изъ лодки!

Лица у моихъ гребцовъ вытянулись. По разспросамъ о. Стефана они было думали, что обыска не будетъ, а тутъ, какъ нарочно... Пожалуйте къ разсчету.

Въ пустую лодку вошелъ монахъ и давай шарить. Во всѣхъ углахъ, каждую дощечку поднималъ, въ каждую щель запускалъ пальцы... Володька съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нимъ, волнуясь каждый разъ, когда о. Стефанъ подбирался къ правому борту.

— Найдетъ, а? — шопотомъ спрашивалъ онъ у Гейны.

— Нэ! — отрѣзалъ тотъ, совершенно спрятавъ глаза.

— Ахъ пайдетъ! Вотъ, вотъ... Нашелъ!..

И Володька забезпокоился.

— Это, отецъ Стефанъ, невзначай, ей-Богу невзначай! Самъ забылъ...

— Вотъ и видно, что не по правдѣ живешь! Ишь, плутовство-то у тебя... Оказываетъ!.. — Въ то же время отецъ Стефанъ не только бросалъ въ воду, но и рвалъ пачки съ мокрыми папиросами. Полѣзъ въ корму...

— Это еще что? Нюхательный табакъ, а?

— Для всенощнаго бдѣнія! — солидно объяснялся Степка. — Плоть немощна. Такъ чтобы не заснуть!

— Когда всенощныя бдѣнія-то бываютъ, развѣ нынче? Да тебя въ церковь-то и не загонишь, знаю тебя. Экой склизкій мужикъ, Степанъ!

— Помилуйте, я это для храма Божьяго!

— Табакъ-то для храма? Не по правдѣ живете, нѣтъ въ васъ правды!

Обыскалъ лодку. Гребцы было полѣзли въ нее.

— Стой, стой! Степанъ, подходи!

Схватилъ шапку, ощупалъ, надѣлъ на голову ему, потомъ подмышки запустилъ руки, за пазуху... И вдругъ, когда Степанъ менѣе всего ожидалъ этого, таможенный монахъ схватилъ его за голенища.

— Это что? — вытащилъ онъ маленькую бутылочку.

— Лѣкарство. У меня дѣти въ воспѣ, такъ изъ города.

— Ишь, какое лѣкарство, — ромомъ оно у тебя пахнетъ. Хорошій медикаментъ...

— Ну, ты парень жохъ! — И давай его теребить. (Стр. 12.)

— Не бросайте, отецъ Стефанъ, ради Христа! — кинулся къ нему Володька.

— Ну?

— Зубы у меня... Страсть... Дозвольте, я сейчасъ только прополощу зубы... Болятъ...

— Ахъ, ты, сѣмя злое! Вотъ господинъ, на какія шутки пускаются, а! — озлобленно обернулся монахъ ко мнѣ, — и трахъ бутылку о земь.

— А и ромъ-то какой былъ! — вздохнулъ Юдинъ, повидимому, забывъ о лѣкарствѣ.

Настала очередь Володьки.

— Ну, ты парень жохъ! — И давай его теребить. Чуть не до-гола раздѣлъ. И въ портянкахъ посмотрѣлъ даже.

— Впдите, задарма обижаете! — оскорбленнымъ тономъ заговорилъ было Володька, но о. Стефанъ въ это время вытащилъ у него изъ рукава пачку сигаръ, которую тотъ перекидывалъ изъ руки въ руку.

— Задарма! — ломалъ онъ сигары.

— И какъ они туда попали, — убей, не знаю! — невинно удивлялся Володька, при чемъ его глупый толстый носъ казался еще глупѣе.

Гейна вышелъ чистъ, какъ младенецъ. На этомъ неповоротливомъ кускѣ мяса и костей даже и не отразилось ничего.

— Вотъ хоть и лютеръ, а правду знаетъ! — похвалилъ его о. Стефанъ.

Гейна, ковыляя, какъ утка, пошелъ въ лодку.

— Ревизоръ! — злобствовалъ Володька отчаливая.

— Да, ужъ червемъ вездѣ выползаетъ! — негодовалъ Степка, глядя на оборванныя папиросы, плававшія по салмѣ.

— А я свое схоронилъ! — вдругъ торжественно из-

рекъ Гейна и вытащилъ на шнуркѣ привязанную у кормы снаружи мокрую пачку сигаръ и папиросъ.

— Ахъ, ты тварь! Смотрите, глупъ-глупъ, а что придумалъ. Какъ это тебя умудрило, а?

Странники, разумѣется, на Валаамѣ съ наслажденіемъ бы покупали водку, да негдѣ. Присмотръ вездѣ самый строгій. По всѣмъ берегамъ и островамъ точно кордонъ. Это, разумѣется, созданіе о. Дамаскина, который пристально слѣдилъ за прекращеніемъ подобной торговли повсюду, гдѣ только живутъ валаамскіе иноки.

Сумракъ густится. Мы опять полземъ проливомъ. Издали, изъ-за лѣсного царства мелькаютъ главы церквей, башни, куполы. Гдѣ-то бьетъ колоколъ. Звуки далеко разносятся по спокойнымъ водамъ.

— Да, братъ, тутъ пьянымъ не напьешься!

— Развѣ на пароходѣ, въ буфетѣ...

— Одинъ богомолецъ тутъ былъ — смѣхъ!

— А что?

— Ѣдетъ на Валаамъ, — напьется, спьяна въ Сердоболь попадетъ, потому на Валаамъ пьяныхъ съ парохода не пускаютъ. Ѣдетъ изъ Сердоболя, — опять пьетъ, везутъ его въ Питеръ. Такъ онъ безъ мала мѣсяцъ чертилъ и ни разу на Валаамъ попасть не могъ!

Бѣлый соборъ монастыря плаваетъ надъ лѣсными вершинами. Въ сумракѣ очертанія дѣлаются полувоздушными... Лодка пристаетъ къ берегу... Громадное зданіе гостиницы вверху. Вездѣ все пусто. 12 часовъ ночи... Обитель спитъ. Ни въ одной кельѣ не мерещится огонекъ.

— Ну, отца Никандра будить теперь!

И мы двинулась въ монастырскую гостиницу.

III.

Валаамъ во времена оны.

Валаамъ издревле служилъ всѣмъ вѣрамъ. Въ глубокой древности здѣсь было главное капище Велеса, или Волоса и Перуна. Изъ окрестныхъ мѣстъ, съ отдаленнѣйшихъ береговъ озера Нево, какъ тогда называлась Ладога, сюда сходились на поклоненіе языческіе пилигримы. Камни алтарей не разъ орошались кровью человѣческихъ жертвъ, и, брызгая ею въ лица богомольцевъ, жрецъ священнодѣйствовалъ съ глубокимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ. Служенію языческимъ богамъ какъ нельзя лучше соотвѣтствовала сумрачная природа острова, таинственныя убѣжища его гранитныхъ трущобъ, дремучіе лѣса, въ которые не всякій входилъ безбоязненно. Отъ культа Велесова произошло и самое названіе острова. Оно распадается на два слова: мо — земля (по-корельски) и Валъ-Ваалъ-Велесъ, т. е. Валъ-мо — земля Велесова. Мѣстное преданіе, говоритъ, что св. апостолъ Андрей Первозванный, просвѣтитель скиѳовъ и славянъ, изъ Кіева добрался до Новгорода, а отсюда по рѣкѣ Волхову до Ладожскаго озера. Доплывъ до Валаама, онъ занялся истребленіемъ капищъ и идоловъ. Послѣдующіе просвѣтители поступали такъ же. Рукописъ «Оповѣдь» говоритъ, что Андрей Первозванный, «Ладогу оставя, въ ладью сѣвъ, въ бурное, вращающееся озеро на Валаамъ пошелъ, крестя повсюду и поставляя ревностно по всѣмъ мѣстамъ кресты каменные». Вслѣдъ затѣмъ о Валаамѣ свидѣтельствуетъ опять-таки «Оповѣдь». По словамъ этой рукописи, Сергій преподобный сюда завернулъ, многія Очеслава монеты, подъ назва-

ніемъ «столпцы», взялъ, «кстати и Гуруслава монеты-лепешки золотыя — прихватилъ». Далѣе видно, что Валаамъ управлялся вѣчемъ и оказывалъ покровительство даже знатнымъ иностранцамъ. Такъ, напримѣръ, «въ тѣ жъ времены посадникъ Жлотугъ укрылся отъ Каракаллы, императора римскаго, на Валаамъ». Любопытно, какое имѣлъ отношеніе Каракалла къ Валааму и какимъ это образомъ у римскаго императора оказались посадники.

Жизнь иноческая началась здѣсь ранѣе святого равноапостольнаго князя Владиміра. А въ 960 году уже было монастырское братство съ игуменомъ во главѣ. Такимъ образомъ, валаамскіе старцы правы, говоря, что здѣсь на каждомъ камнѣ слеза лилась, и подъ каждымъ деревомъ молитва возносилась. Основалъ здѣсь иночество Сергій чудотворецъ. О немъ извѣстно только одно: Сергій былъ «изобразитель» и окончилъ жизнь въ пещерѣ нѣкоего Вага. Онъ окрестилъ Мунга, назвавъ его Куартомъ. Потомъ отъ восточныхъ странъ притекъ сюда св. Германъ, коего «слезъ струи приснотекущія, постъ, бдѣнія и труды, предѣлъ естества превосходящіе».

— Они у насъ изстари прорицали и чудеса многія творили, — пояснилъ мнѣ инокъ, показывая раки преподобныхъ. — У насъ на сей предметъ и молитва есть такая удобопроизносимая и благопотребная. Богомольцы въ молитвѣ сей взываютъ и глаголютъ: «вы бо въ недузяхъ явистеся цѣлители, по морю плавающимъ кормчіи и утопающимъ благонадежное избавленіе и отъ всякаго смертоноснаго нашествія хранители, паче же отъ духовъ нечистыхъ свобожденіе, и всякихъ навѣтомъ содержимыхъ очищеніе и помощь!»

— А теперь чудеса бываютъ у васъ?

— Чудеса много. сколько хочешь, только вѣруй. Все чудо: гора стоитъ, — чудо, лѣсъ на камнѣ растетъ. —

предивно. Птица летитъ — и то чудо, ибо ежели бы Господь не повелѣлъ ей летать, быть можетъ, она бы и плавала, какъ Левіафанъ-рыба или ползала, какъ змій-гадюка!

Исторія Валаама затѣмъ повѣствуетъ о нѣкоемъ блаженномъ Авраамiи-чудотворцѣ изъ града Чухломы. Родители его были невѣрны, и онъ по-чухломски (какой это еще языкъ?) назывался Ивѣрикъ. Восемнадцать лѣтъ онъ лежалъ разслабленный на одрѣ своемъ и, узнавъ о Христѣ Іисусѣ, помыслилъ: «убо помилуетъ ли мя когда? И се внезапу почувствовалъ въ себѣ силу, нашедшую нань, и нача превращатися сѣмо и овамо, и руками, и ногама, пресмыкаяся, владѣти и возста здравъ». Затѣмъ онъ отправляется въ новгородскіе предѣлы, прославляетъ имя Божіе и на Валаамѣ постригается, при чемъ «новоотрожденный тотъ мужъ воспрія и зельнѣйшее богоугодное тщаніе». Потомъ Авраамъ дѣйствовалъ по общей программѣ: статуевъ чудесно сокрушалъ, вѣру распространялъ, тьму идолобѣсія разсѣвалъ и дьявола посрамлялъ неоднократно.

— Неужели не осталось болѣе точныхъ свѣдѣній о доисторическихъ временахъ Валаама? — спрашивалъ я у братіи.

— Должно быть, есть въ финскихъ и шведскихъ архивахъ!

— Что жъ вы не приложите старанія разработать ихъ?

— Во-первыхъ, языковъ этихъ не понимаемъ, а во-вторыхъ, что возможно, дѣлали. Когда одного извѣстнаго историка отправили въ Гельсингфорсъ, то отецъ Дамаскинъ послалъ пятьсотъ рублей на разработку архивныхъ свѣдѣній о Валаамѣ.

— Ну, и что же?

— А деньги прикарманилъ, свѣдѣній же никакихъ, по слову писанія, «не даде!»

Второй періодъ исторіи Валаама, съ 960 до 1715 года, полонъ превратностей, разореній, истребленій. Монастырь то оказывался въ развалинахъ, то возникалъ вновь въ еще пущемъ блескѣ. Прежде всего, въ XI вѣкѣ его разорили шведы и повторяли потомъ это занятіе съ настойчивостью и злобой неимовѣрной. Въ 1578 году они, напавъ на обитель, прирѣзали 18 достоблаженныхъ старцевъ и 16 послушниковъ, «тщась о распространеніи ереси люторовой». Въ 1581 году на островѣ былъ моръ, истребившій и старцевъ и послушниковъ, а что осталось отъ мора, то опять попало въ лапы къ шведамъ, которые въ третій уже разъ сожгли обитель. Иноки разбѣжались по лѣсамъ и на версѣ горъ, среди пустыни, поставили свои малыя келейки. Въ 1595 году, передъ самымъ миромъ, монастырь вновь былъ разоренъ шведами. Въ томъ же году былъ заключенъ миръ, и Россіи возвращена вся ея древняя новгородская собственность. Великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ возобновилъ обитель.

— Въ другихъ монастыряхъ иноки во время нападеній защищались. Въ Соловкахъ, напримѣръ, въ Святыхъ-Горахъ.

— А у насъ нѣтъ. Потому, мы прельщаемъ кротостію и уловляемъ смиреніемъ. Меча валаамскіе иноки не обнажали и крови не проливали . . . Не подобаетъ! Наши латы — вотъ, — взялъ онъ себя за рясу. — Опѣ ото всего свободятъ!

— Однако, какъ шведы-то были . . . Коли бы вооружились, менѣе бы васъ погибло!

— Эта погибель во спасеніе. Другіе монастыри-то падаютъ и разрушаются, а мы молитвами убіенныхъ и доселѣ красуемся. Вотъ вы и разсуждайте, что выгод-

пѣе, вооружиться, либо голову подъ ножъ... Дѣло, за которое кровь пролилась, — дѣло прочное. Не оживетъ, аще не умретъ! Глубокіе ростки пускаетъ оно, и нескоро ихъ вырвешь вонъ. Дурная трава ничѣмъ не полита, ни кровью, ни потомъ. Оттого она годъ и живетъ!

Въ царствованіе Іоанна Грознаго иноческая жизнь такъ развилась на Валаамѣ, что избытокъ монашествующихъ перешелъ на матерой берегъ, и въ одномъ только пунктѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Сердоболь, основалось двѣнадцать скитовъ. Рай инокамъ былъ на Ладогѣ: все вокругъ принадлежало имъ, такъ что въ XV и XVI столѣтіяхъ Валаамъ называли уже не иначе какъ честною и великою лаврою. Вся корела, даже и кексгольмская, была православной. Въ духовномъ отношеніи монашество болѣе соотвѣтствовало своему идеалу, чѣмъ нынѣ. Богатства обители росли. Къ ней были приписаны деревни, подворья, соляныя варницы.

— Да, тогда обитель была воинствующей и торжествующей! — вздохнулъ монахъ, бесѣдовавшій со мною.

— А теперь?

— И нынѣ хорошо, и нынѣ домъ Божій не оскудѣваетъ.

Мы въ нашемъ очеркѣ минуемъ всевозможныхъ строителей, игуменовъ и гостителей монастырскихъ. Для насъ гораздо болѣе цѣнности имѣли бы свѣдѣнія объ отношеніяхъ Валаама къ окрестному населенію, но, къ сожалѣнію, ни въ одной изъ книгъ, написанныхъ объ обители, не встрѣчается данныхъ такого рода. Отношеніе къ крестьянству въ настоящее время мы наблюдали сами, о томъ же, что было прежде, можно судить по тому только, что при первомъ случаѣ корела кексгольмская и сартавальская обращалась къ «пагубному лютерову заблужденію». Съ 1572 года Валаамъ дѣлается

мѣстомъ ссылки для «исправленія заблуждающихся и кающихся». Такъ, въ этомъ году великій князь Іоаннъ Васильевичъ, «угрызаемый совѣстью о низверженіи и мученической кончинѣ св. Филиппа, митрополита московскаго», взялъ да и объявилъ враговъ почившаго іерарха «наглыми клеветниками», а одного изъ нихъ, бывшаго соловецкаго игумена Паисія, заперъ на Валаамѣ для покаянія. Въ XVI же вѣкѣ сюда сосланъ архіепископъ крутицкій Валаамъ за участіе въ нечестивомъ соборѣ митрополита московскаго Діонисія съ боярами о постриженіи жены великаго князя Ѳеодора Іоанновича Ирины Ѳеодоровны въ иночество «за безчадіе». Потомъ Валаамъ,славившійся своимъ строгимъ уставомъ, былъ тоже излюбленнымъ мѣстомъ для всяческихъ исправленій и заточеній. Самое положеніе острова таково, что для тюремщиковъ лучше и выбрать трудно. Кругомъ вода, никуда не уйдешь. Иноки же здѣсь живутъ и тогда жили строгіе, суровые, чуждые земнымъ страстямъ и, слѣдовательно, состраданію. Воображаю, какое уныніе охватывало заточенныхъ среди этихъ дикихъ скалъ и молчаливыхъ лѣсовъ, какъ должно было ихъ тянуть отсюда черезъ этотъ спокойный, безпріютный просторъ Ладоги туда, на югъ, подальше, въ Москву, Владиміръ, Кіевъ, откуда ихъ посылали сюда. Такъ дѣло шло до 1611 года, когда шведы опять напали на обитель и разрушили ее дотла. Игуменъ Макарій, братія и служки были умерщвлены. Удалось только спасти мощи преподобныхъ, которые для того опущены были въ глубокую могилу — родъ колодца. Шведы, разоривъ монастырь, поставили на его мѣстѣ маленькую крѣпостцу и остались въ ней. Нѣсколько лѣтъ, такимъ образомъ, обитель фактически не существовала. Иноки съ справедливой гордостью говорятъ теперь, что на ихъ островѣ

нѣтъ камня, который не былъ бы запечатлѣнъ кровью подвижническою; нѣтъ мѣста, гдѣ бы враги православія не убивали монашествующихъ. Нѣкоторымъ суевѣрнымъ людямъ и теперь здѣсь многое чудится. Разсказываютъ о видѣніи, бывшемъ какому-то иноку. Шелъ онъ по Назарьевской пустынѣ, — одному изъ самыхъ поэтическихъ уголковъ Валаама. Вдругъ вдали послышалось погребальное пѣніе стараго образца, гнусавое. Инокъ, изумленный, остановился. Было это среди бѣлаго дня. Вдали изъ зеленой чащи, залитой солнечнымъ свѣтомъ, показалось шествіе черноризцевъ въ два ряда. Шли они, сложивъ руки на груди, образомъ же были пресвѣтлы и очи имѣли кротости несказанной. Только, когда шествіе приблизилось къ монаху, онъ увидѣлъ, что всѣ черноризцы обрызганы кровью и покрыты ранами. Тамъ, гдѣ прошли они, трава оказалась не помятой. Они исчезли такъ же, какъ и явились, въ зеленой чащѣ, при чемъ тихіе отголоски погребальнаго напѣва долго носились въ воздухѣ, пока не слились съ глубокимъ шопотомъ лѣсныхъ вершинъ и свистомъ вѣтра, проснувшагося между деревьями. Шведы, занявъ островъ, по преданію, сначала хотѣли было извлечь мощи преподобныхъ и надругаться надъ ними, но ихъ постигъ недугъ, и, выздоровѣвъ, они соорудили надъ могилою святителей деревянную часовню, вскорѣ, впрочемъ, забытую. Развалилась и крѣпостца, поставленная шведами, и весь островъ пришелъ въ страшное запустѣніе. Только въ большіе праздники, невѣдомо съ какихъ незримыхъ колоколенъ, надъ лѣсными вершинами и молчаливыми скалами носился благовѣстъ, коему не внимало уже ничье ухо. Безлюдье и запустѣніе было тамъ, гдѣ еще недавно проливались покаянныя слезы и возносились горячія молитвы . . . Только изрѣдка прибреж-

ники Ладоги заплывали сюда для рыбнаго лова. Рѣдкіе проникали внутрь пустыннаго острова. Одинъ изъ такихъ немногихъ, дойдя до могилы преподобныхъ, увидѣлъ надъ нею полуразрушенную часовню, совсѣмъ окутанную отовсюду лѣсною дремой, и покачнувшійся, мохомъ поросшій крестъ. По преданію, финнъ хотѣлъ совсѣмъ свалить его, но тутъ же на мѣстѣ былъ пораженъ «язвами». «Вразумленный, онъ позналъ все безуміе своей дерзости, былъ исцѣленъ, возобновилъ крестъ и часовню и поселился около тѣхъ преподобныхъ». Теперь, среди бездорожья, въ этомъ безмолвномъ царствѣ сосенъ и скалъ, явилось жилье человѣка. Потомки дерзостнаго финна существовали здѣсь до времени игумена Назарія, который ихъ выселилъ въ Якимваарскій погостъ, въ деревню Кумоля, гдѣ они живутъ, нося фамилію Кокуля. Какъ кому, а мнѣ всего поэтичнѣе изъ длинной исторіи Валаамской обители кажется именно время запустѣнія и безлюдья, когда островъ населяли только могилы, въ которыхъ мирно спали мирные иноки. Ко времени, когда Петръ Великій повелѣлъ возстановить обитель во всемъ ея блескѣ и величіи, на Валаамѣ уже не оставалось никакого жилья, кромѣ скудной хижинки поселившагося у часовни финна. Лѣсная поросль затянула срубы, кое-гдѣ въ глубокихъ трущобахъ догнивали по сырымъ понизьямъ балки, и только таинственный звонъ чудесныхъ колоколенъ носился надъ этимъ царствомъ запустѣнія и смерти.

Во весь первый періодъ до окончательнаго разоренія Валаамъ сослужилъ большую службу Россіи. Онъ былъ представителемъ нашихъ началъ среди корелы, первымъ форпостомъ славянскаго племени. Валаамъ въ значительной степени подготовилъ почву для обрусенія ладожскихъ инородцевъ. и если въ самыхъ глухихъ ко-

рельскихъ селахъ мы слышимъ чистый русскій языкъ, если видимъ свои обычаи привившимися тамъ, а въ немногихъ русскихъ поселкахъ племенныя особенности сохранившимися неприкосновенно, то заслугу мы должны приписать именно труждавшимся и мучимымъ шведами старцамъ валаамскимъ. Какъ Соловки на сѣверѣ, такъ и Валаамъ на западѣ, — одинъ среди чуди бѣлоглазой, другой среди корелы и финскаго племени, — высоко держали свѣточъ русскаго народа и, ни разу не склонивъ, пронесли его черезъ нѣсколько вѣковъ. И та и другая обитель были созданіемъ Господина Великаго Новгорода, имъ онъ передалъ свои живыя силы, и въ нихъ обѣихъ до послѣдняго времени отголоски древняго вѣча сказывались въ общинномъ устройствѣ и вершеніи дѣлъ. Сходство между Соловками и Валаамомъ не ограничивается этимъ. Валаамъ, какъ и Соловки, — мужицкое царство, и въ немъ вся сила обители.

Итакъ, Валаамъ сто лѣтъ былъ въ запустѣніи. Къ счастію, о немъ воспомнили во-время. Тихвинскаго монастыря архимандритъ Макарій обратился къ Петру съ просьбою не дать мощамъ Германа и Сергія валаамскихъ «у проклятыхъ люторъ въ поруганіи быть» и повелѣть тѣ святыя мощи «съ того Валаамскаго острова отъ ихъ люторскаго поруганія перенести въ Тихвинъ монастырь, дабы они, проклятые люторы, тѣмъ не возносилися», и отъ сосѣднихъ «государствъ [?!], которыя нынѣ содержатъ законъ греческій и въ благочестіи состоятъ, укоризны и поношенія не было». Если бы просьба была буквально исполнена, Валаамъ населился бы рыбаками и корелами. Здѣсь бы устроились крестьянскія волости, и нынѣшней любопытной обители не существовало бы. Тѣмъ не менѣе, хотя просьбу Макарія не исполнили, но о Валаамѣ вспомнили; посѣщая олонецкій край,

Петръ побывалъ на островахъ, и въ 1715 году послѣдовалъ указъ возстановить монастырь во всей его прежней славѣ.

Въ теченіе сорока лѣтъ обитель росла очень быстро, но въ 1754 году, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, была внезапно истреблена огнемъ. Пришлось опять начинать сначала. Черезъ всю исторію Валаама проходитъ одна замѣчательная черта: чисто мужицкая, сильная, несокрушимая энергія. Черезъ 9 лѣтъ обитель обстроилась еще роскошнѣе, еще просторнѣе. Въ саровской пустынѣ въ то время былъ строгій отшельникъ, старецъ Назарій. Валаамъ вызывалъ его къ себѣ, но настоятель Сарова, стараясь удержать его у себя, отозвался о немъ какъ о человѣкѣ малоумномъ и неопытномъ въ духовной жизни. Преосвященный Гавріилъ проникъ тайну смиренія Назаріева.

— У меня много своихъ умниковъ, пришлите мнѣ вашего глупца! — отвѣчалъ онъ саровскому игумену.

И старецъ Назарій сдѣлался, такимъ образомъ, строителемъ Валаама. Съ этого времени древній монастырь идетъ въ ширь. До сихъ поръ онъ еще не установился и похожъ на громадный, строящійся домъ, гдѣ въ однѣхъ комнатахъ уже живутъ, а въ другихъ стучатъ молотки, подъ топоромъ летятъ во всѣ стороны щепки, визгливо пилится крѣпкое дерево, стоитъ бѣлое облако надъ кучами извести. Иннокентій очень удачно продолжалъ дѣло малоумнаго старца Назарія, оказавшагося прекраснымъ хозяиномъ. Послѣдующіе игумены тоже не складывали рукъ, но монастырь въ настоящемъ его видѣ нужно считать созданіемъ о. Дамаскина, правившаго имъ около сорока лѣтъ. О. Дамаскинъ — самый крупный представитель того типа крестьянъ-дѣятелей, которыми отличаются наши сѣверныя обители.

Воля, не выносящая противорѣчій и не терпящая ничьего равенства около. Сила, созидающая или разрушающая, смотря по тому, какъ она направлена. Въ о. Дамаскинѣ выработался наиболѣе полный типъ монаховъ-строителей, которые сумѣли изъ ничего сдѣлать все.

Въ прошломъ вѣкѣ Валаамъ владѣлъ соляными варницами, мельницей и сѣнными покосами въ Кольскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, и деревнями по ладожскимъ берегамъ. Но потомъ Валааму не повезло. Села были отобраны, острова посѣщались финнами, которые рубили монашескіе лѣса и косили траву въ лугахъ, ничего не платя инокамъ. Только при Павлѣ I обитель вздохнула свободнѣе. Теперь богатства обители въ земляхъ, лѣсахъ, водахъ и постройкахъ громадны, а даровой трудъ болѣе чѣмъ трехсотъ человѣкъ братіи и тысячи бомольцевъ составляетъ тоже немаловажный капиталъ.

IV.

Гостиница. — Отецъ Никандръ.

Ладожскаго гроза, какъ скоро налетѣла, такъ же скоро и ушла.

Когда мы по довольно крутой дорогѣ подымались наверхъ, вдали, на горизонтѣ, только мигали зарницы, проходя стороной. Направо отъ насъ было довольно большое зданіе, красное, выведенное изъ кирпича. Это старая гостиница. Теперь она идетъ подъ «простой народъ». Прямо передъ нами бѣлый фасадъ новой странноприимницы, въ которой можетъ помѣститься болѣе 2,000 человѣкъ.

Ни въ одномъ окнѣ не было свѣта, и налѣво, за бѣлой стѣной монастыря, чернѣли такія же мертвыя окна келій, и высились, словно стремясь дорасти до тучъ, колокольни и куполы. Кругомъ стѣною лѣсъ. Весенній шелестъ несся намъ навстрѣчу. Именно весенній, мягкій, ласковый. Листья еще нѣжны, молоды. Тотъ же лѣсъ осенью шумитъ совсѣмъ иначе. Въ сухомъ шорохѣ его слышно что-то старческое. Листва подсохла, пожелтѣла и шуршитъ одна о другую, пока вѣтеръ не сорветъ ее совсѣмъ и не броситъ въ сырое понизье.

— Неужели всѣ спятъ?

— Всѣ. Извѣстно, они деликатной жизни не понимаютъ, — пояснилъ артистъ Володька. — Теперь въ Питерѣ только что въ разгулъ идутъ. Тутъ, какъ десять часовъ, — шабашъ. Коты и тѣ дрыхнутъ!

— Какъ рано встаютъ иноки?

— Рано-то рано. А только и тоска же!

— Не для веселья собрались! Цѣлый день на работѣ, — пояснилъ мнѣ Стешка. — Вотъ какъ четыре утра, такъ иноки и за дѣло. Кто куда. Всѣмъ послушаніе назначено!

— Ну, ужъ и всѣмъ!

— Завтра сами увидите. Ни одного, чтобы такъ болтался. Тутъ монастырь строгій!

Тишина давила. Громаднымъ кладбищемъ казались кельи, соборы, дома... Среди безцвѣтной финской ночи они были еще мертвѣе, точно безкровное, ничѣмъ неозаренное лицо трупа. Сдѣлалъ я еще нѣсколько шаговъ... Что это? Прелестный молодой голосъ... Простая корельская пѣсня, нервно вздрагивающая, точно подстрѣленная птица, что на землѣ бьется, шевелитъ ослабѣвшими крыльями, силясь подняться повыше, на просторъ, а сыра земля ее держитъ .. Больное сердце создаетъ та-

кія пѣсни. Изъ больной груди плачутъ онѣ безутѣшныя...

— Кто это?

— Должно, изъ молодыхъ монаховъ!

Двери гостиницы заперты.

Мы начали было стучать. Сначала Володька заколотился.

— Ты что, чортъ! Развѣ такъ можно? Въ кое мѣсто попалъ, что ломишься?

Попробовалъ Степка раза два-три. Прислушались,— никого и ничего.

— Отецъ Никандра спитъ, должно быть. Усь-ка, я его подыму. Въ окно постучу!

Я сѣлъ на лавочку. Стучали довольно долго. Наконецъ, въ окнѣ кельи показалась чья-то сѣдая голова.

— Кто тутъ?

— Богомольца въ лодкѣ привезли. Благослови въ гостиницу отецъ Никандра!

— Въ лодкѣ? Вона! Какой богомолецъ, изъ именитыхъ?

— Генералъ, — совралъ Володька. — Изъ Питера, отецъ Никандра!

Черезъ минуту, наконецъ, отворились двери. Гостинникъ, іеромонахъ Никандръ, весь сухой, зорко поглядывающій однимъ здоровымъ глазомъ, въ то время какъ другой, кривой, шаритъ что-то на сторонѣ, заторопился... Подъ руку даже подхватилъ меня.

— Вы извините, отецъ Никандръ, я не генералъ, и вообще нигдѣ не служу!

— Не служите? Что жъ такъ? А вы бы послужили. Генераломъ бы, пожалуй, и вышли. Ты, братъ Владиміръ, все въ нераскаянности своей пребываешь. На обманѣ только и стоишь; развлеченіе мыслей у тебя за-

мѣчаю особливое. А ты себя въ нетерпѣливости укоряй. Не могъ меня дождаться, — генерала выдумалъ!

— Прости, отецъ Никандра, я это такъ...

— Что прости... Я прощу, а только самоуничиженія не вижу въ тебѣ никакого. Мысли-то у тебя какія. Все ты паришь къ предметамъ не полезнымъ, а душевреднымъ. Пожалуйте! — обернулся онъ ко мнѣ.

Длинный, бѣлый коридоръ, по обѣимъ сторонамъ, точно келіи одиночнаго заключенія, малыя комнатки, въ

— Вы извините, отецъ Никандръ, я не генералъ. (Стр. 26.)

одно окно каждая. Стѣны начисто выбѣлены известкой. Постели чистыя, но грубыя, по монашескому положенію. Въ комнатѣ двѣ кровати, простой некрашеный столъ и табуретъ.

— Вотъ вамъ и келья. Какого званія будете: благороднаго или изъ купцовъ? Вы что же это на лодкѣ, для развлеченія?

— Нѣтъ, къ пароходу опоздалъ! Изъ Сердоболя.

— Скажите, какіе вы безстрашные... А какой на васъ чинъ будетъ?

— Никакого!

— Какъ же . . . Это нельзя, чтобъ безъ чина . . . Вотъ это что, книжка у васъ?

— Да!

Высмотрѣлъ книжки, въ бумаги заглянулъ. О семейномъ положеніи поинтересовался и всѣ мои отвѣты занотовалъ въ памяти.

— А вы какимъ дѣломъ занимаетесь?

— Пишу .. Книги вотъ пишу!

— Скажите . . . въ такихъ младыхъ лѣтахъ! Но напаче свѣтскія?

— Да!

— О прелести суетной. Не для духорадости, а такъ, хитроумствованіе! Ну, что-жъ, теперь отдохнуть вамъ требуется? Одѣяло вамъ принесу сейчасъ. Покровъ тѣлесный, а вы о духовномъ-то покровѣ сами позаботьтесь. У насъ тутъ хорошо спится, безъ вражьихъ мечтаній. Мы до прикосновенія сна молимся. Оттого и видѣній никакихъ не бываетъ. Что же, все осматривать будете?

— Да, думаю!

— Ежели пустятъ!

— Какъ пустятъ? Вѣдь богомольцамъ же не воспрещено?

— Нѣтъ, зачѣмъ же. У насъ богомольцы изъ гостиницы въ храмъ и трапезную и опять въ гостиницу. А до осмотровъ не допущаютъ. Но ежели отецъ намѣстникъ благословитъ, тогда и вы посмотрите вся сокровенная. Скиты наши. Лошадокъ вамъ дадутъ, а то въ ладьѣ повозятъ. А вы запишите мнѣ на бумажку, зачѣмъ вы прибыли, на долго ли и ваше святое имя!

— Зачѣмъ?

— Нельзя. Я о каждомъ богомольцѣ докладать дол-

женъ отцу намѣстнику. Вы еще спать будете по немощи своей, а я ужъ побѣгу къ нему. Прибылъ-де свѣтскій писатель. Ну, и прочее, еже замѣчу, поясню ему. А потомъ вы подите, благословитесь — монастырь смотрѣть. А то и такіе писатели есть, сказываютъ, которые монастыри бранятъ!

— Какже, есть!

— Доколѣ Господь ихъ терпитъ... Это точно, — вольное время нынѣ. А то бы имъ слѣдовало уста заграждати. Потому — не дерзай! Во оно время жгли такихъ за ересь.

Отецъ Никандръ впослѣдствіи, когда узналъ, что намѣстникъ меня принялъ хорошо, сталъ очень милъ и любезенъ. Развлекалъ меня по вечерамъ бесѣдою сладкогласною и умилялся добродѣтелями иноковъ валаамскихъ.

Валаамъ — первая обитель, гостиница которой содержится въ безукоризненной чистотѣ. Пока о. Дамаскинъ не былъ разбитъ параличемъ, онъ самъ слѣдилъ за этимъ, и порядки, введенные имъ, сохранились и доселѣ. Клопъ и блоха преслѣдовались здѣсь съ ревностью, воистину утѣшительною.

— Которую и богомольцы завезутъ, и ту мы истребляемъ! А сами они у насъ не водятся. По цѣлому монастырю этой нечисти нѣтъ!

— У васъ много иноковъ кореловъ?

— Много!

— А они, вѣдь, не совсѣмъ чистоплотны?

— Это дома, живучи въ нищетѣ да лишеніяхъ. А тутъ они такъ округъ себя ходятъ... Иному господину подстать... Ну, спите! Спите! Завтра я васъ разбужу въ свое время, Господь съ вами! Поѣсть хотите?

— Нѣтъ, спасибо!

— И чудесно. Невоздержаніе и насыщеніе чрева — начало всякой страсти есть. Сею-то сытію прежде всего и скорѣе человѣкъ уловляется . . . Такъ вы о мясахъ египетскихъ скорбѣть не будете? Нѣтъ? Ну, благослови Господи! — И Никандръ оставилъ меня одного.

V.

У о. намѣстника въ кельѣ.—Пустынные дворы.—Воздухоплаваніе о. Анфима.

Хотя Володька оказался человѣкомъ неосновательнымъ, тѣмъ не менѣе, слова его оправдались.

На другой день утромъ, когда я вышелъ изъ своей кельи, меня поразило безлюдье, окружавшее монастырь. Нигдѣ не было безъ толку слоняющихся монаховъ, на пустынныхъ дворахъ ни души, только изрѣдка какой-нибудь служака перебѣгалъ отъ собора къ кельямъ, поправляя на ходу свою скуфейку. Иноки всѣ были на послушаніяхъ, назначаемыхъ кождому о. Аѳанасіемъ, намѣстникомъ, правившимъ обителью за недугомъ о. Дамаскина. Видъ монастыря не поражалъ ни тою прелестью, которою плѣняютъ Святыя-Горы на р. Донцѣ, ни грандіозностью Соловокъ, гдѣ каждый камень древнихъ стѣнъ кажется покрытымъ плѣсенью пережитыхъ вѣковъ. На Валаамскій монастырь лучше всего смотрѣть съ другого берега пролива. Прямо изъ воды подымается хорошо содержимый садъ; надъ его деревьями точно плаваетъ бѣлая стѣна и главы собора. Двухъэтажные корпусы келій не имѣютъ въ себѣ ничего внушительнаго. Самый монастырь подавляется размѣрами и роскошью его хозяйственныхъ построекъ. Громадныя кирпичныя строе-

нія конюшенъ, фермы, риги, красивыя гостиницы далеко переросли его. Зато какъ хороша рамка сосноваго лѣса, березовыя, кудрявыя чащи, скитъ св. Николая. рисующійся лѣвѣе на голубыхъ водахъ, при самомъ выходѣ изъ пролива. Изрѣдка въ пустынныхъ водахъ скользитъ челнокъ возвращающагося рыболова-монаха. Внизу пристань, къ ней привалилъ и слегка попыхиваетъ дымкомъ, точно затягиваясь имъ, маленькій пароходъ, принадлежащій Валааму. Его купилъ и подарилъ инокамъ нѣкто Тюменевъ, богатый купецъ. Слѣды пребыванія Тюменева въ обители вы замѣтите вездѣ. У него здѣсь даже свой скитъ и своя келья . . .

Тишина охватывала меня кругомъ, когда я изъ одного пустыннаго двора переходилъ въ другой. Жутко становилось здѣсь. Престарѣлый привратникъ въ скуфейкѣ едва имѣлъ силы приподнять на меня отяжелѣвшія вѣки . . . На вопросъ, гдѣ келья о. намѣстника, онъ что-то пожевалъ и, взмахнувъ рукой, тотчасъ же опустился по своей ветхости и немощи на скамью.

— Какъ жутко у васъ! — подѣлился я впечатлѣніемъ съ попавшимся навстрѣчу инокомъ.

Тотъ пытливо оглянулъ меня . . .

— Вы это о чемъ же? . .

— Малолюдье . . .

— Да теперь всѣ на работѣ. Въ мастерскія зайдите, на ферму, на заводъ, — тамъ у насъ самая кипень . . .

— Да не всѣ же?

— Всѣ на послушаніяхъ . . . Извините, у насъ некогда. У насъ съ богомольцами еще отъ отца Дамаскина наказъ . . . Чтобы поношенія обители какого не вышло! Простите, Христа ради!

И онъ побѣжалъ куда-то, суетливо помахивая руками.

Всѣ встрѣчавшіеся — въ грубыхъ солдатскаго сукна рясахъ. Нѣкоторые, которыхъ посылаютъ на рыбный ловъ или на рубку дровъ, въ бѣлыхъ холщевыхъ. Все это занято, все это торопится. Другой, котораго я остановилъ было, даже не отвѣтилъ на мой вопросъ, а поклонился въ знакъ своего смиренія чуть не до земли и исчезъ въ ближайшія ворота. Съ перваго шага вездѣ и во всемъ дисциплина. Тутъ даже монахъ къ монаху въ келью не можетъ войти безъ благословенія настоятеля.

Къ свиданію съ о. Афанасіемъ я подготовлялся весьма безпокойно. Никандръ-гостинникъ охарактеризовалъ этого валаамскаго саповника такъ:

— Онъ, этотъ отецъ Афанасій, старецъ пронзительный... Какъ сквозь стеклышко душу твою видитъ, все, чѣмъ у тебя нутро полно. Ему, по своей должности, эта прозорливость благопотребна. Безъ ее, братъ, плохо!..

Живетъ намѣстникъ скудно... Двѣ тѣсныя кельи. Только и роскоши, что простенькіе цвѣты на окнахъ. Картины на стѣнахъ, преимущественно виды Валаама, писанные масляными красками и притомъ весьма наивно. Пахнетъ ладаномъ и кипарисомъ, какъ падлежитъ у прозорливаго старца. Высокій келейникъ доложилъ обо мнѣ полушопотомъ въ слѣдующей кельѣ...

— А! Отецъ Никандръ мнѣ ужъ докладывалъ!

Намѣстникъ — совсѣмъ крестьянскій или средней руки купеческій типъ. Умные глаза, на энергичномъ лицѣ выраженіе постоянной заботы. Сильный корпусъ, къ которому, пожалуй, идетъ монашеская ряса и клобукъ. Видимо, хорошій работникъ, какимъ, впрочемъ, онъ и былъ до сихъ поръ. Это строитель валаамскаго водопровода, сооруженія поистинѣ замѣчательнаго, отличный механикъ, пріучившійся къ этому дѣлу на Бердовскомъ заводѣ, гдѣ онъ былъ простымъ рабочимъ. Вмѣ-

сто прозорливаго старца, передо мною оказался живой, всѣмъ живымъ интересующійся монахъ, не изрекающій, но говорящій просто и задушевно, отзывчивый... Я не слышалъ отъ него ни единаго текста, но всякое замѣчаніе, высказанное имъ, отличалось здравымъ смысломъ, непритязательностью. Видимо, встрѣчаясь съ новымъ человѣкомъ, онъ не упускалъ случая научиться чему-нибудь, чего онъ еще не зналъ. Это именно одинъ изъ соловецкихъ типовъ. Не монахъ византійскаго склада, паче всего прилежащій къ пустынножительству, умерщвленію плоти при сценической постановкѣ, нѣтъ, — это труженикъ, постоянно думающій о томъ, какъ бы развить то или другое дѣло, упростить производство, замѣнить машиной рабочія руки, расширить хозяйство. Короче, монахъ-строитель, монахъ-десятникъ. Достойный представитель тѣхъ промышленныхъ и рабочихъ общинъ, которыхъ подъ высокими главами иноческихъ соборовъ и за бѣлыми стѣнами обителей — у насъ не мало, хотя эти общины преслѣдуютъ служеніе не тому или другому соціальному принципу, а просто, не мудрствуя лукаво, хлопочутъ о благолѣпіи дома Божьяго. Отцы Зосиму и Савватія у соловецкой рабочей общины и Сергія и Германа у таковой же валаамской, — и онѣ не простоятъ и дня.

— Правда ли, отецъ Афанасій, что у васъ богомольцевъ не пускаютъ въ скитъ?

— Которые ради праздная любопытства — да. Потому, какое же спасеніе, если всякій соваться будетъ къ схимникамъ, да къ затворникамъ. Но вамъ — иная статья. Сдѣлайте милость, чѣмъ больше увидите у насъ, лучше. Намъ прятать нечего. Мы еще и рады, если узнаютъ о нашей обители... Художниковъ еще съ легкой руки отца Дамаскина мы всѣдѣ пускаемъ. Вы только

скажите, что вамъ надо: лошадей ли, лодку, пароходикъ нашъ — съ удовольствіемъ. А то, помилуйте, бабы эти повадились по скитамъ, что жъ хорошаго! Пріѣхала молиться, — молись у преподобнаго, а не шляйся...

Благодаря доброму распоряженію о. Афанасія, мнѣ удалось увидать здѣсь даже скитъ Іоанна Предтечи и Свирскій, куда пускаютъ рѣдкихъ...

Выйдя изъ келіи намѣстника, я невольно заглядѣлся на тонувшій въ высотѣ куполъ собора. На шпицѣ его, точно черный муравей, висѣлъ какой-то монахъ съ двумя помощниками-послушниками. Они смазывали олифой позолоту шпица и купола. Больно было смотрѣть въ эту высь, жутко становилось за нихъ.

— Кто это у васъ тамъ?

— Іеромонахъ одинъ, отецъ Анфимъ... Онъ у насъ на всѣ руки мужикъ. Вотъ гостиницу выстроилъ. Такія у него отъ Господа дарованія, просто удивленіе. Все можетъ. Вы какъ думаете, разъ ужъ онъ леталъ!

— Какъ?

— Да съ собора этого. Помутилась у него голова что ли, ну, и слетѣлъ внизъ... Шибко расшибся; думали — помретъ, соборовали ужъ. Вѣдь о камень вдарился. Нѣтъ, — отлежался. Шесть мѣсяцевъ въ кельѣ съ койки не поднимался. Ну, и какъ всталъ, въ тотъ же день, сейчасъ на шпицъ взлѣзъ, поправка какая-то была тамъ. Мы ужъ его не пускали, — куда, слушать не хочетъ. «Господь, — говоритъ, — сохранилъ разъ, сохранитъ и въ другой!» А если и помру, все же на послушаніи, на Божьемъ дѣлѣ!

Съ воздухоплавателемъ этимъ я познакомился потомъ.

— Повыше-то — къ небу ближе. Какъ взойдешь, вся горняя надъ тобою, небеса разверзаются, ангелы го-

борятъ душѣ. И помыслы чище. Сверху-то внизъ глядишь, и люди кажутся маленькіе, да и страсти ихъ самыя крохотныя, да жалкія . . . Духъ-то что орлими крылами паритъ; птица летитъ мимо — точно сестра тебѣ, ласково на тебя смотритъ, близокъ ты ей, тоже въ воздухѣ, какъ и она, купаешься. Молитву творить, откуда и слова, совсѣмъ не тѣ, что внизу. На землѣ земля къ себѣ тянетъ, а тутъ небо зоветъ, каждая тучка точно надъ тобой останавливается, манитъ: пойдемъ-де со мною . . . Вѣтеръ ежели мимо, точно духъ Божій въ немъ носится... Нѣтъ, хорошо на версѣ . . . Лучше нельзя!

VI.

Богомольцы. — Исправляемые. — Голодные и холодные.

Во время моего посѣщенія Валаама, богомольцевъ было чрезвычайно мало. Нѣсколько корельскихъ семей, да гулящая голытьба изъ Питера обрадовалась даровымъ кормамъ. Такъ что типы, пропавшіе бы въ другое время, здѣсь невольно бросались въ глаза. Особенно любовался я двумя купеческими саврасами. Очень ужъ хороши были. Носы тупыми углами вверхъ, лбы — впрочемъ, лба имъ не полагалось — капуль замѣнялъ, золотушные глаза, ничего не выражавшіе, и отвислыя нижнія челюсти. При этомъ спинжакъ въ обтяжку и штаны, разумѣется, колокольчиками.

— Эти зачѣмъ тутъ? — спрашиваю у о. Никандра.

— На исправленіи. Третій мѣсяцъ слоняются!

— Вотъ, я думаю, томятся?

— Нѣтъ, помилуйте. Тятенька у нихъ звѣроподоб-

ный. Мы тутъ увидѣли свѣтъ, — говорятъ. Одного родитель здѣсь въ монастырѣ училъ. Хорошую стосросовую палку объ него обломалъ. Только и бѣда съ ними!

— А что?

— Богъ знаетъ какъ ужъ это они табакъ достаютъ!

— Да развѣ богомольцамъ курить воспрещается?

Купеческіе саврасы (стр. 35).

— А то какъ. Тутъ смѣхъ съ этимъ куревомъ. Изъ Питера какія особы наѣзжаютъ, можно сказать, сугубые господа, въ кавалеріяхъ. Такъ они, что мальчики, въ трубу дымокъ-отъ пущаютъ... Дымкомъ-то въ форточку попыхиваютъ. Разъ я къ одному въ келью нечаянно вошелъ, а у него цыгарка въ зубу. Онъ ее сейчасъ трахъ, — да между пальцы и зажалъ. Стыдно-съ, говорю ему, въ генеральскомъ чинѣ, и вдругъ такой соблазнъ. Знаете уставъ нашъ, что нельзя! «Это вы, —

отвѣчаетъ, — насчетъ табаку, такъ я, ей-Богу, и не курилъ, и не курю совсѣмъ. Помилуйте, что въ емъ. въ табакѣ этомъ... Одно зелье блудное!..» А какъ онъ не куритъ, коли цыгарка-то у него скрозь пальцы дымитъ... Вотъ я, говорю, пойду, да отцу Дамаскину пожалуюсь... Такъ онъ меня сталъ просить, такъ просить...

Два купеческихъ савраса перепѣли всѣ мотивы французскихъ шансонетокъ, которые они узнали, разумѣется, не изъ первыхъ рукъ, и заскучали. Кстати, изобрѣтательность выручила. Слышу я какъ-то въ коридорѣ:

— Давай канонархать!

— Давай!

— Начинай... Попробуй-ка прокапонархать такъ, какъ отецъ Александръ канонархаетъ. Ну?

Ревъ поднялся такой, что о. Никандръ погрозился тятенькѣ отписать.

— Неужели же мы себѣ самаго малаго музыкальнаго удовольствія доставить не можемъ?

А то вотъ еще одинъ овощъ отъ чреслъ купеческихъ.

Стою я какъ-то у монастырской хлѣбни. Вдругъ оттуда выскакиваетъ весь въ поту молодчинище громаднѣйшій, на громадныхъ тяжелыхъ, толстыхъ лапахъ, лѣтъ этакъ семнадцати. Лицо все въ прыщахъ, носъ точно чѣмъ-то налившійся, маленькіе свиные глазки. Руки лопатами. Выскочилъ, какъ съ угару, тяжело дыша.

— Вотъ благодарю!.. Утѣшила меня маменька... Вотъ благодарю!

— Что это вы? — спрашиваю.

— Ну, монастырь!

— Это вы насчетъ чего же?

— Какже... Сорокъ дней окромя квашни ничего не видалъ!

— Какимъ образомъ?

— А вотъ видите. По нашему обиходу я запилъ. Меня маменька поймали, на пароходъ и сюда водворили на сорокъ дней!

— Квашня же тутъ при чемъ?

— Да такая была ихъ просьба къ отцу намѣстнику, чтобы мнѣ дѣло какое потяжелѣе. Ну, онъ и благословилъ: — ступай квашню мѣсить. Такъ сорокъ день и храмовъ Божьихъ не видалъ. Утромъ, чуть свѣтъ, къ квашнѣ, отъ квашни и спать идешь!

— Дурь-то изъ тебя потомъ и вышла! — вмѣшался монахъ. — Пріѣхалъ, вѣдь на тебѣ лица не было. Отекъ съ вина, а теперь умалилось!

— Точно что... сейчасъ только сорокъ дней кончилось! Ну, ужъ я теперь!.. Благодарю васъ, маменька... Ужъ я теперь!..

Только и производили утѣшительное впечатлѣніе богомольцы изъ крестьянъ. Эти серьезно молились и отводили душу, находя помощь по вѣрѣ своей. Особенно одинъ такъ и врѣзался въ моей памяти. Стоитъ въ соборѣ на колѣняхъ... Ни слова, — даже губы молитвы не шепчутъ. Пристальный взглядъ уперся въ образъ Богоматери и не отрывается отъ него по часамъ. Въ этомъ взглядѣ все: и надежда, и скорбь, и радость духовная, и тоска безмѣрная. Весь человѣкъ перешелъ въ глаза. Онъ не слышитъ богослуженія, въ немъ самомъ, очевидно, совершается свое священнодѣйствіе, въ которомъ онъ самъ и священникъ, и богомолецъ. А то вотъ цѣлая семья распростерлась и молится... Плачетъ баба, всѣмъ своимъ нутромъ плачетъ. Видимо, настоя-

щее горе, не наше сентиментальное и слащавое, слезами изводится.

Корелы, тѣ и молятся какъ-то по-своему. Точно по командѣ взбрасываютъ руки, отряхиваютъ головы, кланяются въ поясъ священнику, стадомъ подходятъ подъ благословеніе, стадомъ прикладываются къ иконамъ. Бараны за вожакомъ. Даже въ трапезную ползутъ тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ и тоже стадомъ. Въ лѣсъ вздумаютъ, непремѣнно цѣлымъ табуномъ. Впрочемъ, когда они попадаютъ въ монастырь послушниками, у нихъ, Господь ужъ вѣдаетъ какъ и откуда, оказываются способности, и грубый, неуклюжій, аляповатый корель дѣлается ловкимъ, умнымъ и предпріимчивымъ инокомъ.

Между богомольцами, бывшими при мнѣ, выдавался одинъ особенно. У каждаго монаха допрашивался, — можетъ ли «самоубивецъ, и вдругъ теперь, въ царствіе небесное войти». Никто ему точнаго отвѣта дать не могъ; только одно и совѣтовали: «молись преподобнымъ, на милость закона нѣтъ». Супулся онъ съ чего-то и ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ.

— Да что это васъ безпокоитъ такъ?

— По личной прикосновенности-съ!

— А именно?

— Братецъ у меня былъ, въ мастерахъ у нѣмца, ну, такъ они ядомъ чудесно застрѣлились. Купили это сѣрничковъ, развели въ водкѣ и застрѣлились . . . Въ знакъ тоски-съ! . .

А то разлетѣлся въ обитель любитель стройнаго клирнаго пѣнія, а на Валаамѣ поютъ, — святыхъ вонъ выноси. Не до того инокамъ, не тѣмъ заняты.

— Ахъ, нѣтъ у васъ паркеснаго пѣнія! — сокрушался духовный меломанъ.

— А зачѣмъ намъ оное?

— Какъ зачѣмъ... Паркесное пѣніе слуху отрадно и для души умилительно, горѣ возноспшься и на землѣ рай всѣмъ человѣцамъ ощущаешь...

— Не надо намъ паркеснаго пѣпія! — упорствовалъ о. Никандръ.

— Почему не надо?

— Да такъ!

— Нѣтъ, каковой вашъ аргументъ будетъ... вы, впрочемъ, скажите?

— А такъ, что не приличествуетъ!

— Паркесное не приличествуетъ?! Ангельскіе гласы не подлежатъ вамъ?

— И не подлежатъ... Паркесное пѣніе подъ скрипку? — озлился о. Никандръ.

— Подъ скрипку точно...

— А гдѣ у святыхъ отцовъ о скрипкѣ значится? Кимвалы есть, трубы были, арфы, иныя прочія мусикійскія орудія упомпнаются... А скрипка есть?.. Скрипку на иконахъ изображаютъ?

— Скрипки нѣтъ! — озадачился богомолецъ.

— А нѣтъ, такъ и не надо. Скрипка обители не приличествуетъ... Давидъ, какъ по-вашему, на скрипкахъ возвеселялъ себя... Царя Саула на скрипкѣ утѣшилъ?

— Простите, отецъ Никандръ!

— Богъ проститъ! Господь съ вами. Наше пѣніе намъ къ лицу... Монастырь простой, не изглагольный, — и пѣніе простое. Надо, чтобы у тебя душа пѣла... Благочестивыя мысли не черезъ пѣніе должны исходить, а сами... Плохо, коли только пѣніемъ вѣра твоя поддерживается!.. Паркеснымъ пѣніемъ инока не создашь...

На праздникахъ народу здѣсь «что каша крутая». Голова кругомъ ходитъ у о. Никандра, потому что.

какъ гостинникъ, — онъ пастырь всего этого алчущаго и жаждущаго стада. Сразу по нѣсколько тысячъ привариваютъ даже и зимою. Такъ на Благовѣщеніе по льду пріѣзжаетъ сюда корель и чухонъ до 2,000. Въ лѣтніе мѣсяцы изъ одного Петербурга приплываютъ по 150 богомольцевъ каждую недѣлю. На Преображеніе изъ столицы съѣзжаются 700. Въ скиту Всѣхъ Святыхъ въ его храмовой праздникъ скопляется тысячи по три поклонниковъ. Въ теченіе же всего года однихъ береговыхъ собирается здѣсь тысячъ двѣнадцать да дальнихъ тысячъ восемь. Выработавшихся, традиціонныхъ богомольческихъ типовъ, которыми такъ обильны Соловки и богата Кіево-Печерская лавра, на Валаамѣ нѣтъ. Тутъ сѣрое крестьянство и питерская мастеровщина. Иной разъ въ гостинницахъ обители, несмотря на ихъ помѣстительность и размѣры, бываетъ такъ много посѣтителей, что они спятъ въ повалку, спина къ спинѣ, лицо къ лицу, точно дрова. Они, впрочемъ, и не претендуютъ. Для Бога! Значитъ, и потерпѣть можно. А тутъ кстати и пословицы: «въ тѣснотѣ люди живутъ», «чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ теплѣе». Между гостями бываютъ и старообрядцы, почитающіе если не самый монастырь, то островъ, какъ служившій нѣкогда обителью для чистыхъ свѣточей древняго благочестья. Бѣднѣйшимъ богомольцамъ обитель подаетъ иногда сапоги, платье, случается, и деньги. Сосѣдямъ, ладожанамъ, помогаетъ сѣменами, сѣномъ, соломою, огородными овощами. Нищета прибрежныхъ крестьянъ до того поразительна, что въ самую крѣпкую зиму, «не имѣя почти обуви, въ самомъ ветхомъ рубищѣ», они пускаются за сто-пятьдесятъ и болѣе верстъ по озеру, чтобы только пожить денька два на монастырскомъ хлѣбѣ. Многихъ изъ нихъ находятъ замерзшими «отъ великой стужи» за версту или

двѣ отъ обители. Въ монастырь стекаются и за медицинской помощью. Больные золотухой и глазами всего чаще обращаются сюда. Обитель снабжаетъ ихъ лѣкарствами. Всего бѣднѣе народъ съѣзжается на праздникъ Петра и Павла. Тогда тутъ слоняется по дворамъ и монастырю до 4,000 человѣкъ.

Всѣмъ богомольцамъ Валаамскій монастырь ставитъ въ обязанность исполнять слѣдующія правила:

1) Безъ особливаго благословенія не ходить въ лѣсъ, въ пустыни, въ скиты, въ монастырскія келын. Изъ живущихъ въ монастырѣ — никого у себя отнюдь не принимать въ келіи, имъ не давать и отъ нихъ ничего не брать ни подъ какимъ предлогомъ.

2) Не оказывать здѣсь никому частныхъ благотвореній, а доброхотное свое приношеніе подавать въ общую кружку въ пользу св. обители, такъ какъ никто изъ живущихъ въ монастырѣ не имѣетъ права пріобрѣтать отдѣльную собственность.

3) Письма и посылки въ монастырь, на имя проживающихъ въ немъ, передавать монастырскому начальству.

4) Не стрѣлять на островѣ изъ огнестрѣльныхъ орудій, не бить звѣрей, птицъ, не ловить рыбы, не портить лѣса и не курить табаку.

5) Ничего не писать на стѣнахъ и стеклахъ гостиницы и не бросать огня на удобосгораемыя вещи.

— Тоже и богомолецъ богомольцу рознь! — пояснилъ мнѣ о. Никандръ.

— А что?

— Да такъ. Иной вотъ уязвляетъ кротостью, думаешь, — душевенъ и благопотребенъ, а какъ уѣдетъ, вся келія исписана стихомъ неподобнымъ!

Образцы такихъ вдохновеній я видѣлъ. Всѣ они въ родѣ воздыханія:

Я въ полиціи служилъ,
Ни копейки не нажилъ,
Только имя подлеца
Пріобрѣлъ въ поту лица.

«О, Господи! [тою же рукою] Очисти мои прегрѣшенія!»

— Да, не во время вы къ намъ пожаловали! — объяснилъ мнѣ молодой о. Самуилъ.

— Почему?

— Не теперь надо, а когда нужда крестьянская къ намъ со всѣхъ сторонъ стекается. Тогда истинно Валаамъ во всемъ своемъ великолѣпіи красуется. Все это скорбное, немощное, горемъ къ самой землѣ прибитое, по единому слову пастыря, ницъ повергается. Тутъ-то истинному художнику и надлежитъ быть. Такихъ стоновъ не услышишь. Нашъ мужикъ не то, чтобы тоскѣ своей волю давалъ, а тутъ ужъ — онъ ее на всю вольную волю . . . Вчужѣ глядишь на нихъ и плачешь. Господи, думаешь, велики испытанія Твои, но и награда на небесахъ, по симъ испытаніямъ, ждетъ ихъ не малая. Къ намъ и съ болящею совѣстью притекаютъ. Такіе, что когда-нибудь и душу чужую загубили, тѣ страсть какъ молятся и каются. Вдарится оземь и глазъ не святителя поднять не смѣетъ. Исповѣдуется, а отъ святыхъ тайнъ отказывается самъ. «Недостоинъ я еще, не замолилъ». Проспть эпитимій потяжельше. Есть такіе, коимъ за мѣсто эпитимій духовникъ говоритъ: «иди и пострадай, — по начальству объявись». Ну, это они свято исполняютъ. Примиреніе съ совѣстью обрѣтаютъ въ самой лютой мукѣ! А больше приходятъ о нищетѣ

своей передъ Господомъ искать предстательства у святыхъ чудотворцевъ нашихъ. Мы такъ замѣчаемъ, чѣмъ недороднѣе годъ, чѣмъ крестьяне бѣднѣе, тѣмъ богомольцевъ больше... Когда у нихъ все есть, — о Богѣ мало вспоминаютъ... Помощь его въ несчастьѣ познается... Это я имъ не въ осужденіе, а такъ, по правдѣ... Тутъ какое дѣло было. Мнѣ тоже разсказывали его старики. Одинъ убивецъ далъ обѣтъ въ каторгѣ, если ему удастся бѣжать, такъ безпремѣнно къ святителямъ валаамскимъ сходить поклониться. Ну, они ему помогли...

— Бѣжать-то съ каторги?

— Отчего же. У нихъ свой судъ, не земной. Судьѣ небесному виднѣе, кто чего стоитъ... Ну, вотъ-съ, удалось ему бѣжать, добрался до Валаама. Помолился, помолился, а потомъ взяло его сумнѣніе. Правое ли дѣло его, хорошо ли поступилъ, бѣжамши. И такое у него довѣріе было, что онъ прямо къ отцу Дамаскину. Тотъ его выслушалъ. «Приходи, — говоритъ, — ко мнѣ на утро». А самъ сталъ на молитву, на всю ночь, чтобъ умудрилъ его Господь, какъ въ семъ дѣлѣ поступить. И чѣмъ больше молился отецъ настоятель, тѣмъ болѣе въ немъ жалость къ душѣ болящей и сердцу неспокойному воніяла. Утромъ его сподвижники наши просвѣтили. Пришелъ это бѣглый. Отецъ Дамаскинъ и говоритъ ему: «Ежели молилъ ты преславныхъ чудотворцевъ помочь тебѣ и предпріятіе свое исполнилъ успѣшно, значитъ дѣйствительно, преподобные оказали тебѣ свою милость. Значитъ, не хотѣли они гибели твоей и, хотя великъ твой грѣхъ, кровь убіеннаго вопіетъ ко Господу, — но надѣйся! Иди въ пустыню, живи со звѣрьми съ лютыми, во всемъ ограничивай себя, терпи немощь всякую. Зимой не одѣвайся въ мѣха, лѣтомъ не ищи прохлады. И

вотъ тебѣ послушаніе: — десять лѣтъ молчи! Что бъ ни случилось съ тобою, — молчи!

— А молитва?

— А молись духомъ, мыслями молись. Устреми глаза на небеса и молись сердцемъ, чтобы пустыня безмолвная не нарушалась словомъ твоимъ. Живи въ гладѣ и хладѣ. Въ пещерѣ не укрывайся... А черезъ десять лѣтъ, если Господь тебя сохранитъ, приди опять сюда...

— И пришелъ?

— Какже... Ушелъ молодымъ, а вернулся сѣдой весь, одичалый. Зимой, — грудь у него раскрытая, рубище треплется жалкое. Прямо въ соборъ нашъ попалъ. Самъ отецъ Дамаскинъ служилъ... Кончилась литургія, пошли въ трапезу: онъ на паперти въ ноги отцу Дамаскину. Поднялъ тотъ его, спрашиваетъ. Молчитъ, не отвѣчаетъ. Узналъ его, наконецъ, игуменъ... Разрѣшаю тебѣ говорить теперь! Примирилась ли совѣсть твоя? Можешь ли ты о прошломъ помыслить безъ озлобленія? Заговорилъ тотъ, но только совсѣмъ невнятно. Отецъ Дамаскинъ изъ этого и убѣдился, что послушаніе исполнено грѣшникомъ въ точности. Вечеромъ онъ его отысповѣдывалъ, всю ночь приказалъ ему въ храмѣ, распростершись ницъ, лежать, и чтобы сонъ не сомкнулъ ему глазъ. А на утро причастилъ его. Тутъ точно этому самому грѣшнику и было видѣніе: убіенный имъ въ райскомъ вѣнцѣ, съ ликомъ свѣтоноснымъ и въ одеждахъ бѣлыхъ, сходитъ къ нему... Палъ онъ на колѣни — а на лицѣ у того благость и прощеніе. Далъ ему руку, — «пойдемъ со мною, — говоритъ, — братъ мой... зане искупилъ ты грѣхъ великій!» И въ тую жъ минуту бѣглый испустилъ духъ свой, вопія: «Иду, Господи, иду!» Вотъ какія дѣла у насъ случались!

Мы шли въ это время по пустыннымъ дворамъ оби-

тели. Тишина ихъ говорила сердцу о чемъ-то не отъ міра сего. Въ окнахъ келій никого не было видно, звуки нашихъ шаговъ далеко раздавались, замирая подъ тяжелыми сводами. Вышли. Голубой проливъ синѣлъ подъ солнцемъ, зеленые крутые берега пристально смотрѣлись въ него, точно разглядывая, какую тайну онъ схоронилъ въ своихъ тихихъ водахъ.

— Красота нетлѣнная! — Заглядѣлся монахъ.

VII.

Пустыня Назарьевская.

Тишина моей келіи давила меня. Весь этотъ монастырь такъ не похожъ былъ на другіе, мною видѣнные, что я еще не могъ разобраться съ своими впечатлѣніями . . . Мысль разбѣгалась . . . Во всемъ окрестъ меня сказывалось что-то чрезвычайно серьезное, большое: дѣло творилось тутъ искреннее, крупное, подвижническое.

— Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ! — стукнулъ мнѣ кто-то въ дверь.

— Пожалуйте!

Румяный, молодой монахъ. Кроткіе голубые глаза.

— Простите! Отецъ настоятель благословилъ показать вамъ пустыню Назарьевскую!

— Очень вамъ благодаренъ . . . Сейчасъ?

— Ежели не очень устали, можете потрудиться во славу Божію!

Мы отправились.

О. Авениръ оказался монахъ, знающій всю подноготную монастыря. Онъ тутъ прошелъ чрезъ всѣ по-

слушанія и познакомился съ дѣлами чудесно. Начиная съ хозяйства и кончая подвижничествомъ, для него ничего сокровеннаго не было. Только что мы выбрались съ нимъ за ограду, какъ Валаамъ передо мною явился въ иномъ свѣтѣ. Обитель осталась позади. Рабочая община выступала передъ нами со всѣми ея заботами и земными помыслами. Вонъ въ низинѣ огороды громадные, обставленные глухо-шумящими деревьями. Низиной этой они и тянутся на нѣсколько верстъ, вплоть до салмы. Зелени и овощей всякихъ не только на годъ хватаетъ обители, но осенью остатки раздаются бѣднѣйшимъ жителямъ, которые нарочно для этого съѣзжаются въ монастырь. Вонъ красивые кирпичные амбары для хлѣба, отдѣльно отъ другихъ построекъ на случай пожара.

— Хлѣбъ-то у васъ свой или покупной?

— Своего не хватаетъ. Нивъ у насъ мало. Мы полтораста кулей снимаемъ съ своихъ полей, а тысячу сто покупать приходится и для себя и для богомольцевъ. Хлѣбъ у насъ не совсѣмъ дозрѣваетъ, случается. Нашъ хлѣбъ маловѣсенъ, а въ подъемѣ тяжеловатъ. Мы его съ купленнымъ мѣшаемъ. Больше для соломы пашемъ. Потому что намъ много соломы требуется для подстилки конямъ. Овса своего снимаемъ пятьдесятъ кулей, а двѣсти приходится на сторонѣ скупать.

Вообще всѣ хозяйственныя постройки здѣсь въ отличномъ состояніи. Онѣ не только грандіозны, какъ въ Соловкахъ, но и содержатся щегольски. Можно подумать, что попалъ къ богатому англійскому землевладѣльцу, не жалѣющему средствъ на долговѣчныя зданія. Большая двухъэтажная рига съ двумя громадными печами для сушки хлѣба. Для нихъ экономные монахи рубятъ пни. Несмотря на обиліе лѣса, его здѣсь жа-

лѣютъ. Не расходуютъ попусту. Стволы исключительно идутъ на постройку, пни на топку. Вырываются даже корни, чтобы они не пропадали даромъ. Изъ нихъ гонятъ смолу. Лѣсное дѣло ведется такъ, что нашихъ лѣсоводовъ слѣдовало бы посылать учиться у этихъ простыхъ, неграмотныхъ крестьянъ...

— Вонъ у насъ домъ, гдѣ дѣлаютъ посуду, чашки, тарелки!

— И теперь?

— Нѣтъ, гончарятъ зимою, а теперь тамъ красильня... У насъ глины чудесныя. Думаемъ фарфоровое производство заводить. Каолиновыя породы есть.

Дорога въ Назарьевскую пустынь шла по чрезвычайно веселой аллеѣ. По сторонамъ шелестѣли кудрявыя березки. Въ молодой листвѣ играло солнце. Пропасть всякой мелкой птицы орало въ чащѣ, перекликаясь со стаями, налетавшими на огородную низину. Величавыя, красивыя сосны слегка покачивали свои вершины, словно укоряя молодыя березки въ легкомысліи и шаловливости... Мягкая трава струила весенній ароматъ. Чуялось въ воздухѣ дыханіе невидимыхъ ландышей.

Вдали показался маленькій монашекъ.

Мой о. Авениръ чего-то смутился и сталъ оправляться.

— Кто это?

— Это-съ — отецъ Пименъ! Великій умъ, свѣтило обители! — заторопился Авениръ, полушопотомъ сообщая мнѣ о необходимости быть представленнымъ маленькому іеромонаху.

— Они въ университетѣ кандидатомъ кончили, много книгъ написали... Истинно подвижническую жизнь ведутъ. На всѣхъ языкахъ могутъ!

Мы быстро нагнали монашка. Мой о. Авениръ сунулся къ нему подъ благословеніе.

— Вотъ-съ, отецъ намѣстникъ благословили имъ Назарьевскую пустынь обозрѣть!

— Спаси Господи! А вы кто такой?

Я назвалъ себя.

— Писатель? Соловки ваши?

— Да!

— Ну, спаси Господи, какъ я радъ! Позвольте васъ по-братски, — и отецъ Пименъ трижды расцѣловался со мною. — Хорошо вы это надумали — осмотрѣть нашъ Валаамъ. Очень хорошо! Спаси васъ Господи!.. Пустыня Назарьевская по здѣшнимъ мѣстамъ — земной рай. Мы вамъ такую растительность покажемъ, диву дадитесь... Любимое это мѣсто было отца Дамаскина. И нынѣ, когда его сюда возятъ, такъ онъ духомъ возвеселяется, сказать ничего не можетъ, а только глазами!

Назарьевская пустынь началась аллеей чудныхъ кедровъ. Такихъ крупныхъ я давно не видѣлъ. Вперемежку съ ними были дубы, которые, несмотря на свой только сорокалѣтній возрастъ, давали уже густую тѣнь. Все это посѣяно о. Дамаскинымъ въ первый же годъ его управленія обителью. Кедры и дубы выводились изъ сѣмянъ подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Еще далѣе передъ нами раскинулись чащи пихтъ, серебристаго лоха, американскія липы съ крупною листвою, цвѣтущія и благоухающія... «Гдѣ я?» — невольно задавалъ себѣ вопросъ. «Сѣверъ ли это? Что могла сдѣлать съ такою скудною и убогою природой сильная воля одного только человѣка!»

Тутъ любилъ отдыхать о. Дамаскинъ. Дѣйствительно, лучше нельзя найти мѣста! Цвѣты усыпали куртины. Густыя деревья стѣною стоятъ кругомъ. Лѣсъ

шумитъ, точно далеко, далеко волны морскія бьются въ берега...

Прямо передъ нами слегка вздрагиваетъ перистыми вѣтвями цѣлая куча лиственницъ. Вѣтеръ пробѣгаетъ вверхъ по тополю, будя его заснувшіе листы. Пестрая бабочка, нервно трепеща крыльями, прицѣпилась къ какому-то цвѣтку. Не хотѣлось уходить отсюда, а между тѣмъ уже звали въ часовню.

— Это чьи картины?

— Образа?

— Да!

— Это намъ монашекъ одинъ пишетъ. Спаси его Богъ!

— Какая прелесть!

Кисть нѣжная, тонкая, въ рисункѣ спокойствіе; видно, что безмятежное сердце и чистый духъ водили искусной рукой. Лпкамъ ангеловъ придана совсѣмъ женственная кротость... Подписей нигдѣ нѣтъ. Имя автора неизвѣстно. Только одна казенная фраза «трудами валаамскихъ иноковъ».

— Неужели самоучка работалъ?

— Самоучка... Мы его валаамскимъ Рафаэлемъ называемъ. Вотъ я вамъ ужо покажу его, въ мастерскую свожу къ нему! — пообѣщалъ отецъ Пимень.

— Молодъ онъ?

— Совсѣмъ еще съ виду отрокъ. Пристрастился къ обители нашей, ну, и работаетъ во славу Божью!

Недалеко отъ часовни — церковь. Красивая, даже роскошная. Образа — работы того же инока и пѣшеходовскіе есть. Иконостасъ весь рѣзной, чуднаго и изящнаго дѣла, до послѣдняго завива сработанъ въ обители и опять-таки «трудами иноковъ валаамскихъ». Кое-гдѣ лѣпныя детали видны, не уступающія въ отдѣлкѣ и кра-

сотѣ своей рѣзному иконостасу. Вышли изъ церкви. Паперть на высотѣ. Крутой спускъ, по которому сбѣгаетъ въ низину гуща пышныхъ сибирскихъ кедровъ. У самаго храма уже приготовлена могила для о. Дамаскина. Ею начнется новое кладбище, такъ какъ старое совсѣмъ заполнилось. Тѣсно на немъ лежать усопшимъ.

Большой холмъ для здѣшней церкви, весь насыпной, требовалъ труда египетскаго. Обрывъ внизъ для прочности обшитъ гранитомъ. Съ одной стороны обрыва большая нѣжно-зеленая поляна; тамъ тоже будетъ кладбище . . .

Я взошелъ на колокольню, — точно плывешь надъ лѣсными верхушками. Теплый вѣтеръ дышитъ въ лицо свѣжестью и ароматомъ. Не ушелъ бы отсюда.

— Не вѣрится, что на сѣверѣ!

— Погодите, вы у насъ еще и не то увидите, спаси Господи! Все это отъ Назарія пошло, а въ отцѣ Дамаскинѣ обитель своего Петра Великаго обрѣла. Сейчасъ пойдемъ въ келью Назарьевскую. Здѣсь у него пустынька была чудесная. Скудная строеніемъ, но мѣстоположеніемъ дивно-прелестная. До Назарія монастырь былъ деревянный, онъ весь изъ камня его поставилъ. Гдѣ Богъ, тамъ и вся благая!

Маленькій домикъ, въ немъ убогая келья. Портретъ игумена Назарія: изнеможенное лицо съ зоркими глазами. Энергическій складъ губъ, — работникъ въ каждой чертѣ лица виденъ. Здѣсь, въ пустынѣ, онъ жилъ на покоѣ, потрудившись достаточно въ пользу обители. Ради отдыха онъ собиралъ различныя окаменѣлости и минералы оригинальнаго вида, которыми здѣсь завалена цѣлая стѣна.

— Нѣкоторые иноки полагаютъ, что это ступня древ-

няго человѣка! — показалъ мнѣ отецъ Пименъ на окаменѣлость, дѣйствительно имѣющую видъ ступни.

Тутъ же колодезь высѣченъ въ скалѣ и обшитъ гранитомъ. Кругомъ пришлись и колышатся серебристые тополи.

— Они здѣсь быстро растутъ. Точно нарочито для нихъ и мѣсто, спаси Господи, уготовано!

— А эта аллея куда ведетъ? — указываю я на рядъ пышныхъ вязовъ и ильмъ.

— Такъ разбито!

О. Назарій именно былъ тѣмъ малоумнымъ глупцомъ, котораго настоятель Саровскій не хотѣлъ отпускать изъ своей пустыни. Обитель валаамскую онъ принялъ впустѣ, а оставилъ ее благоустроенной и обильной. Число иноковъ при немъ возросло до 55, а при Дамаскинѣ до 300. До Назарія монастырь былъ почти безъ братства. Назаріемъ же были привлечены сюда и трудники — добровольные рабочіе по обѣту.

— Онъ у насъ и уставъ положилъ, какъ быть и управляться намъ!

— Уставъ у васъ тотъ же, что и у саровцевъ?

— Да, только съ вѣчевымъ оттѣнкомъ. Старь новгородская сказывается. Такъ, напримѣръ, у насъ игуменъ не смиряетъ непокорнаго наединѣ, а передъ братіей; о всѣхъ дѣлахъ совѣщается съ братіей же и безъ нея ничего не предпринимаетъ. У насъ и права свои есть: ежели замѣтимъ, что настоятель разоряетъ уставъ и вводитъ соблазнъ, то, сойдясь о Христѣ, мы совѣтуемся и затѣмъ идемъ къ пастоятелю . . . Тамъ, предложивъ ему объ упущеніяхъ, должны сдѣлать, нисколько «не стыдясь, увѣщаніе объ исправленіи». Если же онъ не приметъ совѣта, то мы просимъ избрать другого изъ братства!

— Случалось ли это до сихъ поръ когда-нибудь?

— Нѣтъ, слава Богу . . . Наши преподобные не оставляютъ своимъ руководствомъ настоятеля. До сихъ поръ игумены у насъ были знаменитые. Такихъ поискать, не найдешь . . . У насъ вообще уставъ строгій! Мы не можемъ, напримѣръ, пищу употреблять внѣ общей трапезы, а за трапезой, кто пожелаетъ воздержаться, то, не вводя братію въ соблазнъ, долженъ спросить настоятеля!

— Зачѣмъ же? Если я ѣсть не хочу?

— А для того, чтобы все совершалось во спасеніе души, а не по бѣсовскому коварству. Въ повечеріи мы не должны бесѣдовать другъ съ другомъ. Намъ воспрещается принимать у себя въ келіи кого бы то ни было, особливо же мірскихъ людей! Письма писать безъ благословенія настоятельскаго мы тоже не можемъ. Кто произнесетъ душевредное слово, того мы обличаемъ. Въ лѣсъ гулять — нельзя!

— Строго. Многіе не вынесли бы этого!

— Потому мы и принимаемъ сначала на испытаніе . . . На три года!

— Ну, а если монахъ вздумаетъ оставить обитель?

— Не токмо монаха, но и послушника мы обязаны по сему увѣщевать, ежели онъ помыслитъ по какой-либо скорби разуказиться!

— Это еще что?

— Совлечь съ себя званіе иноческое!

— Ну, а если онъ не послушаетъ?

— Уставъ предписываетъ не покоряющагося отпускать, не давъ ему мира, какъ мытарю и язычнику, яко уподобившемуся Іудѣ предателю. Потому, кто разъ отвергнулся себѣ и взялъ крестъ свой, и по Христу пошелъ, тому назадъ возврата нѣтъ. Исаія пророкъ во-

пість: «изыдите отъ среды его и нечистотамъ не прикасайтеся», и Іеремія о томъ же: «бѣжите отъ скверны Вавилона». У Давида такожде обрящете: «се удалихся, бѣгая, и водворихся въ пустыню, яко видѣлъ беззаконіе и пререканіе въ градѣ день и нощь».

Строгій уставъ Соловецкаго монастыря, сравнительно съ этимъ, куда же! На Валаамъ, случалось, бѣгали съ Аоона, находя уставъ и обычаи послѣдняго недостаточно суровыми... Чисто гробъ. Уложатъ, забьютъ крышку, и съ послѣднимъ ударомъ молотка въ послѣдній гвоздь ты ужъ знаешь, что тебѣ возврата нѣтъ. Какъ ни стони, какъ ни бейся подъ тяжелой насыпью могилы, никто не отзовется тебѣ... Страшная жизнь — удивительные люди!

Воскресивъ древній Валаамъ, о. Назарій замыслилъ развить дѣятельность монастыря нѣсколько шире. Онъ избралъ десять лучшихъ монаховъ для проповѣди христіанства въ русско-американскихъ владѣніяхъ, покровительствовалъ подвижничеству и устроенію скитовъ внѣ своей обители. Съ 1801 года онъ удалился отъ дѣлъ и въ полномъ безмолвіи провелъ три года, а затѣмъ уѣхалъ въ Саровскую пустынь, гдѣ отличался даромъ прозорливости. Личность его съ этого времени становится, по разсказамъ монаховъ, легендарной. Онъ, не вѣдая греческаго языка, поясняетъ, какъ нужно переводить книгу «Добротолюбіе», съ одного взгляда узнаетъ, безъ помощи медіумовъ, мысли приходившихъ къ нему посѣтителей; въ дремучихъ лѣсахъ Саровскихъ непросвѣщенные медвѣди, встрѣчая старца, обходятся съ нимъ почтительно; наконецъ, Назарій является въ роли пророка. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ іеромонахъ Иларіонъ: въ царствованіе Екатерины II близъ Петербурга происходило морское сраженіе со шведами.

Всѣ были въ крайнемъ страхѣ, а митрополитъ Гавріилъ до того перепугался, что заперся въ своей кельѣ. Въ это самое время является къ нему игуменъ Назарій.

— Доложи владыкѣ обо мнѣ! — приказываетъ онъ келейнику.

— Да владыка никого къ себѣ не допускаетъ!

— Меня не надо ему принимать. Я просто подойду къ нему, и хоть ему до меня дѣла нѣтъ, да мнѣ до него есть дѣло!

Видя, что старецъ попался несговорчивый, келейникъ отступился. Назарій является къ владыкѣ и предвѣщаетъ ему побѣду. Гавріилъ усомнился было, но Назарій подводитъ его къ окну и показываетъ въ сторонѣ къ морю восходящія, на свѣтлыхъ облакахъ, въ небеса души воиновъ. Гавріилъ ободрился самъ и тотчасъ же написалъ объ этомъ Екатеринѣ. Когда предсказанія Назарія оправдались, императрица приняла его у себя и милостиво съ нимъ бесѣдовала.

При Александрѣ I какой-то саповникъ К. «подпалъ царской немилости». Жена его бросилась къ Назарію, умоляя его молиться о спасеніи мужа.

— Очень хорошо, только надо попросить о семъ царскихъ приближенныхъ!

— Мы уже всѣхъ просили, да мало надежды!

— Ты не къ тѣмъ обращалась, дай-ка мнѣ денегъ, я самъ попрошу, кого знаю!

Барыня даетъ ему горсть золота.

— Эти мнѣ не годятся; нѣтъ ли мѣди или серебряной мелочи?

Получивъ ихъ, Назарій цѣлый день раздавалъ нищимъ милостыню, затѣмъ возвратился къ опальному саповнику.

— Ну, слава Богу, обѣщали, всѣ приближенные царскіе за васъ!

Вслѣдъ затѣмъ приходитъ вѣсть о благополучномъ окончаніи дѣла.

— Кто эти приближенные, просившіе за насъ? — спрашиваютъ его.

— Царскіе...

— Да они всѣ отказали намъ...

— Да, то приближенные земного царя, а я обращался къ сановникамъ царя небеснаго, — къ нищимъ!

VIII.

Пустыня схимонаха Николая.

Веселая чаща молодыхъ дубковъ... Лѣтъ семь, какъ разведена, а солнце уже весело играетъ въ свѣжей зелени, и золотыя брызги его съ привѣтливо колышущихся вѣтвей скатываются внизъ въ густую траву. Какіе-то простенькіе цвѣты наивно улыбались по всему пути, покорно подставляя намъ подъ ноги бѣдныя, благоухающія головки. Порою, вѣтки задѣвали наши лица, тихо и мягко, точно ласкали ихъ... Все дышало покоемъ и миромъ въ глухомъ уголкѣ. Съ неба, изъ лѣсу, изъ овраговъ — отовсюду вѣяло благоговѣйною тишиною... Здѣсь, дѣйствительно, хорошо молиться, и молиться, не по уставу, а тою сердечною молитвой, о которой повѣствуетъ Ефремъ Спринъ. Дубы покончились, — величавыя сосны шумятъ высоко вверху... Поросль глуше и диче, даже дорога поросла травою. Одинокая могила...

— Схимонахъ Николай схороненъ здѣсь... Ученикъ Назарія. Тутъ и пустынь его около.

— Чѣмъ же онъ замѣчателенъ былъ?

— Простотой своей... Не было для него ни высокихъ, ни малыхъ. Всѣ мы равны передъ Господомъ, говаривалъ покойникъ. Забрался онъ въ глушь лѣсную, когда еще сюда и дороги не было, и такъ наединѣ съ природой до самой смерти своей выжилъ...

— Безъ посѣтителей?

— Не нуждался онъ. Со мною, говаривалъ, всякое деревцо бесѣдуетъ, всякая травка мнѣ сказки разсказываетъ. Вѣтерокъ съ поля пролетитъ, — о томъ, что въ полѣ дѣется, повѣдаетъ, ключъ овражный про нѣдра горныя, откуда истекъ онъ. У меня собесѣдниковъ много.

Вотъ и жилье его. Срубъ, весь заплѣсневѣлый, въ родѣ плохой крестьянской баньки. Въ келью нужно почти вползать. Дверь узка и низка. Въ углу кос-какъ печка сложена, у печки нара малая... Столъ, стулъ твердый — да больше и помѣстить нечего... Безлюдье кругомъ. Воображаю, какъ тутъ жилось въ этой глуши лѣсной одинокому, особливо въ темныя ночи, когда тысячеглазая тьма смотрѣла въ эту убогую лачугу сквозь одинокое скупое оконце.

— Я изъ мѣщанъ вѣдь, — говаривалъ схимонахъ Николай. — Къ суетѣ и прелести мірской не привыкъ, мнѣ и тутъ хорошо!..

Бѣсы, случалось, смущали старца. Больному воображенію чудились ихъ голоса въ звукахъ мятелей и бурь, ломавшихъ вокругъ его избенки вѣковыя сосны. Кто-то стучался къ нему въ окно и смолкалъ только, когда старикъ становился на молитву, призывая въ эту «дивную» глушь Бога живаго. Воскресалъ онъ и расточалъ врази Его... И снова холодная мертвая тишина царила кругомъ, такая тишина, что звуки, рождавшіеся въ уто-

мленныхъ слуховыхъ нервахъ, призраки звуковъ, казались громкими и говорили душѣ.

Александръ I посѣщалъ старика.

Николай сорвалъ ему рѣпу съ своего огорода.

— А ножика я тебѣ не дамъ. Нѣтъ у меня, — ѣшь такъ!

— Ничего, я солдатъ! — улыбнулся императоръ.

Теперь надъ этой пустынькой сдѣлали навѣсъ. Иначе она бы развалилась вся . . .

IX.

Уголокъ монастырскаго хозяйства.

Тихо шли мы назадъ, любуясь то на живописныя рощи, то на скалы, неожиданно громоздившіяся по сторонамъ. Нѣсколько разъ на поворотахъ пути передъ нами раскидывались голубые заливы, по которымъ сегодня не бѣжала ни одна рябинка. Море застоялось, словно зеркало, отражая одинокую тучку, которой, должно быть, надоѣло тянуться по голубому небу, она и замерла на немъ, мало-по-малу, тая въ теплѣ и свѣтѣ яркаго полудня . .

— Вотъ, видите, — указалъ мнѣ монахъ — рядомъ съ пустынями, гдѣ страдала и билась душа человѣческая, обрѣтая въ подвижничествѣ утѣшеніе, мы построили дворцы!

Передъ нами вдали, дѣйствительно, громадное, кирпичное строеніе. Оно было настолько высоко, что давило ближайшія келіи обители.

— Вы, какъ думаете, что это?

— Не знаю!

— Конюшни!

— Однако!.. Вывели же!

— Монашеское ли дѣло? Разумѣется, кто, отрицая иночество, признаетъ еще обители какъ рабочія общины, — уязвилъ меня о. Пименъ, — тому все это должно казаться прекраснымъ. Ну, а мнѣ, какъ хотите, противно. О древнемъ Валаамѣ помышляю. Богатство обители еще можетъ проявляться въ украшеніяхъ храма Божьяго, а не въ этихъ столпотвореніяхъ вавилонскихъ. Помните это: кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?

По прочному накату мы взошли наверхъ. Второй этажъ конюшенъ весь былъ занятъ сѣноваломъ. Душистый запахъ свѣжей травы стоялъ здѣсь, зеленыя груды ея были навалены по всѣмъ угламъ. Внизу помѣщались самыя конюшни. Въ сѣновалѣ прорѣзаны въ полу отверстія, въ нихъ вставлены рамы, сквозь которыя трава прямо сбрасывается въ ясли лошадямъ. Устройство чрезвычайно простое и остроумное. Изъ сѣновала выходъ въ большой сарай для саней, которыя нагромождены чуть ли не до потолка. Даже непонятно, кому нужно столько.

Лошадей здѣсь сорокъ семь. Конюшнями завѣдуетъ іеромонахъ о. Павелъ, бывшій нѣкогда барышникомъ въ Петербургѣ. Мы спустились внизъ, въ его царство, по узкой витой лѣстницѣ, которая шла туда изъ сѣновала.

— Тѣсенъ путь, вводяй въ животъ! — улыбался сопровождавшій насъ монахъ.

Лошади внизу — въ обширнѣйшемъ помѣщеніи. Онѣ ходятъ по волѣ. Травы вдоволь — коньки смотрятъ весело. Сытенькіе, крѣпкіе. Отдыхаютъ день, другой работаютъ, да и то съ прохладою, не черезъ мѣру. Я подошелъ къ окну и изумился. Зданіе дѣйствительно выведено на образецъ. У насъ въ Петербургѣ и домовъ

такихъ не строятъ. Толщина стѣнъ равняется двумъ аршинамъ внизу, вверху полуторамъ. Не успѣли мы добраться до середины конюшни, какъ кони сбѣжались къ намъ отовсюду, ласково протягивая мохнатыя морды прямо подъ руку.

— Тпру, тпру!.. Ишь, шельмы, это они за хлѣбомъ. Пріучили ихъ, они ко всѣмъ и тычутся!

Тутъ четыре отдѣленія для коней — по возрастамъ и по характерамъ. Есть между ними доморощенные; эти чуть ли не лучше остальныхъ. Обитель имѣетъ и конскій заводъ въ сорока верстахъ отсюда. Судя по этой конюшнѣ, лошади у монаховъ содержатся превосходно. Полы чисты, конп — какъ стеклышко; даже въ стойлахъ, гдѣ они есть, опрятно.

— Вотъ, у насъ красавецъ! — показалъ мнѣ о. Павелъ чудеснаго коня, могучія стати котораго такъ и бросались въ глаза.

— Это тяжелоподъемный. Камни изъ земли выворачиваетъ!

— Надорвется!

— Нѣтъ, испытанный. У насъ много такихъ, что двѣсти пудъ легко снимаютъ съ мѣста. Лошадь, что и человѣкъ, ухода за собой требуетъ. Корми во-время, а главное — будь съ ней ласковъ, говори побольше!

— Какъ, говори?

— Животная разговоръ любитъ. Какъ войдешь, сейчасъ тебѣ въ глаза смотритъ. Коли ты съ ей привѣтливо поздороваешься тамъ, что-ли, — она на весь день весела, душа въ ей спокойна; и за работой, коли кучеръ молчитъ, — и конекъ уши свѣситъ и черезъ пень колоду. А если кучеръ начнетъ съ ей бесѣдовать, она куда лучше. И не устанетъ такъ, потому работа для нея тогда куда занимательнѣй выходитъ!

— Блажепъ, иже и скоты милуетъ! . . — вздохнулъ монахъ рядомъ.

Отецъ Павелъ обидѣлся.

— Лошадь — не скотъ!

— А что?

— Лошадь — животная. Корова, баранъ, коза — скотъ, а конь — животная!

— Все одно!

— У коня духъ есть . . . Онъ все понимать можетъ, только что словъ ему не дано. А то онъ все это чудесно. Вотъ это — скотъ! — отворилъ онъ намъ коровникъ . . . Передъ нами были представители извѣстной безрогой породы, которыхъ я нигдѣ послѣ Валаама не встрѣчалъ.

Сотрудники у о. Павла — мальчики-корелы. Ихъ по всему монастырю многое множество. Монахи съ ними очень ласковы, хотя на ихъ обученіе обращаютъ мало вниманія. Дѣтей тутъ работаетъ по обѣтамъ родителей болѣе полутораста, я думаю, а школа всего на тридцать. Я спросилъ, почему это, и получилъ чисто монашескій отвѣтъ.

— Въ мірской наукѣ спасенія нѣтъ, а божественному онъ и въ храмѣ Божьемъ научится.

Дѣтей тутъ иначе не называютъ монахи, какъ братъ Петръ, братъ Степанъ, братъ Григорій. Братья этимъ чрезвычайно гордятся, ибо это ихъ ставитъ выше возраста. Обращаются съ ними примѣрно. Я бы посовѣтовалъ и другимъ обителямъ позаимствоваться у Валаама.

Корелы-мальчики совсѣмъ не похожи на взрослыхъ корелъ. Они очень смѣтливы, воспріимчивы и разговорчивы. Дѣтская душа, какъ цвѣтокъ теплу, открывается ласковому слову. Мелюзга на взрослыхъ и грузныхъ іеромонаховъ смотритъ, какъ на родныхъ. Возвращаясь домой, мальченко разсказами поддерживаетъ престижъ

обители, и только и мечтаетъ какъ бы отправиться назадъ, на Валаамъ, сначала вольнымъ трудникомъ, а потомъ принять рясофоръ. Мальчики-финны нѣсколько потупѣе и несообщительнѣе корелъ, но и тѣ на второй годъ своего пребыванія здѣсь отогрѣваются и не смотрятъ уже замореными звѣренышами и дичками...

— Хорошо въ обители? — спрашиваю я у одного кореляка-мальчуги.

— Ахъ, какъ дивно!.. — Вѣкъ бы тутъ остаться!

X.

Трапезная.

— Духъ-то, я вижу, у васъ бодръ! — входитъ ко мнѣ о. Никандръ.

— А что?

— А плоть все же по человѣчеству немощна; питать ее слѣдуетъ, плоть-то. Это я насчетъ нашей трапезы. Не угодно ли будетъ отъ скудости монастырской поспѣдать чего? Или вамъ сюда въ келію подать?

— Нѣтъ, мнѣ интересно вашу трапезу поглядѣть!

— У насъ трапеза бѣдная... Въ другихъ монастыряхъ она украшена искуснымъ писаніемъ, а у насъ такъ. скудная, простецкая... Мужицкая. Мы мужики, и трапеза у насъ мужицкая. Чернеть у насъ... Какіе еще для нея узоры!

Дѣйствительно, мужики, мужицкое царство. Кромѣ о. Пимена, кончившаго университетъ, почти все остальное крестьянство. И строители, и уставщики, и архитекторы, и механики, всѣ вышли изъ «черпети», какъ выразился о. Никандръ. И по типу валаамскій

инокъ совершенно мужикъ-мужикомъ. Худощавыхъ монаховъ съ аскетической, византійской складкой весьма мало; все больше Микулы Селяниновичи — земскіе богатыри. Руки крѣпкія, тѣло сильное, глаза упорные. Ходятъ съ перевалочкой, клобукъ никакъ не хочетъ сидѣть надъ самою бровью, а все больше то на затылокъ, то набекрень сползаетъ. Толстыя солдатскаго сукна рясы съ подворочеными подолами, какъ у прачекъ, чтобъ не мѣшали ходить и работать. Шутка добродушна, когда расшутятся. Къ сожалѣнію, на всемъ и на всѣхъ лежитъ печать суровой дисциплины, введенной о. Дамаскинымъ. Говорятъ съ оглядкой, — какъ-бы кто не подслушалъ, а съ проѣзжимъ человѣкомъ и вовсе опасаются. По уставу, видите ли, нельзя. Только на работахъ между собою и отводятъ душу. Тутъ, сидя за камнями, которые надо оттесать, или мѣся глину, совершенно забываются черная ряса и монашескій клобукъ. Лицо въ поту, пыль и отески слоемъ ложатся на руки, солнце сверху такъ и палитъ, клобукъ съѣхалъ на затылокъ и держится только какимъ-то чудомъ. Молотки кругомъ стучатъ, пилы заводятъ визгливую жалобу, откуда-то доносится пѣсня наемныхъ рабочихъ, — ну, и совсѣмъ изъ глазъ уходятъ монастырскія стѣны да затворы. Старое, какъ въ сказкѣ, идетъ навстрѣчу, и еще вчера молчаливый, сдержанный инокъ начинаетъ, вопреки уставамъ и воспрещеніямъ о. Дамаскина, болтать во-всю, перекидываться съ сосѣдомъ веселою шуткой. А тутъ еще зеленое царство кругомъ. Каждый листъ молодой, точно дождемъ обмытъ, такъ и свѣтится подъ солнцемъ; небо чистое, — вода внизу, такая же; какъ въ чашкѣ, не шелохнется. Глядишь — какой-нибудь о. Даміанъ и затянетъ вдругъ:

— Охъ, и у насъ-ли во Новѣгородѣ!..

— Охъ, и у насъ-ли улица свѣтла! — отвѣчаетъ сосѣдъ рядомъ.

Только бы разгорѣться пѣснѣ подъ стукъ молотковъ, да подъ говоръ топориковъ, доносящійся откуда-то изъ лѣсу, а тутъ вдругъ:

— Отцы! Что же это? — вмѣшивается монахъ, совсѣмъ уже закостенѣвшій.

Съ усиліемъ сбрасываютъ иноки внезапно налетѣвшія впечатлѣнія... И вмѣсто свѣтлой улицы, по которой добрый молодецъ идетъ, гнусливо затягивается «Свѣте тихій».

О. Авениръ встрѣтилъ меня у входа въ гостиницу.

— А я за вами!

— Куда?

— Въ трапезную пожалуйте...

— Да вотъ ужъ меня отецъ Никандръ ведетъ!

— Ну, и чудесно .. Сегодня у насъ рыбка своя. Не покупаемъ на сторонѣ, все матушка Ладога даетъ... Нынѣ у насъ большой дородъ на рыбку. Милослива рыбка нынѣ. Хорошіе ловы бывали!

— У насъ, чтобъ большихъ лововъ, нѣтъ, артелью не ловимъ. А такъ, старымъ да хилымъ монахамъ, которые на постройкахъ не могутъ, отецъ намѣстникъ благословляетъ потрудиться обители, половить рыбки!

Мрачная, большая, зеленая подъ бѣлымъ сводомъ трапезная. По стѣнамъ во весь ростъ фигуры святыхъ стараго письма. Никакихъ священныхъ картинъ, какъ въ Соловкахъ и другихъ монастыряхъ. Здѣсь фантазіи мѣста нѣтъ. Она не допускается нигдѣ и ни въ чемъ. Тоже чисто крестьянская черта... Изображать святого, такъ ужъ изображать во весь ростъ, и въ одиночку. «А то, что кругомъ-то картины рисовать, чувство, глядя на нихъ, отвлекается».

— Почему же отвлекается?

— А какъ иначе? Смотришь на дерево — ишь, дерево какое, — на воду — хороша-де вода, а святого-то и обидѣлъ, взглядъ отъ него отвратилъ!

Тутъ святыхъ не обидишь, потому что кромѣ этихъ сухихъ черныхъ фигуръ со свитками ничего другого нѣтъ. Стѣны трапезы—крѣпостныя. Я думаю, сажень или полторы толщиною. Не расшибешь. Въ старое время строены, когда еще и трудъ, и матеріалъ были дешевы.

— Онѣ у насъ противъ прочихъ впятеро выживутъ! — хвалятся монахи.

Кирпичъ въ этихъ стѣнахъ сварился. Если бы пришлось снести ихъ, такъ развѣ порохомъ, какъ скалы, на которыхъ онѣ построены.

Трапеза въ монастыряхъ цѣлое священнодѣйствіе. Прислуживаютъ монахи, — каждый разъ по особому назначенію, при чемъ это считается обязанностью всѣхъ рясофоровъ. Случается, что за наказаніе или для смиренія превозносящагося заставляютъ подавать и іеромонаха. При этомъ, по наставленію игумена о. Назарія, на свое дѣло слѣдуетъ смотрѣть такъ: «Ежели братіямъ за трапезою во услуженіи устроенъ будеши, то предстани со всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ, и радостью. Служи совершенно, аки самому Христу и ангеламъ его, а не такъ, какъ человѣкамъ. Имѣй сердце, око и лицо веселое, служи безъ всякаго лицемѣрія. Расположи себя такъ, чтобы ты отъ всего сердца могъ сказать внутренно: ‹ Я не токмо недостоинъ сидѣти со братіею на трапезѣ, но недостоинъ и служити имъ, и ниже воззрѣти на нихъ достоинъ, — если бы къ сему не устроила меня милость Божія ›».

Тѣмъ не менѣе, хотя мальчикъ, подававшій, напримѣръ, намъ съ приговоромъ: «кушайте во славу Божію»,

навѣрно благоговѣнія духовнаго исполненъ не былъ и насъ за ангеловъ не считалъ, но зато око и лицо имѣлъ веселыя и улыбался, точно увидѣвъ родныхъ.

Прямо передо мною столъ съ іеромонахами. Вотъ сидитъ ихъ нѣсколько: отекшіе, лица болѣзненныя, — видимо, отцы къ водяной приближаются. Однообразныя,

Трапеза.

черныя грубыя рясы, черные кожаные поясы. Запахъ прѣли стоитъ надъ трапезой — часть братіи прямо съ работы, общее безмолвіе...

Мертвое молчаніе длилось минутъ десять, затѣмъ въ дверяхъ показался о. намѣстникъ съ очереднымъ служившимъ сегодня въ соборѣ іеромонахомъ. Спѣли «гласъ», и о. Афанасій благословилъ начинать кушать. Поднялся сдержанный шумъ ложекъ, который не мѣшалъ чтецу протяжно и, очевидно, безъ всякихъ знаковъ препинанія выкрикивать на всю трапезную дѣянія апостольскія.

Соленые сиги на первое, капуста съ мелкой рыбой

на второе. Третье кушанье — супъ перловый съ рыбой, на четвертое — гречневая каша. Опять-таки чисто крестьянскій столъ. Совсѣмъ не тѣ трапезы, которыми угощаютъ другія обители...

Мальчики, прислуживавшіе намъ, видимо, дрессированные, — удивительно быстро смѣняли оловянныя миски съ варевомъ. Нигдѣ не видалъ я такихъ волосъ, какъ въ трапезной Валаама. У многихъ послушниковъ это были какія-то густыя, никакому гребню не поддававшіяся волнистыя гривы. Они не лежатъ, а стоятъ копной.

Въ мірѣ двухъ такихъ только знавалъ: поэта Коринфскаго и художника Карелина.

— Какъ бы сіяніе! — пояснилъ рядомъ сидѣвшій монахъ.

Пояснилъ и запнулся... Заблыъ видно, что за трапезой говорить запрещается вовсе. Потомъ я какъ-то спрашивалъ объ этомъ.

— О семъ точно въ наставленіи Назаріинномъ сказано! — пояснили мнѣ.

— Что же сказано-то?

— А что ежели удостоятъ тебя сидѣти со всѣми вмѣстѣ на трапезѣ, то помышляй въ себѣ: «кто есмь азъ недостойный, который вшелъ сюда, и како со святыми отцы хощу имѣти участіе въ трапезѣ? Сидя, имѣй страхъ и стыденіе передъ братіей, какъ бы ты предъ царьми и князи сидѣлъ. Не озирайся и не любопытствуй...»

— Однако, много надо, чтобы все исполнить въ точности!

— А какже. Вы по своему свѣтскому легкоумію дерзновенно мните: не трудно быть и инокомъ!.. Нѣтъ! Это не то, что надѣлъ рясу да клобукъ и ходи вольно. Нѣтъ, у насъ опасно ходить надо. Намъ и ѣсть-то какъ

приходится, — вотъ что въ наставленіяхъ старца сказано: смѣшивай языкомъ молитву съ пищею, т. е. имѣй пищу въ устахъ, молитвой растворенную.

Еще одна особенная черта Валаамской обители. Въ Соловкахъ, Троицѣ-Сергіи, Юрьевскомъ, Святыхъ-Горахъ — всюду, гдѣ я ни былъ, дамы допускаются къ участію въ братской трапезѣ. Здѣсь для нихъ накрывается особо въ гостиницѣ. О. Никандръ самъ слѣдитъ за порядкомъ дамской трапезы. Чуть богомолицы разболтаются, онъ тутъ какъ тутъ.

— Потише, потише, не мелите чорта языкомъ. Въ кое мѣсто попали, неразумныя... Слушайте чтеца!

И барыни смиренно повинуются кривому монаху.

— Куда мы сегодня? — шопотомъ спрашиваю я у о. Авенира.

— Надо у отца намѣстника спросить, куда благословитъ!

— Да вѣдь разрѣшилъ вездѣ!

— Все же на всякій разъ надо и еще спрашивать!

Просто душно становилось отъ этой дисциплины.

Кончили, наконецъ, и встали. Я ни въ одномъ изъ монастырей не видалъ, чтобы братія такъ низко кланялась. Одинъ передъ другимъ чуть земли не касаются, а говоря съ настоятелемъ, падаютъ къ ногамъ его ницъ, — обычай, тоже, кажется, введенный недавно. Трапезы здѣсь иногда оканчиваются совершенно неожиданно. Пообѣдавъ, настоятель встаетъ и приглашаетъ всю братію идти работать на огороды. Отъ этого не имѣютъ права отказываться и присутствующіе на трапезѣ богомольцы. Съ настоятелемъ во главѣ отправляются въ низины, гдѣ преимущественно разводится всякая овощь. Копаютъ гряды или сбираютъ картофель, смотря по времени года. Работа продолжается до ужина.

То же самое и съ сѣнокосомъ. По приглашенію въ трапезѣ, вся братія беретъ косы и грабли. Работники косятъ, а братія убираетъ, сушитъ и въ зародъ кладетъ. Есть и изъ братіи старцы, «которые по смиренію своему» тоже за косы берутся и соединяются съ рабочими. Покосы продолжаются двѣ недѣли, отъ Петрова дня до 15 іюля, а иногда и до 20-го. Въ это время къ 12 часамъ стараются покончить трапезу, и съ полудня до 9 или 10 братія работаетъ «неустанно».

Когда я уходилъ изъ трапезной, ко мнѣ уточкой подобрался монахъ. Бочкомъ, бочкомъ. Переваливаясь. Грузный, носъ кверху пуговкой, клобукъ на лѣвую сторону съѣхалъ.

— Въ другихъ обителяхъ бывали?

— Былъ...

— Тамъ лучше!

— Почему же?

— Сердце веселится. По стѣнамъ изображенія... А у насъ все черноризцы да черноризцы... Здѣсь и богомолецъ какой!.. Рѣдко когда господинъ, а то все больше мѣщанинъ, купецъ, либо мастеровой. Поглядѣть не на кого... Строгая наша обитель противъ другихъ!

— Точно строгая...

— Строгая, строгая... Такой обители на свѣтѣ нѣтъ! — убѣжденно окончилъ онъ.

— Ну, ужъ и на свѣтѣ!

— Нѣтъ. Ужъ я вамъ вѣрно... И монаховъ такихъ, какъ наши, нѣтъ и не будетъ. Потому мы водки не пьемъ, табаку не куримъ. Никакой радости у насъ. Чаемъ, и то не всѣмъ благословляетъ настоятель отравиться! А какъ кому по его мыслямъ надлежитъ. И словесности намъ не положено... Въ безмолвіи больше...

XI.

Гавань, проливы и плесы. — Какъ Богъ купца убилъ спичкой.

Монахи — большіе художники въ пониманіи природы. На дальнемъ ли сѣверѣ или въ Крыму, все равно, выбрали красивѣйшія мѣстности и на этихъ красивѣйшихъ мѣстностяхъ заняли самыя видныя мѣста. Это, разумѣется, относится и къ валаамскимъ старцамъ. На ихъ островахъ скиты и пустыни поставлены именно такъ, что не оторвешь взгляда. Отъ того здѣсь каждое, незначительное, учрежденіе такъ сильно запечатлѣвается въ памяти. Передо мною, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, словно въявь, рисуются во всей своей красотѣ то сумрачныя и дикія, то мягкія и идиллическія картины, окружающія Валаамъ.

— Сегодня мы съ вами на наши работы поѣдемъ! — встрѣтилъ меня о. Авениръ.

— А что?

— Да намѣстникъ благословилъ!

Идти сначала пришлось къ гавани и тамъ уже взять лодку.

Гавань (этимъ громкимъ именемъ окрещена здѣсь пристань), заставленная амбарами для снастей и лодокъ, устроена недурно. Маленькій пароходикъ точно заснулъ около. Солнце ослѣпительно блеститъ на ярко выполированныхъ металлическихъ частяхъ его. У самой трубы свернулся котъ и тоже спитъ себѣ.

— Это у насъ почтовый пароходъ. Между всѣми сорока двумя островами нашими сообщеніе содержитъ. Не глядите, что онъ махонькій, большую силу въ себѣ

имѣетъ. Сколько онъ перетаскалъ соёминокъ, страсть! Маленькая собака, а большихъ дураковъ за собой водитъ!

Изъ каюты выползъ какой-то кудлатый, сѣдой монахъ. Позѣвалъ, позѣвалъ на солнце, на меня взглянулъ и зѣвнулъ еще откровеннѣе.

— Машинистъ нашъ, — отрекомендовалъ его о. Авениръ. — Всякую пружину понимать можетъ. Онъ и въ Питерѣ былъ тоже по этой части, только у него жена померла. Ну, онъ къ намъ, а дочь постригъ въ женскій монастырь. Такъ, какъ вамъ нашъ пароходъ?

— Хорошъ!

— Вотъ, вотъ! А главное, свой. У насъ и шкиперъ есть. Онъ изъ кореловъ, только въ монастырѣ образовался!

Нѣсколько большихъ монастырскихъ лодокъ тутъ же сохнутъ подъ солнцемъ, такъ что смола на днѣ даже пузырится отъ жара. Въ каждой изъ такихъ лодокъ смѣло помѣстится по пятидесяти человѣкъ. Лодки служатъ для богомольцевъ. Когда намѣстникъ благословитъ, возятъ ихъ по *салмамъ* и тихимъ водамъ Валаама въ скиты, гдѣ уставъ менѣе суровъ, и посѣщеніе мірскихъ людей допускается. Иной разъ монахи вмѣстѣ съ богомольцами священную пѣснь затянутъ и плывутъ такъ по раздольямъ и затишьямъ этого очаровательнаго уголка.

— Одного генерала мы возили тутъ. Съ бѣлой кавалеріей на шеѣ генералъ-то. Онъ намъ и говоритъ: «Много, отцы святые, я странъ разорилъ и подъ нозѣ покорилъ. такой еще не видалъ! . . Оченно мѣсто способное, только одно въ емъ не хорошо: коли бы васъ всѣхъ святыхъ отцовъ въ солдаты поворотить, такъ негдѣ настоящаго ученья сдѣлать». Плацу хорошаго нѣтъ! Чудной генералъ былъ!

— А что?

— А все мѣста пробовалъ, откликнется ли ему, и все на ружейные пріемы. «На краулъ!!» кричитъ; «Къ но-гѣ!» ... Ужъ мы дивовались. Такой, а поди-ко, страны тоже разорялъ!

Амбаръ надъ водой залива на сваяхъ выставленъ. Въ него ведетъ каналъ къ внутреннему бассейну, гдѣ подъ навѣсомъ хранятся еще болѣе крупныя лодки. Навѣрное, на такихъ повгородскіе ушкуйники впервые пробирались въ заповѣдныя дебри и неизвѣданную глушь, тогда еще чудскаго Валаама.

Навстрѣчу намъ ползетъ монахъ весь въ бѣломъ и скуфейка на немъ бѣлая.

— Ты куда, отецъ Анемподистъ?

— Благословленную рыбку ловить!

— На всю, значитъ, ночь?

— Должно быть что. Ночь сегодня будетъ способная, вишь, мошкара по водѣ какъ разыгралась ... Рыбка вся кверху поднимется. Ну, а тутъ мы ее, Божью, на крюкъ ... Ступай, праведная, попитай-ко грѣшныя тѣла монашескія. А что изо всей рыбы — сигъ самый праведный!

— Почему это?

— Такъ его Господь устроплъ ... Другая рыбка лукавая, норовитъ бочкомъ наживку снять; ну, а сигъ вѣрный; онъ этого коварства не любитъ, прямо на крюкъ идетъ, безъ хитрости!

И бѣлый монахъ, засѣвъ въ крошечную лодку, заработалъ веслами.

Заливъ мерцаетъ и свѣтится. Въ каждой рябинкѣ отразилось солнце. Милліоны маленькихъ солицъ, такимъ образомъ, зыблятся и вздрагиваютъ внизу. Напротивъ зеленые берега ... Налѣво одинокая, точно за-

снула, двухмачтовая шкуна. Совсѣмъ бы мертвой казалась, если бы на носъ ей не взобрался песъ и не началъ неистово лаять на бѣлаго монаха, который въ своемъ жалкомъ челнокѣ уже проплывалъ мимо... Куда ни взглянешь, все дышитъ миромъ и спокойствіемъ нерушимыми. Даже мрачныя скалы, отвѣсно обрушивающіяся въ заливъ, точно побѣлѣли подъ этимъ солнцемъ. Вечеромъ въ тѣни онѣ покажутся совсѣмъ черными. Цѣпкая поросль попробовала было спуститься по нимъ сверху до воды, да не къ чему ей прицѣпиться, и повисла она длинными зелеными змѣями внизу. Вѣтеръ подымается, и зеленыя змѣи шуршатъ по гладкому, точно полированному утесу. А у самой воды и такой колышущейся зелени нѣтъ. Вонъ камень, по которому изъподъ воды идетъ широкая, черная трещина...

— Этой щели монашекъ одинъ повелѣлъ быть. Съ промысла онъ ѣхалъ, да вѣтромъ его челнокъ ударило въ камень. А монашекъ-то праведной жизни былъ: «Будь же ты проклятъ!» — озлобился онъ на камень, ну, и въ ту же минуту камень треснулъ. А сказываютъ, попѣ чудесовъ нѣтъ. Какъ нѣтъ чудесовъ, помилуйте, на всякомъ мѣстѣ, сколько хошь ихъ... Вотъ вы слышали про купца Ерофеева?

— Нѣтъ!

— Помилуйте. Его по здѣшнимъ мѣстамъ всѣ знали... Такъ его Богъ спичкой убилъ. Сѣрничкомъ простымъ!

— Какъ же это такъ?

— А такъ, что Богъ все можетъ. И покаралъ Онъ купца этого вотъ за что... Поставлялъ купецъ муку въ нашу обитель. Пришло дѣло къ разсчету. Сердобольскій строитель платитъ ему деньги. А Ерофеевъ и заспорь, мнѣ де больше слѣдуетъ. Слово за слово...

Сталъ онъ изъ себя неудобопотребныя рѣчи пепущать. Ну, тогда отецъ Іоиль и говоритъ ему: побожись. А Ерофеевъ трубку закуривалъ и сѣрничками чиркалъ по стѣнѣ. «Съ полнымъ удовольствіемъ! — отвѣчаетъ. — Лопни глаза мои!» И въ тую жъ сикунтъ шляпочка отъ сѣрничка отлетѣла, да въ око ему. Завылъ и созпался онъ, что хотѣлъ обмануть отца Іоиля. И столь послѣдовало для него сіе зловредно и несносно, что въ скорости у купца и глазъ этотъ вытекъ. Помираючи, онъ признался, что это его Господь за святую обитель сѣрничкомъ убилъ! А говорятъ, чудесовъ нѣтъ; не внимаемъ мы только; ихъ про всякій часъ довольно. У Бога, братъ, силы много. Эй, братъ Викторъ, отлей-ко воду изъ лодочки!

Братъ Викторъ, монастырскій трудникъ изъ корелъ, захлопоталъ, поблескивая на солнцѣ обильными золотистыми волосами, красотѣ и густотѣ которыхъ позавидовала бы любая каурая иностранка. Впрочемъ, такъ оно разъ и случилось.

— Вотъ волосы-то! — говорю о. Авенпру.

— Да... Здѣсь одна барыня была, а у насъ есть трудникъ, тоже изъ корелъ, братъ Симеонъ. У него волосы длинные, и еще лучше этихъ. Барыня къ нему и пристань: продай, да продай! На шильонъ ей, видите ли, попадобились. Ну, онъ за пятьдесятъ серебра остригся и деньги по своему усердію въ обитель отдалъ. Онѣ вѣдь, эти дамы, глупыя. Чужое-то на себя надѣнутъ, да и красуются. Для обмана одного живутъ. Съ тое самое поры, какъ мы изъ-за нихъ раю лишились, никакой перемѣны; каждаго привлекательнаго змія слушаютъ, а къ правдѣ глухи!

Мы тихо поплыли по проливу, отдѣляющему собственно Валаамъ отъ другихъ острововъ. Свѣжій лѣсъ

молчаливо дремалъ по берегамъ; хорошо ему заснулось подъ этимъ солнцемъ, такъ что и просыпаться не хочется. Какъ-то вѣтерокъ хотѣлъ его разбудить, добѣжалъ до листвы, да вѣрно и на него повліяла эта дрема, упалъ въ зеленую траву, всколыхнулъ ее и заснулъ тоже. Кудрявыя березы вперемежку съ соснами. Береза любитъ сосну и не терпитъ ели. Гдѣ ель подымается, тамъ береза захудаетъ, а съ сосной уживается въ добромъ сосѣдствѣ.

— Оленевъ тутъ у насъ зимою!

— Что? — очнулся я, уже почти погрузившійся въ полудремоту.

— Олешевъ бываетъ много. Осенью ходятъ грудно. Юровья штукъ по семнадцати. Чувствуетъ звѣрь, что ему милость, ну, и ходитъ весело. Не бьютъ его, не стрѣляютъ. У насъ по всѣмъ островамъ нельзя ни изъ ружья, ни въ силки, ни инымъ какимъ хитрымъ способомъ уловлять ни птицы, ни звѣря. Ходи и летай безъ запрету. Олень, иной разъ такъ случается, къ монаху подходитъ. Къ мірскому ни за что, но къ монаху съ полнымъ удовольствіемъ. Знаетъ, что это — инокъ и ему другъ.

Вотъ мостикъ перекинулся черезъ проливъ. У мостика часовня Божьей Матери Владимірской... Отъ этого и проливъ называется Владимірскимъ. Онъ отсюда то расширяется въ плесы, то суживается... Въ плесахъ вода спокойна, какъ безоблачное небо. Развѣ рыба шелохнется или съ дерева листъ упадетъ, такъ кругъ побѣжитъ по неподвижному озеру. И листъ-то едва-едва тянется. Теченія не замѣтно. Зато въ узинахъ вода бѣжитъ яро, наполняя зеленую пустыню своимъ меланхолическимъ рокотомъ. Плесы кое-гдѣ проросли осокой. Водяные пауки пузырятся въ ней. Изъ-за зарослей выглянетъ порою удивленная гагара... Вонъ на-

право заводье: всполошились и разорались тамъ дикія утки. Сюда бы пустить охотника! Вотъ бы натѣшился.

— Птицѣ милость, а рыбѣ милостевъ мало. Мы по этимъ плесамъ неводомъ ее таскаемъ. Щуки попадаются здоровыя. Вы какъ думаете, щука... Она молодыхъ утятъ таскаетъ... Поплывутъ они, а она снизу-то ихъ за ноги цапъ, да на дно. Тутъ щуки по полупуду есть. Разъ что смѣху было. Щука-то большую утку захватила. То утка подымется вверхъ и щуку изъ воды тянетъ, то щука ее съ головой окунетъ. Орала, орала утка, все же потопла.

— Откуда эти дубки у васъ?

По всему пути они. Молодые, свѣжіе, хорошо принявшіеся.

— А изъ Назарьевской пустыни, гдѣ мы съ вами были, пересаживаемъ ихъ сюда подъ солнце. Здѣсь солнцемъ пуще грѣетъ, а дубку это первое удовольствіе, онъ и расправляетъ руки и въ ростъ идетъ лучше!

Въ одномъ мѣстѣ проливъ сузился такъ, что вершины сосенъ съ противоположныхъ береговъ соединились надъ нами. По этой лѣсной темени и проплыли мы, пока солнце за поворотъ не блеснуло вволю.

— Вотъ крылостные за грибами пошли!

— Тоже послушаніе?

— А какъ иначе. Они въ мастерскихъ не работаютъ, землю не пашутъ, не строятъ. Ихъ дѣло хвалу Создателю своему воспѣвать только; потому ихъ послѣ обѣдни, какъ отпоютъ, сейчасъ же посылаютъ по грибы. Они же ихъ солятъ и сушатъ. Ихъ дѣло чистое. А и намъ хорошо за ними. Обители не приходится совсѣмъ покупать грибовъ, своихъ на всѣ посты хватаетъ, даже съ мірскими дѣлимся, которые побѣднѣе... А это вотъ будетъ у насъ заливъ Кукинскій. Такъ и со старины онъ зовется.

— Откуда слово такое?

— А отъ куки. Кука, которая кусть, — пояснилъ онъ мнѣ, замѣтивъ мое недоразумѣніе. — Здѣсь прежде водились горластыя куки . . . Тутъ у насъ этой окуни, щуки, лещи — изобиліе! Словно садокъ! Многолюдно!

На вершинѣ залива домикъ. Тамъ варятъ пищу косцамъ и убиральщикамъ сѣна.

Въ эти заливы лосось не ходитъ, не любитъ ихъ тишины; зато его родственница—кумжа посѣщаетъ ихъ зачастую, попадая вслѣдъ затѣмъ на монастырскую кухню. Сигъ ихъ тоже уважаетъ и по теплымъ мѣстечкамъ даже поднимается играть на солнцѣ . . . Палыа въ озерѣ самомъ ловится плохо. Тамъ вода чиста, а эта рыба любитъ мутную. Осетры въ Ладогѣ есть, но въ обитель попадаютъ рѣдко. Около Валаама грунтъ каменный, и дно каменное, а осетры привыкли къ песчаному.

Вонъ направо въ густой зелени деревьевъ мелькнула часовня Смоленской Божіей Матери. Мелькнула и опять скрылась, точно ей было любопытно взглянуть на лодку, что одиноко бороздитъ спокойные плесы.

— Вотъ и разсадникъ!

— Гдѣ?

— Берегъ такъ называется у насъ разсадникомъ!

Издали еще былъ слышенъ отсюда стукъ каменотесовъ, грохотъ топоровъ и какіе-то крики. Изрѣдка всѣ эти звуки покрывались точно пушечными выстрѣлами.

— Это камень рвутъ у насъ!

— Зачѣмъ?

— А вотъ сейчасъ наши постройки увидите!

Челнокъ пристаетъ къ берегу. Мы зацѣпляемся за досчатую пристаньку и выползаемъ на сѣрыя скалы, около которыхъ тихо плещется вода . . .

XII.

На монастырскихъ работахъ.

Масса рабочихъ копошится надъ возведеніемъ какого-то каменнаго зданія. Вдали другая масса камнетесовъ возится за глыбами гранита. Еще издали оттуда слышны пушечные выстрѣлы — рвутъ скалы... Я думалъ, ужъ не новый ли монастырь вздумали поставить здѣсь.

— Что это у васъ?

— Коровникъ выводимъ!

— Вы смѣетесь, отецъ Авениръ?

— Съ чего же, помилуйте. Коровникъ въ три этажа... Вонъ владимирцы кирпичъ возятъ наверхъ. видите. Наймаемъ ихъ, они и работаютъ. Хоть спросите у нихъ!

— Да зачѣмъ же вамъ коровникъ? У васъ громадная кирпичная конюшня съ отдѣленіемъ для коровъ!

— Пусть тутъ будутъ... Не добро коню быть вкупѣ съ коровою... Они и у Ноя во ковчегѣ розно стояли. Всякому надобно мѣсто! Отчего же не строить?.. Кирпичъ свой, гранитъ свой, только рабочіе дороги!

Въ самомъ коровникѣ уже возводится какая-то новая, изобрѣтенная монахомъ, печь для топки молока. Ужъ изъ дальнѣйшихъ объясненій строителей оказалось, что о. Авениръ, въ простотѣ души своей, называлъ коровникомъ ферму. Самый же коровникъ строится саженяхъ въ пятидесяти, и для него уже навалены египетскія массы гранитнаго теса. Тешутъ гранитъ олончане, преимущественно корелы. Говорятъ, что это »лучшіе каменотесы въ мірѣ». Также какъ и при ярослав-

цахъ, и при нихъ множество монаховъ потѣютъ за кирками.

— Есть даже которые и іеромонахи!

— Неужели въ такомъ санѣ?

— Что жъ? Чѣмъ тяжелѣе послушаніе, тѣмъ предъ Всевидящимъ Окомъ важнѣе... Вонъ онъ, видите, сидитъ? Совсѣмъ старецъ. Ужъ іеромонашествуетъ двадцать лѣтъ, да въ монастырѣ сорокъ, а тоже кирку въ руки и ступай. Намѣстникъ благословилъ его камень тесать, — для него еще духорадостнѣе. Съ кроткимъ сердцемъ труждается.

Старецъ-іеромонахъ, дѣйствительно, усердствовалъ не по лѣтамъ.

На берегу пролагается водопроводъ, одна изъ трубъ котораго будетъ доведена до коровника.

— Не пожелаете ли вверхъ?

Мы поднялись по лѣсамъ на значительную высоту. Голова кружилась. Доски медленно качались подъ ногами, а тутъ еще то и дѣло позади: «сторонись, сторонись!» Везутъ тачки съ кирпичемъ или наемный рабочій, или монахъ, обливаясь потомъ. Еще бы! Втащите сразу этакій грузъ на подобную высоту. Зато вверху передъ нами открылся чудный видъ на заливъ. Вершины самыхъ старыхъ сосенъ раскидывались подъ нашими ногами. Словно черныя шапки, на нихъ выдѣлялись какія-то прошлогоднія гнѣзда.

— Теперь ужъ тутъ птицы не будетъ!

— Почему?

— Другой скитъ себѣ птица поставитъ. Нельзя птицѣ водиться. Тутъ цѣлый день стукъ, работа... Кипѣнь самая... Какъ тутъ птицѣ быть? Птица Божья, она, что пустынникъ, тишину любитъ...

— А кто у васъ горы рветъ?

— Камень-то? Былъ прежде рабочій простой — изъявилъ желаніе постричься. Ну, мы его быстро въ іеромонахи вывели. Нужный человѣкъ, помилуйте. Сколько экономіи одной... Прежде нанимать должны были, а теперь онъ послушаніе исполняетъ. Еще усерднѣе. Какъ бы вы думали! Онъ-то и буритъ, и рветъ скалу... Ловко работаетъ!

Камень рвутъ тутъ же, невдалекѣ отъ коровника.

Іеромонахъ-каменотесъ совсѣмъ крестьянинъ. Та же походка съ присѣданіемъ, то же озабоченное выраженіе лица. На немъ короткая куртка и скуфья.

— По нашему дѣлу нельзя длинныхъ одѣяній. Ужъ я и то на духу спрашивалъ, не во грѣхъ ли и осужденіе мнѣ будетъ сіе. Но, спасибо, отецъ Дамаскинъ утѣшилъ. Онъ вѣдь какое мнѣ мудрое слово сказалъ: не ряса дѣлаетъ монаха. Иной въ короткомъ и неблаговидномъ все же монахъ, а другой и въ длинномъ, да хуже всякой блудницы вавилонской. Ты, говоритъ, хучь все съ себя скинь, да не соблазняйся, и инокъ выйдешь. Ну, я съ тое поры успокоился. Теперь ничего, безъ всякой опаски въ блудномъ видѣ хожу.

Все завалено обломками гранита. Суета работы. Приходится выкрикивать слова, чтобы ихъ услышали. Вонъ бурятъ трое рабочихъ положенную горизонтально, громадную гранитную плиту, чтобы она раскололась; другіе тешутъ уже расколовшуюся. Третьи подрываются подъ обломки скалъ, чтобы сдвинуть ихъ съ мѣста. Рослый, широко-грудый красавецъ-конь стоитъ около.

— Это у насъ Сила-богатырь. Какъ рабочіе не могутъ сдвинуть — сейчасъ его. Мигомъ выпретъ. Горы можетъ! Вонъ онъ у насъ каковъ, — восхищался монахъ-каменотесъ, хлопая Силу-богатыря по спинѣ. Тотъ только передвинулъ кожей и повернулъ морду къ намъ.

— Что, братъ, хлѣбца захотѣлось? а!

Сила-богатырь ткнулся ему мордой въ руку.

Какіе гордые лѣсные великаны легли ради этого коровника. Я видѣлъ тысячи такихъ бревенъ, заготовленныхъ обителью. Они валяются тутъ же. Въ сторонѣ для рабочихъ поставлено два домика и трапеза подъ навѣсомъ. Въ субботу на воскресенье они пріѣзжаютъ въ обитель.

Между работниками бываютъ исключительныя натуры. Теперь въ обители работаетъ по обѣту нѣкто В. И. У него, въ Питерѣ, богатое хозяйство, мастерская, дѣти. Въ почетѣ онъ тамъ, и совсѣмъ бы жизнь его шла хорошо, если бъ по временамъ не запой. А начнется — хозяинъ ходитъ оборванный, по частямъ ночуетъ. Пошеніе всей семьѣ, не говоря ужъ о срамѣ передъ рабочими. Пріѣхалъ онъ въ Валаамъ разъ, помолился, — какъ рукой съ него сняло «запойное озлобленіе». Съ тѣхъ поръ онъ постоянный гость и работникъ въ обители. Теперь его вызвали сдѣлать воротцы и чугунную рѣшетку для ограды и ужъ четвертый мѣсяцъ онъ, вмѣстѣ съ данными ему въ помощь иноками, трудится надъ этимъ дѣломъ. Кстати и иноки мѣстные такъ пообучились, что послѣ его отъѣзда могутъ и одни продолжать дѣло.

Какой тяжелый трудъ здѣсь совершается монашескими руками, я убѣдился въ этомъ именно на постройкѣ все того же коровника. Погребъ приходится вырубать въ цѣльномъ гранитѣ. Вода чуть сочится сквозь его поры, для нея продѣлывается канавка. Эта египетская работа совершается также системою послушанія.

XIII.

Запретный скитъ. — Молчальникъ.

Гранитные утесы правильными отвѣсами обрушиваются въ покойныя воды Новаго пролива. На ихъ вершинахъ ели и сосны, точно молчаливые часовые, сторожатъ сверху свою заманчивую пустыню. Мы плывемъ мимо, невольно погружаясь въ дрему. Цѣль нашей поѣздки—самый строгій скитъ Валаамскій—Іоанна Предтечи, куда изъ богомольцевъ не пускаютъ почти никого. Много, много, что въ годъ трое, четверо посѣтятъ отдаленный уголокъ. Объ одномъ изъ двухъ схимниковъ запретнаго скита мнѣ говорили ранѣе, и я горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе познакомиться съ этой въ высшей степени интересной личностію. Онъ извѣстенъ подъ именемъ «безмолвника».

Красивый Новый проливъ тянется до мостика, за которымъ начинается каналъ Конаный, проведенный монахами. Тутъ было песчаное безводье, — о. Дамаскинъ вырылъ достаточную для лодокъ ложбинку — въ двѣ сажени шириной и пятьдесятъ длиной. Глубина канала—сажень. Окончена работа въ 1859 году. Въ одномъ мѣстѣ привелось срыть прочь выступъ горы съ гранитнымъ стержнемъ. Стѣны подъ водой выложены камнемъ. Вся работа сдѣлана грубо, но прочно, и является замѣчательной, потому что надъ нею трудилась одна невѣжественная масса. Спеціалистовъ не было. Безконечная энергія, смѣтливость, настойчивость и масса даровыхъ рабочихъ силъ, которыми располагаетъ обитель въ лицѣ своихъ монаховъ-крестьянъ. Этимъ каналомъ дали выходъ въ море всевозможнымъ внутреннимъ озерамъ и сал-

мамъ. Въ концѣ, гдѣ каналъ выходитъ въ одинъ изъ Ладожскихъ заливовъ, два его берега смыкаются, и мы плывемъ по узенькой щели. Одинъ ея берегъ — каменный пологій мысъ, другой — крутая лѣсистая гора. Изъза ея вершины едва замѣтенъ зеленый куполъ. Онъ словно прячется въ чащу отъ чуждаго взгляда. Это-то и есть скитъ — цѣль нашей поѣздки. Весной и осенью въ этомъ проливѣ ледъ слабъ — ни на лодкѣ, ни пѣшкомъ. Пустынники скита запасаютъ на это время сухари, тѣмъ и живутъ... Въ обыкновенное же время имъ ни молока, ни масла, ни рыбы не полагается: ѣдятъ овощи, пустыя щи, кашу съ квасомъ. Всѣхъ отшельниковъ теперь четверо. О. Ириней — «безмолвникъ» лѣтъ семидесяти, монатейный монахъ, тоже старикъ и двое рясофоровъ, изъявившихъ ревность потрудиться именно въ этомъ скитѣ. Кругомъ вода. Островокъ — четверть версты въ ширину и половину въ длину. Точно на кораблѣ, затерянномъ среди океана, живутъ эти отшельники, почти не имѣя сообщенія съ остальнымъ міромъ. Съ своихъ вершинъ смотрятъ они на паруса далекихъ судовъ, скользящихъ по безбрежному простору озера, привязываются ненадолго къ нимъ мыслью и грезой; видятъ иногда чухонъ-тюленьщиковъ, которые на своихъ лодкахъ плаваютъ мимо, стрѣляя морского звѣря. Изрѣдка въ непогоду пловцы просятъ ночлега и заночевываютъ въ лѣсу, внѣ стѣнъ скита... Жизнь этихъ отшельниковъ похожа на ту, которую ведутъ маячные сторожа на отдаленныхъ островахъ Сѣвернаго океана да промышленники, поневолѣ зимующіе на островѣ Обрѣтенномъ, т. е. на Новой Землѣ.

— Отецъ Иринеи безмолвникъ, схимникъ, — предупредили меня.

— Братія!.. Радъ вамъ... радъ, братія, спасибо, что потрудились. Спасибо, голубчики.

— Вотъ отецъ намѣстникъ дозволилъ имъ посмотрѣть вашъ скитъ, отецъ.

И Авенпръ подошелъ было подъ благословеніе.

— Недостоинъ я, грѣшный, недостоинъ! — смиренно отстранилъ его безмолвникъ и вмѣсто благословенія расцѣловался съ нимъ.

Онъ въ монастырѣ уже сорокъ пять лѣтъ. Прежде когда-то былъ купцомъ въ Петербургѣ и торговалъ въ Гостиномъ Дворѣ. Въ обители онъ отличался очень веселымъ нравомъ и говорливостью.

— Такъ говорить любилъ, бывало начнетъ, — не остановишь! И хорошо говорить могъ. Красно. Заслушивались.

Замѣтилъ это о. Дамаскинъ и захотѣлъ испытать, насколько можетъ смириться о. Ириней.

— Наложу на тебя послушаніе, не знаю, перенесешь ли?

— Господь поможетъ.

— Ну, такъ вотъ, — молчи, пока я тебѣ не скажу.

О. Ириней и смолкъ. Молчалъ бы, пожалуй, всю жизнь, да черезъ девять лѣтъ узналъ о. Дамаскинъ, что слава о подвигѣ Иринея прошла далеко и о немъ хотятъ писать, пожалѣлъ о. Дамаскинъ старца, — какъ бы не вышло соблазну, не возгордился бы инокъ, и приказалъ ему говорить.

О. Ириней заговорилъ послѣ девятилѣтняго безусловнаго молчанія.

А еще толкуютъ, что у насъ нѣтъ характеровъ! На что бы ни былъ направленъ и чѣмъ бы ни руководился о. Ириней, все-таки это крупный характеръ. Вынести подобное испытаніе ужасно. На Иринеѣ оно даже и не

отразилось. Онъ свѣжъ, бодръ и говорливъ, какъ въ первое время своего пребыванія въ обители. На этомъ маленькомъ островѣ онъ уже около двадцати лѣтъ и любитъ его, какъ капитанъ свой корабль. Оставляетъ его онъ только въ годовые праздники; тогда, отслушавъ обѣдню, онъ и трапезуетъ вмѣстѣ съ братіей, а, окончивъ трапезу, не медля возвращается въ свою пустынь. Онъ ее и украсилъ, какъ могъ, надъ каждымъ клочкомъ ея работаетъ, какъ прилежный рабъ въ притчѣ.

— У насъ съ колокольни хорошо!

Взобрался я на нее. Лѣсное царство кругомъ. Сквозь небо поблескиваютъ свѣтлыя воды, и туманно рисуются другіе берега. Оказалось возможнымъ подняться еще и въ куполъ. Отсюда виды еще прелестнѣе. Серебряные и голубые извивы проливовъ. Широкіе плесы, окутанные со всѣхъ сторонъ зеленой дремой. Длинные скалистые мысы, мысы, поросшіе соснами. Далеко на югъ надъ вершинами плаваютъ серебряные куполы другого скита Всѣхъ Святыхъ, а еще дальше — точно горделивый бѣлый корабль изъ зеленаго моря лѣсовъ подымается соборъ самой обители . . . Просторъ, дичь и глушь . . . Въ противоположное окно — Ладога, вплоть до смутныхъ очертаній корельскаго берега. А вонъ, напротивъ, чуть-чуть мерещатся за шестьдесятъ верстъ скалы Якимваари. Въ этомъ куполѣ, что ни окно, то новая картина. Мы переходимъ къ слѣдующему, и подъ нами надъ опасной лудой — маякъ. Семь лѣтъ тому назадъ здѣсь сѣлъ на мель пароходъ Коневецъ . . . Вонъ нѣсколько суденышекъ точно подъ ногами у васъ ползутъ маленькія, маленькія . . . . . .

— У насъ и колоколъ внизу особый примѣчательный.

— Чѣмъ это?

— Борисомъ Годуновымъ жертвованъ . . . Еще мы

вамъ покажемъ колодезь нашъ. Семь аршинъ въ скалѣ выдолблено, ключа ниоткуда, а вода студеная и обильная. По учености судить — можетъ изъ скважины, а по-нашему волею Божіей. Вода высоко стоитъ здѣсь — аршинъ надъ вершиною горы, вершина-то ниже воды . . . Какъ это по-вашему? По-моему — чудо непрестанное.

— Какъ этотъ колодезь пробили?

— А въ преполовеніе отецъ игуменъ пріѣхалъ. Гдѣ бы колодезь найти? — спрашиваетъ. Ходили мы, ходили, — нѣтъ нигдѣ. На это мѣсто пришли — мокрый мохъ въ ямочкѣ, въ низинкѣ. Сунулъ отецъ Дамаскинъ палку, на аршинъ вошла. Давай рыть — докопались до скалы. Стали долбить скалу, вдругъ какъ хлынетъ вода, и пошла, и пошла, а теперь выше горы стоитъ.

Кедры кругомъ молоденькіе, но принялись ишбко, обвѣтвились и растутъ въ ширь.

Молодые кедры мнѣ напоминаютъ маленькихъ слоновъ, уже въ самой неуклюжести ихъ широкаго тѣла сказывается будущая громадность и сила, такъ и въ кедрѣ.

— Кто это посадилъ?

— Я, — отозвался безмолвникъ. Когда они вырастутъ и окрѣпнутъ, насъ уже не будетъ. Другой придетъ любоваться ими . . . — задумался онъ. — Одно плохо — не вездѣ для нихъ способно. Вишь ты, растетъ, растетъ чудесно, а потомъ вдругъ и посохнетъ . . . Есть такіе, которые пятнадцать лѣтъ подымались дивно, и пропали на шестнадцатомъ . . . Я такъ думаю, корни ихъ до луды дошли. Мальчики, — обернулся онъ къ нашимъ гребцамъ. — Видите, рѣпа поспѣла. Берите, ѣшьте сколько угодно. Жаль, яблоки у меня не вызрѣваютъ.

Дѣти бросились въ огородъ. Старецъ проводилъ ихъ любящимъ взглядомъ.

— Эхъ вы, малые, малые! Иде же есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше!

Въ свое время въ обители о. Ириней былъ келіархомъ и звался о. Иваномъ. Къ нему часто хаживалъ пустынникъ изъ лѣсу, и о. Иванъ сталъ по его примѣру ревновать къ пустынножительству. Хотѣли сдѣлать его іеродіакономъ, отказался — «недостоинъ». Ушелъ въ скитъ, потому что лѣсное пустынножительство о. Дамаскинъ уже сталъ прекращать. Ириней и до сихъ поръ само смиреніе и привѣтъ. Какихъ бы ни былъ убѣжденій человѣкъ, изъ бесѣды съ нимъ онъ вынесетъ отрадное впечатлѣніе не ослабѣвающей бодрости и энергіи; молодая сила въ организмѣ старческомъ. У о. Иринея отъ лѣтъ уже сѣдой пухъ изъ ушей повырось, а онъ навѣрное больше насъ съ вами и ходитъ, и работаетъ. Сталъ меня разспрашивать, много ли я ѣзжу, бывалъ ли въ обителяхъ.

— Хорошо вы путешествуете — изобильно и пространно!.. Угощу я васъ теперь нашимъ лакомствомъ. Что жъ дѣлать, чревоугодники и мы тоже!

И старецъ самъ нарвалъ цѣлую тарелку крупной земляники.

— Это все отъ нашего труда!..

Скиты живутъ своимъ хозяйствомъ. Обитель даетъ имъ только хлѣба. Овощи скитъ долженъ производить самъ. Кромѣ огорода, у о. Иринея есть и другая излюбленная работа. Онъ плететъ тонкіе осиновые короба, сшитые черемховымъ лыкомъ, мебель изъ вѣтвей.

— Посылаемъ въ обитель, тамъ продаютъ во славу Божью, должно быть.

— Деньги за проданное кому же, вамъ?

— Намъ деньги? Зачѣмъ намъ деньги? У насъ и въ обители монахъ денегъ не видитъ. Кому я возьму

деньги? Я и забылъ о нихъ, понятія теперь не имѣю, какія онѣ нынѣ... И зачѣмъ? Что тутъ деньгами сдѣлаешь? Нашъ скитъ — постный скитъ. Оттого и Іоанновымъ названъ, чтобы постнымъ быть. Іоаннъ акридами и дикимъ медомъ питался. Живемъ мы тутъ, никто насъ здѣсь не посѣщаетъ.

— Не пускаютъ?

— Какіе же мы пустынники были бы, если бы къ намъ въ гости ѣздили. Одно безпокойство отшельнику. Такъ и игуменъ говоритъ. Пусть лучше одинъ отдѣльный скитъ будетъ, чѣмъ нѣсколько посѣщаемыхъ. Сюда къ намъ даже и братію не пускаютъ.

Пустынь, ея площадку, храмъ и садъ со всѣхъ сторонъ мрачною стѣною обступили темныя ели. Насупились и словно что сторожатъ здѣсь. Точно разъ попавшаго сюда онѣ уже не выпустятъ назадъ. Жутко даже становится, такъ жутко, что совершенно понимаешь того аоонскаго монаха, который, какъ-то попавъ сюда, думалъ остаться и не выдержалъ — бѣжалъ, чуть не помѣшавшись, въ Угрѣшскій монастырь.

— Мрачно у васъ. Скудно.

— Съ Богомъ и въ лѣсу жизнь, а безъ Бога и въ раю соскучишься.

Изъ какого чуднаго лѣса выстроена здѣсь церковь. На нее шли бревна аршина полтора въ діаметрѣ. Дерево крѣпкое, словно камень. Здоровыми соками питалось, и цѣлые вѣка шумѣло въ вышинѣ горделивой вершиной, давая пріютъ тысячамъ птицъ, прежде чѣмъ, могучее и еще полное жизни, оно упало подъ топоромъ монаха.

Внутри церковь совершенно проста и скудна, какъ подобаетъ въ пустынѣ.

— Церковь молитвой держится, а не окладами. Въ

убогой церкви Бога еще лучше зришь. Не заставленъ Онъ отъ тебя сокровищемъ.

— Вотъ, пойдемте, покажу я вамъ красоту неописанную. Картину такую, какую земнымъ художникамъ не написать. Небесный художникъ ее рисовалъ.

Вышли изъ пустыньки. Вдругъ лѣса и скалы, до сихъ поръ заставлявшіе даль, раздвинулись. Обрывъ внизъ. Мы стоимъ на карнизѣ. Предъ нами безбрежный просторъ Ладоги, появившійся неожиданно, точно по мановенію волшебнаго жезла. Ели шумятъ далеко внизу, маленькими кажутся съ этой высоты! Мнѣ эта картина живо напомнила видъ изъ Байдарскихъ воротъ въ Крыму, гдѣ путешественнику, утомленному однообразнымъ маревомъ горъ да лѣсовъ, вдругъ представляется громадная перспектива Чернаго моря.

— Иной разъ, внизу такъ играетъ стихія! Могущество Бога своего являетъ. Пѣны набьется, точно въ серебряныхъ облакахъ нашъ островъ плыветъ.

Надъ обрывомъ — крестъ, тесаный изъ гранита. Налѣво — заливъ, гавань, куда изъ-за пятидесяти верстъ бѣгутъ корабли отстаиваться отъ бурь.

— Намъ только однѣ мачты ихъ видны да палубы. Махонькими кажутся. Имъ къ намъ нельзя, намъ къ нимъ не подобаетъ. А гавань мы во имя св. Никона окрестили... Вонъ наши рыбари выѣзжаютъ.

Какая-то черная точка дѣйствительно ползетъ по морю, ничего на этой черной точкѣ не разглядишь.

— Это должно быть отецъ Олимпій. Онъ и есть! — всматривался Ириней.

Постоянная привычка разглядывать предметы на далекихъ разстояніяхъ дала удивительную зоркость старческимъ глазамъ. Гдѣ-то въ сторонѣ точно клочекъ тумана осѣлъ и мерещится оттуда. Ириней разглядѣлъ

около этого островка монастырскій пароходъ. Видимое дѣло, — человѣку одна житейская отрада и оставлена — любоваться на эти дивныя дали. Тутъ и слѣпой прозрѣетъ.

Вонъ внизу, невѣдомо какъ прицѣпившись къ отвѣсу, держится громадная сосна. Лѣсъ шумитъ у насъ подъ ногами, вода бьется въ берега и точно серебряная нитка окаймила ихъ едва замѣтная отсюда пѣна прибоя. Удивительное спокойствіе вѣяло на душу. И не одно спокойствіе — горе забывалось, прощалось всѣмъ, примиреніе казалось такъ легко!

Вдали показался другой пустынникъ, едва бредетъ. Сѣдой весь. Келья его на версту отъ кельи о. Иринея. Паисій забрался въ чащу лѣсную. Давно просился онъ на этотъ одинокій островокъ, не пускали, какъ и другихъ.

— Братіи не дозволяютъ сюда. Зачѣмъ тебѣ, говорятъ; жить такъ, какъ они — не сможешь, говорить станешь. Едва Паисія благословили.

— Удивляюсь, отецъ Ириней, какъ это вы такую бодрость еще сохранили. Подвигъ вашъ труденъ, пища скудная.

— А что березку на камнѣ питаетъ? Ишь она выскочила сдуру, а Богъ ей сейчасъ и жизнь далъ. Вонъ она, поглядите-ка, какъ раскудрявилась. А откуда кажется. Пища у нея въ камнѣ скудная . . .

О. Паисій, тотъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Иринеи — типъ подвижничества, типъ тѣхъ временъ, когда люди спасались отъ всего живого, отъ скверны мірской въ пустыни и дебри, уходили въ безлюдные лѣса и, прожившъ тамъ въ тишинѣ и душевномъ покоѣ десятки лѣтъ — временами, вызываемые обстоятельствами, возвращались къ народу боговдохновенными обличителями, вождями, учителями. О. Паисій, тотъ скорѣе Мани-

ловъ во образѣ пустынника. Всему онъ радуется и при томъ очень слащаво. Въ мірѣ онъ былъ сапожникомъ.

— Благодѣтели! — встрѣтилъ онъ меня. — Посѣтили насъ немущихъ, немощныхъ рабовъ Божьихъ.

Слово «благодѣтели» поясняется тѣмъ, что въ скитъ этотъ пускаютъ только тѣхъ, кто уже очень крупныя пожертвованія дѣлаетъ, — купцовъ, которымъ отказать нельзя.

— Благодѣтели, живемъ мы здѣсь скудно, убого.. Лѣсными людьми живемъ... давай вамъ Богъ!

— Пойдемте, я вамъ нашъ островъ покажу, — прервалъ его о. Иринней. — Полюбуйтесь на красу его!..

Мы спустились внизъ. Тропинка то и дѣло огибаетъ громадныя свалившіяся сверху скалы... Осыпей подозрѣвать здѣсь нельзя, нужно было остановиться на землятресеніи, несмотря на сѣверное положеніе Валаама.

Я сообщилъ это о. Иринею.

— По-вашему... А по-моему, это когда на крестѣ Христосъ духъ испустилъ. Земля потряслась, и камни распадошася... Только вдумайся, вездѣ слѣды этого найдутся. Ишь дорога-то — сукномъ подернулась.

Дѣйствительно тропинка здѣсь отъ сырости точно зеленымъ сукномъ покрылась. Мохъ мелкій совсѣмъ ее заполонилъ. Тянется она вокругъ всего острова. Все время около насъ шумитъ озеро. Сегодня поднялся къ вечеру вѣтеръ и, срывая бѣлую пѣну съ гребней волнъ, налетающихъ на утесы, несетъ онъ ее прямо къ намъ въ лица. Путь этотъ сдѣланъ руками отшельниковъ въ 1865 году. Мы обошли островъ и въ одномъ изъ лѣсныхъ участковъ замѣтили простой срубъ.

— Моя келья! — повелъ насъ о. Иринней.

Крохотная горенка и другая такая же. Голыя нары, подъ голову полѣно. Вотъ и вся обстановка.

— Скучно тутъ, — вырвалось у меня.

— Соскучишься, такъ кричи: «Господи помилуй! Господи помилуй!». Ну, какъ дитя вотъ... Господь услышитъ, Онъ утѣшитъ.

Изъ кельи вверхъ на кручу лѣсенка съ перилами.

Воображаю, осенью и весной, въ непроглядную темень ночей, какъ живутъ эти отшельники за версту другъ отъ друга. Только вой мятели, да стонъ вѣтра въ ущельѣ, да шорохъ снѣга, осыпающаго съ деревьевъ и говорятъ ихъ чуткому слуху о жизни и движеніи. Мертва, какъ могила, келья и темна, какъ она. Свѣчей и лампадъ пустынники не жгутъ вовсе — не полагается имъ. Еще какъ печка топится, такъ перебѣгающій свѣтъ скользитъ по стѣнамъ бревенчатаго сруба. Оказывается, впрочемъ, что Иринеи не всегда и топитъ. Когда ужъ вдоволь стужа приступитъ — поневолѣ, а то и такъ обходится. Огня не зажигаютъ и въ церкви. Всю ночь въ ней пустынники читаютъ по-очереди, во тьмѣ на память.

— А что забудешь — падешь ницъ и своей малоумной молитвой дополнишь. Словъ не хватитъ, слезами. Оно точно какъ слѣдуетъ и выходитъ.

Когда два пустынника въ церкви вмѣстѣ, тогда свѣчей не зажигается, чтобы не видѣть другъ друга. Это — одно изъ условій жизни въ скиту.

— Отчего келья у васъ, отецъ Иринеи, внизу — а не наверху?

— А такъ какъ бы Ѳаворъ. Мы, какъ апостолы, внизу, а Господь невидимо наверху присутствуетъ.

Монахи разсказываютъ, что пустынникамъ часто чудится. Еще бы!.. Какія видѣнія должны являться имъ, вѣчно пребывающимъ въ одиночествѣ и мракѣ. Какіе голоса должны звучать въ этой чудной тишинѣ — когда сердцемъ слышишь, когда оно раскрыто и ждетъ — при-

ди Господи! И несомнѣнно, что Господь сходитъ къ нимъ, сходитъ въ звукѣ и образѣ, сходитъ, какъ елей на болящую душу. Сходитъ въ пламени молніи, сходитъ въ тихомъ дуновеніи вѣтра. Распростершись ницъ, безмолвникъ внимаетъ грозному глаголу и въ самыя тяжкія минуты уединенія, въ самыя глухія ночи, на высотѣ точно разверзается твердь, и широко раскрытымъ очамъ

Послушники пилятъ дрова.

являются легіоны свѣтлыхъ ангеловъ, сіяютъ божественныя кущи и раскидывается иное, нездѣшнее небо . . .

Иначе, какъ бы, не видя этого рая, живой вылежалъ десятки лѣтъ въ этой одинокой могилѣ?

Въ запретномъ скитѣ по собственной волѣ поселились двое послушниковъ. Мы ихъ застали обоихъ — пилятъ дрова. Одинъ писанный красавецъ — сынъ протоіерея. Къ сожалѣнію, онъ совсѣмъ глухъ.

— Что, безъ рыбки соскучились?

— Вотъ день какъ попилятъ, такъ вечеромъ имъ и

въ голову не придетъ, что рыбки нѣтъ, — отвѣтилъ за нихъ о. Ириней.

— Чай пили ли? — продолжалъ шутить о. Авенпръ.

Чай въ скитахъ запрещенъ вовсе.

— Изъ губы (залива) пили, — отшутился другой послушникъ.

— У насъ губа эта злая.

— А что?

— Тутъ волны осенью сажени по двѣ въ высь холятъ... Гремятъ что тучи.

Съ какой любовью отцы-пустынники воздѣлали свой маленькій островокъ, каждый уголокъ его! Тамъ крестъ высѣченъ, тутъ скала деревьями обсажена... Такое же отношеніе, какъ капитана къ своему кораблю.

— Островъ вашъ малъ, даже и звѣрю негдѣ...

— Нѣтъ, олени живутъ свободно. Къ самымъ кельямъ подходятъ, бываетъ. Одни тюленьщики бьютъ ихъ, мерзкіе... Зато ядовитыхъ звѣревъ у насъ по всему Валааму нѣтъ, — пояснилъ Авенпръ.

— Какихъ ядовитыхъ?

— Да волковъ и медвѣдей.

Назадъ мы плывемъ другимъ проливомъ.

Деревья въ водѣ стоятъ. Въ прошломъ году вода была еще выше. Досадно было за лѣсную красу. Простоявъ лѣто въ водѣ, она пропадетъ.

— Потому корни у нихъ подопрѣютъ. Ну мы зимой спилимъ всѣ дерева эти.

XIV.

Коневскій скитъ. — Отецъ Дамаскинъ.

— У насъ трудно, очень трудно иноческаго сана добиться.

— Почему?

— Пока еще тебя послушникомъ примутъ, навозишься, да въ послушникахъ шесть лѣтъ, а если молодъ, то и больше. Моложе тридцати лѣтъ рясофоромъ не сдѣлаютъ. Да и въ рясофорѣ, если ты во всемъ взялъ и обители угоденъ, просидишь только шесть лѣтъ. Лѣтъ пятнадцать до мантіи-то промаешься. Я вотъ мантію получилъ на седьмомъ году.

Все это объяснялъ мнѣ благодушный о. Самуилъ по пути въ Коневскій скитъ. Въ немъ живетъ всего одинъ пустынникъ о. Макарій. Въ мірѣ онъ былъ на пивоваренномъ заводѣ рабочимъ. Застали мы его за самымъ невиннымъ дѣломъ. Прудокъ у него около келіи. Возился онъ надъ нимъ.

Благословите, отче.

— Господь благословитъ. Недостоинъ я...

— Что это вы дѣлаете?

— Да вонъ въ прудокъ эту рыбку пускаю. Пущай же она водится.

— Какую рыбку?

— А снжковъ махонькихъ да ряпушку. Въ прудѣ у меня щучки нѣтъ, ну, такъ безъ хищнаго звѣря всякой мелкой рыбкѣ куда какъ вольготно будетъ... Нехай ее забавляется. Подрастетъ, въ свѣтлые дни полюбуюсь, какъ она на солнцѣ играть станетъ... Только и отрада, что молитва, да вотъ прудокъ мой; ко мнѣ мало кто ходитъ. У рѣдкаго явится усердіе такое, чтобъ къ намъ въ дальній скитъ..., Мальчика бы мнѣ, — обратился онъ къ о. Самуилу.

— А ты просилъ?

— Просилъ намѣстника, обѣщалъ. А то я здѣсь одинъ совсѣмъ, какъ жукъ на осокѣ... Все одному невозможно передѣлать... Огородикъ-то свой я позапустилъ.

Прудъ чрезвычайно весело смотритъ. На немъ разрослись какіе-то желтенькіе цвѣтки, и водяныя лиліи, которыя о. Макарій почему-то называетъ курочками. Зеленые листики прямо, точно тарелочки, на водѣ лежатъ.

— Ишь ты, словно блюдца. Разбросались какъ. У меня тутъ мѣсто мягкое. Спокой. Ни горъ высокихъ, ни возерной волны. Тишина у меня. Вотъ, сижу да слушаю звонъ изъ того лѣса. Коровки тамъ ходятъ. Иная и ко мнѣ забредетъ, къ пустынншку, навѣстить тоже. Ну, хлѣбца ей — все лишняго гостя привадишь. А какъ настоящаго человѣка Господь пошлетъ, милостивый, такъ истинно возопіешь: возсія намъ яко солнце свѣтозарне въ велелѣпіи!

Въ Коневскомъ скитѣ хранится образъ Нерукотво-

реннаго Спаса, собственнаго письма графини Орловой. Колокольня низенькая. Съ нея только и видно, что прудъ кругомъ, да пустынька самая. Вокругъ церкви разсажены вязы, серебристые и душистые тополи.

— А это что?

— Аулье дерево. Божье дерево такое есть, аулье. Сказываютъ, у кровожадныхъ черкесъ растетъ.

— Какъ! Такого дерева нѣтъ, да и черкесовъ нынѣ не осталось, всѣ въ Турціи.

— Вѣрно, говорю, аулье. Такъ и отецъ Дамаскинъ называлъ, оно и изъ Турціи можетъ быть. У насъ много деревьевъ изъ невѣрныхъ мѣстъ. А черкеса расточили наконецъ? .. Ну, что же — не бунтуй! .. Это хорошо!

Вязы особенно хорошо принялись здѣсь.

— Рыбку ѣдите? — подшучивалъ я.

— Уху хлебаемъ изъ пруда. Велика кадка-то, рыбки и не поймаешь.

Огородъ ступеньками кверху. Хоть старецъ и жалуется на то, что запустилъ его, но на мой взглядъ у него все въ исправности.

— Тутъ еще какія деревья у насъ есть, — диву дашься. Изъ Бѣлой Арапіи, сказываютъ, одно, — самъ нечистый бузукъ его сажаетъ. А вотъ кленъ-то. Ишь могучій какой. Его отецъ Дамаскинъ выростилъ. Отецъ Дамаскинъ здѣсь въ затворѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ, въ Коневскомъ скитѣ моемъ. Разъ онъ кленовую палочку такъ взялъ да и посадилъ въ землю, а она изъ себя корень пустила. Ишь теперь дерево какое райское вышло. Гущина... Сила-дерево. А самъ-то отецъ Дамаскинъ безъ рукъ, безъ ногъ. Какъ кого умудритъ Господь! А вотъ это дерево по-моему большая лапа зовется, потому что у него листъ такой.

Пушистыя лиственницы окружаютъ бывшую келью о. Дамаскина. Въ самой кельѣ чистота. Все словно только что вымыто. Видимое дѣло, блюдетъ ее о. Макарій. Вотъ и гробъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ спалъ о. Дамаскинъ, ведя отшельническую жизнь въ этой пустынькѣ. Онъ, какъ теперь о. Макарій, былъ здѣсь въ полномъ одиночествѣ. Только священныя книги утѣшали его въ уединеніи. Память о его подвижничествѣ столь высоко цѣнится монахами, что мнѣ случалось слышать такіе, напримѣръ, отзывы.

О. Макарій чистая крестьянская душа. Работаетъ надъ своей пустынькой въ потѣ лица, улучшаетъ ее какъ можетъ; для того, чтобы понять, какъ энергія одного человѣка измѣняетъ мѣстность, слѣдуетъ пріѣхать сюда. Валаамскіе иноки вообще представляютъ полные типы сѣвернаго монашества — монашества мужицкаго, чуждаго хитросплетеніямъ византійскимъ и строго блюдущаго свой основной принципъ — обязательность труда и безпрекословность послушаній.

— Деревья эти только нашей зимы не любятъ. Кабы мы ихъ въ шубы не заворачивали, давно бы имъ помереть.

— Въ какія шубы?

— Да соломой обертываемъ... И досками тоже забиваемъ отъ зайца. Заяцъ зимой — подлый звѣрь. Голодно ему, бѣдному, онъ сейчасъ же и почнетъ кору грызть. Пока мы не догадались, много деревъ у насъ косой попортилъ... Особенно ежели осина, либо яблоня... Зайка сейчасъ къ нимъ. Ушастъ, ушастъ, а тоже понимаетъ. Кленовъ вотъ не жаль, они у насъ лѣсами сами растутъ... Ухода за ними не надо — Божье дерево...

— И не скучно вамъ здѣсь одному?

— Какъ не скучно? Скучно. Особенно песья муха скучитъ... Жретъ она меня... Вѣдь и махонькая какая, а сколько въ ней лютости! — И при этомъ у о. Макарія добрая-добрая улыбка, «легкая», какъ говорятъ монахи.

— Тутъ хоть гулять когда вздумалъ, можно, а вонъ ихъ, — взглянулъ онъ на о. Самупла, — и гулять въ лѣсъ не пущаютъ.

— Наши монахи все работаютъ на послушаніяхъ, оттого и гулянки имъ по лѣсу нѣтъ. Съ утра до трапезы, отъ трапезы до вечера... Когда тутъ?

— Всѣ послушанія назначаетъ намѣстникъ?

— Инокамъ онъ, а трудникамъ да наемнымъ рабочимъ—отецъ экономъ. Ну, кому благословлено чай пить, тѣмъ отъ трехъ до четырехъ часовъ дается время. А то — иди-ко. И чай-то какъ еще у насъ. Разъ разрѣшили четвертку чаю. Выпилъ я ее всю — иду просить отца Дамаскина благословенія купить еще. А онъ мнѣ таково ли прозорливо въ глаза взглянулъ и говоритъ: «Посиди мѣсяцъ безъ чаю, для души твоей полезно это...» Я думалъ сначала, блажитъ игуменъ, а потомъ сообразилъ, что это онъ смиреніе мое испытуетъ. Палъ я ему въ ноги и пошелъ. Что жъ бы вы думали, черезъ мѣсяцъ призываетъ меня самъ, не забылъ: теперь, говоритъ, пей чай, потому видѣлъ я, что жестоковыйности въ тебѣ нѣтъ вовсе...

Коневскій скитъ создалъ о. Дамаскина, этого послѣдняго и настоящаго устроителя Валаама.

Пришелъ сюда Дамаскинъ крестьянскимъ мальчикомъ изъ Тверской губерніи, — не умѣлъ ни читать, ни писать... Держали его на черныхъ работахъ, при чемъ иноки поясняютъ, что изъ черныхъ — самыя грязныя

давали ему: — кособрюхій былъ. Выдержалъ онъ этотъ искусъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, при чемъ ни разу отъ него не слышали жалобы на несправедливость или просьбы облегчить его трудъ. Только что его посвятили въ монахи, онъ отпросился въ пустыню. Тутъ онъ велъ созерцательную жизнь, выучился читать и много думалъ надъ каждой прочитанной страницей. На посѣщавшихъ его онъ производилъ странное впечатлѣніе. Точно, говоря съ ними, онъ думалъ о чемъ-то другомъ. «Въ какую-то сокровенность прозиралъ». «Но все-таки остался, несмотря на это, столь вѣренъ своему мужицкому облику, что когда его привезли въ Александро-Невскую лавру для посвященія въ игумены, тамошніе монахи стали острить: «Вотъ привезли валаамскаго медвѣдя».

— Жаль уши малы, а то бы Валаамовой ослицей нарещи бы его можно!

И немного спустя этотъ медвѣдь показалъ себя дѣйствительно медвѣдемъ.

До него въ монастырѣ было слабо. Нестроеніе полное, иноки любили грѣшное курево и еще болѣе водку, супротивничали, и духъ неповиновенія «рожномъ стоялъ» въ обители. Тверской медвѣдь сразу разогналъ всѣхъ заводчиковъ этого безпорядка. Затѣмъ онъ назначилъ человѣкъ тридцать, которыхъ высмотрѣлъ заранѣе изъ уединенія своей Коневской пустыни, на всѣ монастырскіе посты и, опираясь на ихъ содѣйствіе, какъ настоящая сила, сталъ ворочать круто безъ всякихъ постепенностей. Чтобъ держать въ своихъ рукахъ не только внѣшній порядокъ Валаама, но и на души, и на сокровенные помыслы иноковъ наложить узду, — онъ сдѣлался общимъ духовникомъ. Молодое монашество воспитывалъ онъ въ томъ же духѣ. «Всѣхъ насъ выростилъ»,

говорятъ о Дамаскинѣ нынѣшніе столпы Валаама... Въ уединеніи Коневскаго скита онъ провелъ семь лѣтъ, и издали ему еще лучше видѣлись всѣ темныя стороны тогдашней обители. Долго отказывался онъ отъ избранія, но разъ взявъ узду въ свои руки, онъ никогда уже не ослаблялъ и не опускалъ ее. Руки эти были тверды, какъ и воля, владѣвшая ими. Онъ возобновилъ семь скитовъ, выстроилъ каменную обитель, нарылъ вездѣ колодцы, устроилъ множество хозяйственныхъ учрежденій... Вообще монастырь разбогатѣлъ и развился при немъ. Онъ былъ удивительно многосторонень. Еще недавно безграмотный мужикъ, только что власть попала въ его руки, онъ тратится на библіотеку монастыря, поощряетъ литературные труды о. Пимена, издаетъ ихъ, входитъ въ сношенія съ извѣстными учеными по поводу разныхъ сомнительныхъ вопросовъ по исторіи Валаама, самъ составляетъ планы церквей и исполняетъ ихъ, задумываетъ механическія усовершенствованія того или другого производства, и въ этомъ отношеніи спеціалисты только удивляются его ясному и точному уму. Лица, посѣщавшія этого еще недавно кособрюхаго медвѣдя, выходятъ отъ него изумленными массой свѣдѣній и краснорѣчіемъ Дамаскина. «Онъ провидѣлъ сердце каждаго, и нерѣдко жестокіе люди выходили отъ него со слезами на глазахъ». Сумѣлъ изъ враговъ создавать друзей, а изъ друзей дѣлать вѣрныхъ исполнителей своихъ приказаній. Это былъ человѣкъ неустающій... Ему не надо было отдыха и сна... Рядомъ съ этимъ, чужая воля для него была ненавистна. Около себя онъ не терпѣлъ никакой силы. Онъ, не щадя никого, запретилъ инокамъ посѣщать другъ друга... Самъ мужикъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, онъ выше всего цѣнитъ трудъ и дѣлаетъ его обязательнымъ для каждаго. Онъ

выдерживаетъ образованныхъ иноковъ на черной работѣ, чтобы узнать, годны ли они ему, могутъ ли повиноваться безпрекословно. Возмечталъ о себѣ какъ-то инокъ и возмечталъ столь нелѣпо, что даже хотѣлъ разуказиться. По закону слѣдовало исполнить его желаніе. Не такъ дѣлаетъ о. Дамаскинъ. Для него законовъ не было. Поэтому онъ выхлопоталъ повелѣніе — оставить инока въ обители, а за непокорность его изъ монатейныхъ разжаловать въ послушники и сослать въ отдаленный скитъ. Когда читали указъ строптивому монаху, тотъ упалъ какъ подкошенный, а на братію это произвело столь сильное впечатлѣніе, что никто уже не могъ помышлять о возвращеніи въ міръ. Валаамъ, дѣйствительно, сдѣлался могилой, изъ коей выхода не было. Дамаскинъ былъ человѣкъ системы. Вольное подвижничество по лѣсамъ онъ убилъ наповалъ. Нарочно поставилъ семь скитовъ: — кто хочетъ спасаться, иди въ скитъ и спасайся по установленной имъ программѣ. Мнѣ кажется, если бы для дикихъ лѣсныхъ оленей возможно было бы устроить какое-либо подобіе скита, онъ бы и ихъ загналъ туда, потому что рядомъ съ своей свободой ничьей онъ признать не могъ. Это былъ централизаторъ въ самомъ безпощадномъ значеніи этого слова. Желѣзная сила, воля, питавшаяся препятствіями, ясный умъ и пониманіе сердца человѣческаго позволяли ему успѣшно приводить въ исполненіе самые трудные замыслы. Для Божьяго дѣла можно было все. Цѣль оправдывала средства, — и если какая-либо старуха подъ вліяніемъ его поученій оставляла свое имущество обители, обдѣляя родныхъ, то вѣдь симъ же послѣднимъ приносилась тѣмъ самымъ великая польза. Вѣдь богатому труденъ путь въ царствіе небесное, и притча о верблюдѣ и игольномъ ушкѣ тотчасъ же являлась къ услу-

гамъ о. Дамаскина. Что же касается храма, то ему подобаетъ честь и великолѣпіе. Не для роскоши инокамъ доставалъ онъ такимъ образомъ наслѣдства, вклады, пожертвованія. Напротивъ, иноки одѣвались грубо, питались скудно. Страсть къ регламентаціи и ненависть ко всему, что живетъ внѣ программы и системы, заставила его отвадить отъ посѣщеній обители странниковъ и странницъ. Онъ ихъ терпѣть не могъ, какъ и вообще всѣхъ потаскухъ, въ какомъ бы видѣ онѣ къ нему ни приходили. Разъ является къ о. Дамаскину странникъ въ веригахъ. Вѣсили онѣ у него семь фунтовъ.

— Благослови, отецъ святый, сдѣлать мнѣ ихъ въ монастырской кузнѣ въ тридцать фунтовъ. Имѣю усердіе.

— Ступай въ кузню. — А самъ мигнулъ келейнику: «Скажи кузнецу, чтобы пугнулъ».

Является странникъ въ кузню. Кузнецъ ему въ ухо. Странникъ обратно ему наотмашь. Зоветъ его о. Дамаскинъ.

— Иди вонъ, рабъ строптивый. Я пожелалъ испытать тебя. Вотъ были бы вериги, когда бы ты другую щеку подставилъ по завѣту Христову.

Явится бывало странникъ въ желѣзномъ колпакѣ. Онъ сейчасъ этого факира въ хлѣбную къ квашнѣ, тѣсто мѣсить. Поворочается желѣзный колпакъ, поворочается и бѣжитъ вонъ изъ обители.

Строгость его была чрезвычайная, хотя, зная вліяніе ласки, онъ и ее пускалъ въ ходъ.

— Бывало, скорбь какая — къ нему, онъ сейчасъ утѣшитъ. Изъ одной книги цвѣточекъ, изъ другой книги цвѣточекъ, смотришь, и скорби какъ не бывало. Точно туча прошла.

Цвѣточки эти ему ничего не стоили, а вліяніе въ паствѣ поддерживали великое.

Иногда онъ даже умѣлъ быть и снисходительнымъ. О. Никадръ весной приготовлялъ гостиницу для богомольцевъ да послѣ трапезы успулъ. Дѣло было еще впустѣ. Первый пароходъ не приходилъ, а ожидался. Дамаскинъ невзначай нагрянулъ. Видитъ: — Никандръ спитъ, «онъ и давай лазить. Лазилъ, лазилъ, облазилъ всѣ келіи и ушелъ». Дня черезъ четыре Никандръ видитъ его ѣдущимъ мимо.

— Отецъ, поди-ка сюда.

— Благословите.

— На-дняхъ у васъ тамъ одинъ братъ былъ. Ходилъ по всѣмъ номерамъ — пустые были... Двери отворены. Такъ нельзя. Нестроеніе это, отъ него же всякая злая вещь!.. Вѣдь если я къ тебѣ заѣду и увижу, такъ замѣчаніе сдѣлаю.

И это какъ примѣръ необычайной снисходительности разсказываютъ по всей обители.

— А иной разъ ѣздилъ онъ грозно. Насупится, примѣчаетъ все, ну, а потомъ разборка у него идетъ.

Выдѣленіе личности изъ общаго уровня было ему до такой степени враждебно, что на иконахъ, писавшихся въ обители, онъ запрещалъ выставлять имя художника, на книгахъ, сочиненныхъ иноками, печатать фамилію автора. Зато на первыхъ значилось: «трудами Валаамскихъ иноковъ», на второмъ: «по благословенію Валаамскаго настоятеля отца игумена Дамаскина, составлялъ Валаамскій іеромонахъ», а какой — неизвѣстно!

Съ высшими лицами церковной іерархіи Дамаскинъ умѣлъ ладить безъ униженія. Они высоко цѣнили Валаамъ, какъ самый строгій и суровый изъ монастырей. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ.

Проповѣди въ монастырѣ не произносятъ, а читаютъ поученія святыхъ отцовъ. Говорятъ проповѣди только

посѣщающіе обитель митрополиты, что для иноковъ составляетъ рѣдкое и потому большое развлеченіе. Разъ пріѣхалъ сюда извѣстный преосвященный Григорій — хорошій ораторъ. Онъ въ церкви не сказалъ ожидаемаго «слова». За трапезой о. Дамаскинъ обратился къ нему.

— Мы скорбимъ, отче святый.

— О чемъ это?

— Проповѣди твоей не удостоились.

— Здѣсь не надо. Я знаю, гдѣ читать, — не вамъ примѣры указывать, ваши иноки сами могутъ всякому примѣромъ быть.

О. Дамаскинъ любилъ чернорабочихъ монаховъ. Работавшихъ въ смолокурнѣ, въ конюшнѣ, въ поляхъ, онъ ставилъ всѣмъ какъ образецъ. «Запахъ трудового пота былъ для него ароматомъ, мозолистыя руки — добродѣтелью». Изъ «чистой работы», какъ говорятъ въ монастырѣ, о. Дамаскинъ больше всего покровительствовалъ художникамъ. Даже для пріѣзжихъ пейзажистовъ всегда было отдѣльное помѣщеніе въ обители. Онъ окружалъ ихъ всевозможными удобствами. Монастырскіе лошади, экипажи и лодки были къ ихъ услугамъ. Самъ онъ часто бесѣдовалъ съ ними и любилъ приходить любоваться ихъ работой.

Теперь ужъ нѣсколько лѣтъ какъ о. Дамаскинъ разбитъ параличемъ. Это трупъ видящій, слышащій и только. Тѣмъ не менѣе уваженіе къ нему столь велико, что его именемъ управляется обитель и никого на мѣсто его не назначатъ иначе, какъ послѣ его смерти.

— Барыни впрочемъ и теперь находятъ его прозорливымъ. Благодѣтельницы и «сугубыя» особы допускаются къ нему. Иногда онъ промычитъ что-нибудь, головой кивнетъ, пальцами пошевелитъ, — это пріемлется

за предсказаніе, — и довольная богомолица всѣмъ разсказываетъ:

— Удостоена бесѣды была... Ужъ такъ сладко, такъ сладко! Такую духорадость далъ мнѣ отецъ игуменъ, такъ онъ меня утѣшилъ, сказать не могу!

О. Дамаскина называютъ Аракчеевымъ въ рясѣ. Мнѣ кажется, это не вѣрно. Онъ гораздо умнѣе Аракчеева. Это скорѣй маленькій Петръ Великій, сумѣвшій свои разностороннія способности приложить къ дѣлу на небольшомъ пространствѣ острововъ Валаамскихъ. Во всякомъ случаѣ, личность настолько крупная и оригинальная, что мой набросокъ даетъ о ней только слабое понятіе. Точной его біографіи и характеристики можно ожидать лишь впослѣдствіи, и то не отъ монаха.

XV.

Большой скитъ Всѣхъ Святыхъ.

Лѣсъ по обѣ стороны скитскаго залива. Безвѣтріе совсѣмъ. Въ водѣ играетъ рыба, звонъ отъ всякой мелкой мошки стоитъ въ воздухѣ. На рѣдкихъ поляпахъ, гдѣ лѣсъ точно отходитъ отъ берега — стога сѣна. Травы вообще снимается здѣсь много.

— Намъ преподобные помогаютъ. Столько мы сѣна сбираемъ, что даже береговымъ даемъ, которые побѣднѣе.

— Эко день сегодня.

— Тёплынь... Благодать... Ишь небеса, истинно повѣдаютъ славу Божію.

— Жаль только, что здѣсь монастырь, — замѣтилъ мой спутникъ.

— А вы иноческое званіе отметаете? Это вы неосно-

вательно! Златоуста читали? — вступился о. Эльпидифоръ.

— Не случалось, — такъ, отрывками.

— Ну, вотъ, видите сами. По невѣжеству своему судите. А онъ вотъ что сказалъ: Приди же и учись у монаховъ, это свѣтильники, сіяющіе по всей землѣ. А у Луки: — слушаяй васъ, Мене слушаетъ! О комъ это? Отметать легко, а вы бы помыслили, почему мы отъ прелести земной и всяческой суеты отрицаемся. Для ради спасенія душъ вашихъ. Вы согрѣшаете, а мы за васъ молимся. Вотъ въ большомъ скитѣ отца Григорія увидите. Младъ и не вкушалъ еще отъ соблазна житейскаго, а какую въ себѣ ярость къ монашеству чувствуетъ. Истинно инокъ непстовый! Теперь, говорятъ — монашество блага преумножаетъ. Да для кого это? Намъ не надо. У насъ все тѣ же ряски убогія и трапеза скудная... А ежели что — мы и сосѣдямъ помогаемъ. Хлѣбъ даемъ, шубы, сапоги даемъ, кафтанчики, кирпича на постройку, лучины для крышъ. А лучину эту щеплютъ монахи вѣдь... не даровое...

Здѣсь крыши кроютъ лучиною, которая оказывается прочнѣе и лучше досокъ.

Въ вершинѣ залива яркій зеленый лужокъ. Домикъ тутъ у пристани для дровосѣковъ и лѣсопильщиковъ. Мы вышли изъ лодки. За четверть версты отъ скита изящная часовня. Иконостасъ въ ней изъ чернаго гранита, отполированнаго и отдѣланнаго въ самой обители руками монаховъ. Въ общемъ и въ деталяхъ удивительно красиво. Женщинамъ запрещенъ входъ во всѣ скиты, но въ день Всѣхъ Святыхъ онѣ могутъ притекать сюда, только до этой часовни. Дальше ни шагу. Отсюда видны имъ ворота скита, его красныя кирпичныя стѣны и круглыя башни... Пожалуй еще мелькнетъ сквозь рѣшетку

воротъ изможденное лицо одного изъ отшельниковъ, да и то оглянется на нихъ съ ненавистью и отвращеніемъ.

Скитъ по величинѣ равняется небольшому монастырю. Посреди четвероугольника, окаймленнаго стѣною, красивая каменная церковь. Къ стѣнамъ прислонились восемь домиковъ, изъ камня тоже. Тутъ кельи, трапеза и кладовыя. Домики смотрятъ весело, много зелени скрашиваетъ прямолинейность построекъ... Братіи живетъ всего восемь человѣкъ.

— Вотъ тутъ есть свѣтильникъ! Истинно святой отшельникъ — изъ болгаръ.

— Кто такой?

— Антипа... Онъ одинъ чего стоитъ. Нынѣ ужъ безмолвствовать сталъ. Ни къ кому не выходитъ и окно у себя держитъ всегда на затворѣ. Не видать вовсе. Черезъ дверь послушникъ подаетъ ему что надо, и опять его три дня не видно. Ѣстъ онъ два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ. Его хотѣли было показывать, да старецъ воспротивился... Такъ и сидитъ въ затворѣ. Прежде онъ на Аѳонѣ былъ, — не по душѣ ему стало тамъ. Суеты много и пререканій, ну и уставъ не столь строгимъ показался ему. Онъ и пошелъ гулять. Мѣстовъ пскалъ. До Москвы добрался — пріютила его у себя купчиха одна. Малое оконце и келія малая была у него въ подвалѣ. Онъ и говоритъ: я затворюсь — молиться стану, а вы меня не тревожьте... Затворился. День, другой, третій — на четвертый всполошились всѣ, не случилось ли чего со старцемъ. На пятый силой отворили дверь, а онъ лежитъ передъ иконой, распростерся ницъ. Вдохновеніе на него нашло духовное. Безъ пищи и питія пребылъ. Ну, благочестивая купчиха испугалась, — какъ бы не вышло чего, просить его уйти. Оно, положимъ, Богъ, но вѣдь и полиція тоже! Ушелъ. Къ намъ

тутъ явился. Отецъ Никандръ ему въ гостиницѣ номеръ отвелъ. Опять затворился, да четыре дня снова безъ пищи и безъ питія. Тутъ его отецъ Дамаскинъ призвалъ. Ты что, говоритъ, братію соблазняешь? Если хочешь спасаться, ступай въ скитъ. Онъ и пошелъ. И вѣдь какой старецъ утѣшительный! Пріѣзжаютъ богатые благодѣтели изъ Москвы. Знаютъ его. Зовутъ. Онъ къ нимъ приходитъ и все у нихъ ѣстъ и пьетъ, хоть и съ сокрушеніемъ, а все!.. Чтобы не возомнили о немъ, какъ о сосудѣ съ гордыней сатанинской. А теперь смолкъ и не говоритъ уже ни слова. Отъ людей уходитъ. Съ Господомъ и наединѣ все!

— Да вѣдь ѣсть-то надо же?

— Ему положено три тысячи поклоновъ въ день, двѣ тысячи поясныхъ и тысячу земныхъ. Да сверхъ того онъ долженъ прочитать сколько параклисовъ, каноновъ, акафистовъ. Если бы онъ ѣлъ, ему бы никогда не исполнить этого послушанія. Оттого и не ѣстъ. Ему и думать некогда.

— Такъ значитъ, намъ отца Антипу и не удастся видѣть?

— Нѣтъ! Блаженный старецъ сегодня не покажется намъ. Затворился!

Строителемъ здѣсь отецъ Георгій. Уставъ скита строгъ. Псалтырь читается день и ночь. Каждый изъ братіи по очереди читаетъ два часа днемъ и два часа ночью. Скитъ почти все самъ на себя производитъ. Монастырь даетъ ему только хлѣбъ. Такимъ образомъ, братіи и здѣсь не приходится вести жизнь созерцательную, а, напротивъ, работать въ потѣ лица своего. О. Георгій былъ долгое время «на Іоаннѣ Предтечѣ». Тотъ скитъ, отдаленный, съ безмолвниками и скудостію, былъ ему болѣе по душѣ.

— Ахъ, какъ бы опять хотѣлось туда! — вздыхаетъ онъ. — Хоть послушникомъ...

Заговорилъ я о томъ, какъ такіе молодые люди могутъ уходить въ скиты.

— Молодымъ очень полезно. Въ обители не спасешься. А тутъ они и не видятъ, и не слышатъ, и на сердце не приходитъ.

Тонъ у него грустный, очи долу. По худому лицу какія-то страданія, оставивъ слѣдъ въ его тихой улыбкѣ и въ этомъ задумчивомъ взглядѣ печальныхъ глазъ. Говоритъ онъ едва слышно, медленно, какъ бы думая, стоитъ ли говорить.

— Читаете ли здѣсь что?

— Духовныхъ книгъ сколько угодно... Времени нѣтъ.

Газеты запрещены. Журналы и вообще періодическія изданія доступны только «начальству» обители. Монаху не подобаетъ, да и работѣ оно мѣшаетъ. Къ старому тянуть начнетъ, если не совсѣмъ въ сердцѣ умерло.

Вглядываясь въ этого монаха, я думалъ: нѣтъ, старое совсѣмъ умереть не можетъ. Недаромъ человѣкъ бѣжитъ изъ обители въ скиты, «чтобы на сердце не приходило». Пока закостенѣешь, сколько муки самой лютой примешь на себя. И хорошо, что не умираетъ старое. Хоть грусть о немъ да связываетъ человѣка съ жизнью, не вовсе дѣлаетъ его аскетомъ, трупомъ!

Я вошелъ на колокольню церкви. Видъ отсюда красоты изумительной. Цѣлое море лѣса кругомъ... Шумятъ внизу его вершины. Точно плывешь надъ какими-то зелеными облаками. И не одинъ плывешь. Вонъ за нѣсколько верстъ бѣлый весь Валаамъ тоже плыветъ и тоже охваченный отовсюду зелеными облаками. Солнце ударило въ него. Весь засіялъ Валаамъ... Засвѣтился гдѣ-то далеко и золотой куполъ заброшеннаго въ лѣсное царство скита... Хорошо дышится... Какъ бы и жилось хорошо, если бы...

— И на природу соблазняться грѣшно! — слышится позади печальный голосъ.

— Какъ? Да вѣдь это твореніе Божіе...

— Небомъ любоваться еще можно. Устреми въ него око твое и ищи знаменія, тамъ ангелы! А эти лѣса да горы на землю тянутъ... Мірскимъ вѣютъ. Какъ туманъ, отъ нихъ грѣховные помыслы идутъ. Особливо весной, какъ зацвѣтетъ да запахнетъ... Голову кружитъ — слова молитвы на языкѣ останавливаются... Одно спасеніе — въ церковь и ницъ. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй! Сказываютъ, далеко земли такія есть — море да камень. Зима десять мѣсяцевъ. Никакой травки... Лишай одинъ по камню да мохъ гдѣ-нибудь въ низинѣ. Небо тоже грозное тамъ — все въ тучахъ. Вотъ бы гдѣ обитель устроить. Гдѣ бы спасаться! Хорошо!

Колодезь и здѣсь обшитый тесанымъ гранитомъ. Выбуренъ порохомъ въ камнѣ. Вода стоитъ «какъ въ кадкѣ». Колодцы всѣ вырылъ и устроилъ о. Дамаскинъ... Онъ же и дерева насадилъ... Кленъ передъ кельей строителя — точно круглое облако. Садъ тщательно содержится. Прибранъ весь. Тутъ «голая луда» была, земли навезли и развели «кущу». Подъ деревьями рас-

чищено такъ, что упавшій съ вѣтви листокъ и тотъ уносится.

— Въ свободное время надъ садомъ больше работаемъ. Знаемъ, что игуменъ любитъ его, ну, такъ почитаючи его. Недавно пріѣхалъ сюда отецъ Дамаскинъ. Немощный уже. Ни рукой, ни ногой. Посмотрѣлъ на древа свои. Сказать ничего не можетъ, только слеза у него катится. Истинно премудрый старецъ былъ.

— Ну и Господь благословилъ его начинанія!

— Силу ему далъ, да творитъ во славу Его.

Въ кельѣ строителя портреты старцевъ, почему-либо прославившихся въ этомъ скитѣ. Одинъ изъ нихъ, о. Афанасій, отличался чисто монашескими добродѣтелями; ненавидѣлъ людей, прятался отъ нихъ въ дебри лѣсныя, не принималъ посѣтителей, жилъ одинъ. Вѣки надвинулись на глаза, холодный взглядъ, жесткое лицо, сумрачное, ничего не обѣщающее. Былъ онъ тульскимъ оружейникомъ и постригся въ монашество въ 1821 году. Пройдя степени келаря, очереднаго чтеца въ скиту, ушелъ въ пустыню, гдѣ и провелъ въ уединеніи полномъ двадцать долгихъ лѣтъ. Даже иноковъ онъ не принималъ въ свой срубъ. Когда ему говорили, что мірскому богомольцу бесѣда его принесла бы утѣшеніе, отшельникъ съ чисто монашескимъ эгоизмомъ отвѣчалъ:

— Я за нихъ Богу отвѣта не дамъ, а за себя непремѣнно истязанъ буду!

Пробовали его пронимать воспоминаніями дѣтства. Одинъ инокъ сталъ ему разсказывать о его родинѣ, Тулѣ, какія тамъ нынѣ широкія улицы, постройки прекрасныя и т. д.

— Братъ, скажи лучше, много ли понадобится досокъ для моего гроба, и великъ ли холмъ земли подымется надъ моимъ прахомъ?

По поводу его кончины даже видѣнія были. Схимонаху Михаилу почудилось, что въ церкви собралось многое множество духовныхъ чудной красоты и въ дивныхъ свѣтлыхъ ризахъ. Они лобызали другъ друга и кланялись одному старцу, носившему на себѣ, на плечѣ, красную ленту съ бѣлыми цвѣтами. Когда же на другой день схимонахъ Михаилъ подошелъ проститься къ новопреставленному, то почувствовалъ во всемъ существѣ своемъ «неизъяснимую перемѣну» и лобызалъ мертвеца «со сладостію». А то вотъ еще типъ монаха — Антоній изъ вольно-отпущенныхъ. Онъ провелъ въ пустынномъ уединеніи тридцать лѣтъ. Потомъ игуменъ Варлаамъ перевелъ его въ обитель. Тутъ онъ все время отказывался отъ мантіи и ходилъ въ крашенинномъ подрясникѣ въ заплатахъ — за то, что оставилъ «многолюбезную пустыню». За трапезой, сидя въ отдаленіи одинъ, онъ всѣ кушанья смѣшивалъ въ одно общее мѣсиво и пожиралъ его, «лишая себя услажденія пищей». Еще рясофорный монахъ Ѳедоръ Косенковъ. Этотъ былъ секретаремъ при курскомъ губернаторѣ Веревкинѣ. Онъ вообще говорилъ слова въ «простотѣ сердца». За одно изъ такихъ Косенкова посадили въ холодную, гдѣ его стали ѣсть крысы. Испуганный, онъ далъ обѣтъ постричься на Валаамѣ. Такъ и сдѣлалъ. Въ обители онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что никогда и никто на немъ улыбки не видалъ. «Постоянно, бывало, вздыхаетъ» . . . Схимникъ Ѳеоктистъ былъ иного закала. Онъ никогда не омывался, почему тѣло его было въ язвахъ и распухшее. Ни язвы, ни недуговъ никогда не лѣчилъ и о нихъ никому не говорилъ. Также и Серафимъ тѣла своего не обмывалъ. Вслѣдствіе этого отъ плечъ и до пояса со спины его сошла вся кожа. Силой накладывали на его раны живительный пластырь, но, оставаясь одинъ, схимникъ сдиралъ его. Вся келья его

была пропитана тяжелымъ запахомъ, но когда онъ умеръ, и келья, и тѣло его «источали благоуханіе, а язвы его ранъ благолѣпно покрыла тонкая кожица». Еще интереснѣе, хотя и въ томъ же родѣ, былъ о. Михаилъ. Онъ былъ въ Соловкахъ, любилъ уединенную жизнь, много лѣтъ провелъ въ пустынѣ, истязая себя жестоко, носилъ ветхое рубище, пищу употреблялъ суровую; когда она загнивала и покрывалась плѣсенью, схимонахъ говаривалъ:

— Ничего, что попортилась, все равно, исполняетъ тѣлесную нужду!

Этотъ тоже, перейдя на Валаамъ, келью занялъ крошечную, никогда не позволялъ ее мыть и самъ не мылся. Духота у него была нестерпимая.

А то вотъ еще монахъ — Христа-ради юродивый Антонъ Ивановичъ. Этотъ такъ и являлся зимой и лѣтомъ въ одномъ рубищѣ. Принималъ все, что ему давали. Ѣлъ всякую гадость.

— Свиньѣ все годится, я съѣмъ! — говорилъ онъ.

Іеромонахъ Никонъ, тотъ славился тѣмъ, что много лѣтъ подвизался въ пещерѣ, которую самъ вырылъ. Тамъ съ инокомъ поселились ужи, и онъ вмѣстѣ съ ними пребывалъ въ вѣчной темнотѣ, неозаряемой ни солнцемъ, ни луною.

Когда мы плыли изъ большого скита — направо выростали громадныя, сѣрыя скалы. Мохъ по нимъ цѣпляется до самой воды. Деревья едва держатся въ трещинахъ. Осока книзу густая, обильная. Монастырю и она нужна. Какъ ледъ окрѣпнетъ, она надъ нимъ и остается. Ее косятъ на подстилку скоту. Уловы тутъ бываютъ большіе. Пуда по полтора заразъ попадаетъ въ неводъ, а то изрѣдка и по десяти пудовъ выволакиваютъ разной рыбы.

— Какъ богоносцы наши повелятъ, столько и рыбки попадетъ!..

Заливъ едва вздымался... Точно онъ дышалъ полною грудью, но медленно, ровно, спокойно.

Отсюда опять каналъ. Его порохомъ вырвали въ сплошномъ гранитѣ, который приходилось бурить подъ водой. Наверху набросили мостикъ для проѣзжей дороги. Теченіе тутъ сильное и оно быстро вынесло насъ къ обители...

— Ну, что, видѣли? — встрѣтилъ меня отецъ Никандръ.

— Видѣлъ!

— И удивлялись, поди? Сколько вы земель объѣхали, но Валаамъ — въ лучшемъ видѣ!.. Схимниковъ нашихъ встрѣли? Красота духовная. И всѣ отъ разныхъ странъ и народовъ... Иной разъ самъ человѣкъ не знаетъ, что его въ схиму обратитъ. Въ одномъ монастырѣ было: нѣкій легкомысленникъ просфоры съ образа у тетки укралъ, а Господь его за это въ схиму привелъ.

XVI.

Монахъ тоскующій.

Дорога — лѣсомъ.

Солнце, сухой стрекотъ кузнечиковъ. Монастырскіе *овсы остались позади* — густые, дородные. Кругомъ по *Ладогѣ неурожай, а тутъ точно невидимая сила помогаетъ, всего же вѣрнѣе* — обиліе лѣсовъ и горы, закрывающія *поля отъ непогоды.*

Иду одинъ, куда глаза глядятъ; топь встрѣтилась — топью. Лягушечья мелочь въ травѣ прыгаетъ чуть не

изъ-подъ самыхъ ногъ въ стороны. Черный дроздъ вверху поетъ свою заунывную пѣсню. Невольно останавливаешься, чтобы не пропустить этихъ грустныхъ-грустныхъ тоновъ, совершенно подстать сумрачному сѣверному лѣсу. Вотъ — мелководное озеро, осокой по краямъ поросло. Утки полощатся. Солнце въ немъ горитъ тысячами яркихъ бликовъ. Смолкъ и дроздъ; тишина совсѣмъ, только листва шумитъ, да и то временами, точно кто вздыхаетъ въ чащѣ. О чемъ? .. Прелестный уголокъ этотъ «зимниками» называется. Вонъ узенькій мысокъ и выходъ въ море. На самомъ носу у мыска дерево поднялось — кудрявое, веселое, все къ свѣту, точно пронизано имъ. Вонъ другой мысокъ; рощица на немъ тоже подъ солнцемъ млѣетъ. Сквозь нее небо видно.

Что за прелестная пустыня! И главное — ни одной черной рясы подлѣ . . . Улеглось старое горе, точно его и не было никогда. Точно еще вчера, въ безсонную ночь, не томило оно на жесткой постели въ кельѣ, гдѣ самые своды будто давятъ и гнетутъ живую душу. «Коли бы горя не было, Бога бы не было», говорятъ монахи. «Зачѣмъ тогда Богъ? . .» Вонъ стрекоза проплыла мимо въ тепломъ воздухѣ. Сквозныя крылья ея блещутъ на солнцѣ. У нея горя нѣтъ до зимы, а зима — смерть. Хорошо, когда за горемъ смерть идетъ, если вмѣстѣ они. Легко тогда . . . Какъ прилибетъ, такъ и заснешь, а во снѣ всякая скорбь сносна . . . Проснешься ли только? Да и къ чему просыпаться? Не стоитъ . . .

Прошлогодній листъ хруститъ подъ ногами. Гдѣ-то утка разоралась громко, громко . . . Ей такой же отвѣтъ изъ другой заводи . . . Разговоръ пошелъ. Это мѣсто сухое выдалось — мягкое, мохъ пушистый выстлалъ его. Сверху клены раскинулись и протянули вѣтви надъ этою пустынькой . . . А солнце все-таки со стороны бьетъ въ

нее. Улегся я — мягко, сухо, чудесно... Кто-то сталъ между солнцемъ и мною. Когда я открылъ глаза, — высокая, худая фигура. Мертвенное, страшно блѣдное лицо, некрасивое, только глаза на меня чуть не пламенемъ пышутъ; подошелъ поближе — несомнѣнно молодой человѣкъ, а какія морщины на немъ.

— Здравствуйте!

Низко, низко поклонился. Хотѣлъ было мимо пройти, да что-то въ памяти мелькнуло.

— Вы NN? — назвалъ онъ меня.

— Я...

— А меня не узнаете? Всмотритесь... Перемѣнился?

Сколько грусти въ этомъ молодомъ голосѣ...

— Не ошибаетесь ли вы?.. Положительно не помню!

— О—въ!

Я вскочилъ, — такъ было это неожиданно. Встрѣтить товарища дѣтскихъ игръ — и гдѣ же? — На Валаамѣ!

— Давно слышалъ, что ты... вы здѣсь!

— Пожалуйста, другъ, по-старому!

— Эхъ, старое, старое!.. Коли бы вернуть его. Помнишь ли ночи, когда мы, бывало, по набережнымъ шлялись до утра? Луна свѣтила намъ, ясная... И жизнь была ясная... Мечты о счастіи общемъ, о подвигахъ. о великодушіи, и въ концѣ концовъ — жертва за всѣхъ, крестная смерть... Какія сновидѣнія!.. Гдѣ они? Куда ушли?.. Какой вѣтеръ ихъ снесъ? Еще ты работаешь, знаютъ тебя... А я... видишь? — показалъ онъ на черный клобукъ.

— Скажи, какъ ты попалъ сюда?

— Что спрашивать... Не все ли равно? Много подъ рясой схоронено... Не слѣдуетъ вырывать мертвецовъ!

— Измѣнился... Похудѣлъ... Сѣдой совсѣмъ...

— Да... Это въ послѣднія шесть лѣтъ... Не все снами да грезами длилось... Какъ листья осенью, облетѣлъ. Пнями голыми стали мы. Снѣгъ кругомъ, холодъ... Небо въ тучахъ... Тучи и въ сердцѣ, безразсвѣтныя...

— Ты попрежнему поэтъ?

— Нѣтъ, это тебя увидѣлъ. Сегодня я послушаніе свое рано кончилъ, вотъ и хожу!

— Что жъ ты раньше ко мнѣ?

— Въ келью-то? А порядки наши? — Поди, спросись... А спросишься, еще благословятъ ли... И въ гостинницѣ то и дѣло братія бы сновала. Что, да какъ? Пробовалъ ли ты сажать, ну, хоть стрекозу вотъ эту въ муравейникъ?

— Нѣтъ! — удивился я.

— А судьба сажаетъ. Ей, стрекозѣ, солнца, воздуха надо, а тамъ — темень. Работа тамъ идетъ подземная... Всѣ работаютъ... А зачѣмъ — никто не знаетъ. И крылья остались, да летѣть некуда!

Сѣлъ около меня, охватилъ колѣна руками и задумался.

— Помнишь, мы разъ съ тобой на Николаевскомъ мосту стояли? Вечеръ былъ сумрачный, темный, рѣка точно свинцовая струилась подъ арки... Я и говорю тебѣ: коли бы мы знали свое будущее, такъ, можетъ быть, оба — черезъ перила туда, на дно. У тебя тоже съ той поры было много... И падалъ, и подымался... Я знаю, слышалъ, да ты выстоялъ, — боевая натура. А вотъ я— нѣтъ. Не хватило силы, тишины захотѣлъ; а гдѣ тишина, какъ не на Валаамѣ? И въ муравейникѣ тихо... Ты знаешь, я женатъ! То есть, былъ...

— Овдовѣлъ?

— Нѣтъ, она жива!

— Изъ-за нея? .. — не докончилъ я.

— Да... нѣтъ... Другому бы прошло, а меня сломило!

— Гдѣ она?

— Въ Петербургѣ. Тоже мученица... Знаешь, ужъ не люблю я ее, а такъ мнѣ ее жаль, такъ безкопечно жаль... Загубила она и себя и меня загубила... Ахъ.

Сѣлъ около меня, охватилъ колѣна руками и задумался. (Стр. 119.)

натура какая была!.. Чистая, честная... Безъ удержу на все!

— А виноватъ кто — она?

— Кто?.. — монахъ потупился. Слезы стали въ глазахъ. — Я виноватъ... я одинъ... Ее не хочу мыслью даже обвинить, не токмо словомъ, Богъ съ ней!

— Какъ же случилось это? — взялъ я его за руку.

— Случилось?.. А вотъ... Ты знаешь, увлекался я всегда. Такая ужъ натура. Во Франціи меня бы на баррикадахъ убили. въ Италіи подъ ножомъ бы умеръ.

Ну, а у насъ ни баррикадъ, ни ножей, зато вотъ такія могилы для живыхъ есть! — махнулъ онъ головою по направленію къ монастырю.

Оттуда въ это время зазвонили, и тягучіе удары колокола всколыхнули на минуту торжественное молчаніе этого зеленаго царства.

— Да, вотъ такія живыя могилы. Увлекался я, ты знаешь, часто, много. Узды на себѣ не чувствовалъ... Свободой дорожилъ... Ну, она все видѣла, все знала!

— Жена?

— Да. Томилась, терпѣла, таяла... таяла... Цѣлыя ночи навзрыдъ плакала. — потомъ ужъ я все это дознался, — да вдругъ и сломала. Я сюда вотъ... въ живую могилу... А какая душа была!.. Какая душа — чистая, святая, свѣтлая! Какъ сквозь стеклышко вся насквозь видна была!

— Неужели спасти нельзя было, увезти?..

— Пробовалъ. Куда увезешь, когда недугъ въ ней самой, куда?.. Всюду его за собой таскаетъ... Разъ, наконецъ, ушла и годъ пропадала. Эхъ! Гдѣ, братъ, тѣ ночи свѣтлыя, тѣ грезы молодыя?.. Жизнь-то, жизнь какая мерещилась! А теперь я что? — Вонъ прошлогодній листъ на грязной дорогѣ, подъ ногами у всѣхъ... затоптанный... А знаешь, и теперь ночи бываютъ... Ахъ, какія страшныя ночи... Дѣти мои, дѣти!

Слова утѣшенія показались бы пошлыми въ виду такого горя. Я молчалъ.

— Знаешь, я думалъ, здѣсь трудъ свыше мѣры, — утомленіемъ убить, работой. Не убилъ горя... Измаешься, устанешь, уйдешь въ келью, смертный сонъ моритъ. Ляжешь, заснешь... А черезъ часъ вдругъ точно что въ сердце толкнетъ. Встанешь — и дышать нечѣмъ, воздуха точно нѣтъ. Грудь въ тискахъ... Го-

лова тяжела, тяжела... Душитъ всего... А въ глазахъ длинная улица. Дождь сѣчетъ, подъ дождемъ она бѣжитъ пьяная, грязная. Бьютъ ее — и все это по больной душѣ. Душа у нея больнѣй моей. Думаю, бѣжитъ она теперь и разоренное гнѣздо вспоминаетъ, дѣтей отнятыхъ... Вскочишь съ койки, какъ бѣшеный. Нѣтъ мочи, грудь сжимаетъ... Заплакать бы — слезъ нѣтъ. Во дворъ уйдешь — темень. Сказать некому... Можешь ли ты понять это — сказать некому!.. Ни одной души! Услышать слова не отъ кого. Ахъ, другъ мой, другъ мой! Къ духовникамъ кидался. Да развѣ это люди, развѣ люди? «Таковую мать и жалѣть нечего», говорятъ. «Какая она мать, если единородныхъ чадъ бросила? И грѣха на тебѣ нѣтъ», утѣшаютъ. Да развѣ я о грѣхѣ, да развѣ я грѣха боюсь?.. Будущаго искупленія? Мнѣ ее жаль, — не понимаютъ они, — ее одну жаль!..

— Ты не долженъ былъ уходить въ монастырь... Этимъ не спасешь ни себя, ни ее.

— Знаю, знаю... Поздно! Мнѣ иногда кажется, я бы лучше сдѣлалъ, если бъ убилъ ее и самъ на каторгу ушелъ... И ей бы легче и мнѣ!

— Ты правъ! — согласился я, оцѣпивъ весь этотъ ужасъ.

— Лучше было бы, лучше... Прощай! — порывисто всталъ онъ. — Прощай!

— Куда ты?

— Ахъ, опять душитъ... Уйду въ лѣсъ... Прощай!.. Ночи мнѣ страшны, ночи... Прощай!.

— Увидимся?

— Нѣтъ, зачѣмъ .. Прощай!.. — уже донеслось до меня издали, и черная длинная фигура совсѣмъ пропала изъ глазъ...

Наконецъ, и въ этой общинѣ упорныхъ рабочихъ и

крестьянъ-монаховъ нашелся хотя одинъ тоскующій инокъ. Съ его появленіемъ вся эта обитель уже явилась передо мною въ иномъ свѣтѣ. Уже не было такъ противно самодовольствіе примиренныхъ черноризцевъ. Точно вдохнули сюда душу живую.

XVII.

Въ монастырскихъ садахъ. — Отецъ Никаноръ-садовникъ.

«Да, полно, на сѣверѣ ли я?» — думалось мнѣ, когда я осматривалъ валаамскіе сады. Одинъ изъ нихъ подъ монастыремъ. Длинная аллея яблонь ведетъ въ него, вся опушенная бѣлыми цвѣтами, благоухающая.

— Это у насъ бѣлый наливъ. Онъ всегда дозрѣваетъ, а остальные сорты, случается, хоть и рѣдко, не выходятъ... А бѣлаго налива мы страсть сколько собираемъ! Здѣсь еще что, а вотъ въ другомъ саду, повыше, истинное изобиліе плодовъ земныхъ! Тамъ у насъ куда лучше... Тѣмъ садомъ чудесно верховодитъ отецъ Никаноръ. Онъ прежде въ Гатчинѣ былъ аптекаремъ. Я у него здѣсь и учился садоводству этому.

Объяснялъ мнѣ все это о. Степанъ, красивый монахъ изъ корелъ, молодой еще, строго слѣдящій за тѣмъ, чтобы мальчики-трудники не воровали у него ягоды.

— Бѣда! Чуть не усмотришь, въ какомъ-нибудь кустѣ ужъ копошатся!

Бесѣдка, густо заросшая акаціями, манитъ въ свою прохладу и тѣнь. Отъ сегодняшней жары настоящее спасеніе. Нѣсколько лѣтъ назадъ здѣсь былъ крутой спускъ и только. Мѣсто это понравилось іеромонаху Гавріилу, изъ богатыхъ купцовъ.

— Благослови саду тутъ быть! — обратился онъ къ о. Дамаскину.

— На свой счетъ станешь разводить?

— Для обители отчего не потрудиться!

Сдѣлали площадку, навезли сюда плодоносной земли и, при помощи дарового труда братіи, въ самое короткое время разбили прекрасный садъ. Первое время онъ давалъ девятьсотъ четвериковъ яблоковъ, а теперь только сто, — недородъ нонѣ.

— Мы и братію сюда не пускаемъ. Строго... И безъ того все изъ сада въ трапезу братскую идетъ. Плоды поспѣютъ — плоды. изъ ягодъ тоже. Себѣ ничего не утаиваемъ!

Другой садъ верхъ роскоши. Я приглашаю любителей садоводства съѣздить на Валаамъ, благо недалеко. Регелевскіе въ Петербургѣ не выдерживаютъ сравненія съ этимъ. Онъ находится подъ управленіемъ о. Никанора, серьезнаго и умнаго монаха, глубоко изучившаго это дѣло. Помимо свѣдѣній, онъ страстно любитъ природу и воспитываетъ ее у себя съ такою нѣжностью и вниманіемъ, съ какою могла бы воспитывать только мать своего ребенка. Онъ очень сумраченъ, когда говоритъ съ вами, молчаливъ; но нужно видѣть, что выражается въ его лицѣ, въ его глазахъ, когда онъ смотритъ на чудеса, созданныя имъ здѣсь, — разумѣется, чудеса для сѣвера. На одномъ деревѣ, напримѣръ, привито девять сортовъ яблоковъ разныхъ цвѣтовъ и величины. — одни маленькіе, другіе въ полуфунтъ вѣсомъ.

— Какъ поспѣютъ, иллюминація какая! — гладитъ онъ, проходя мимо, это деревцо. — Одно сквозитъ, а другое словно налито густо-густо... Еще привью... Пусть только яблонька пуще въ силу войдетъ...

— Вотъ она! И деревомъ вѣдь назвать нельзя, — такъ, кустикъ маленькій!

— Это — вишня?

— Шпанка... Прошлымъ лѣтомъ здѣсь отъ засухи осыпались плоды!

Тутъ же небольшой прудъ. На немъ плаваютъ лебеди.

— Откуда вы ихъ добыли?

— Дикіе были. Позднею осенью летѣли, отъ стада отбились. Подняли мы ихъ больными, — отморозили, должно быть, лапы, — ну, отходили ихъ и приручили. Теперь у насъ живутъ, а на зиму мы ихъ въ сарай прячемъ!

Отецъ Никаноръ замѣняетъ въ обители и врача. Впрочемъ, для всѣхъ окрестныхъ мѣстъ онъ единственный цѣлитель. Отъ одной глазной болѣзни къ нему ходятъ лѣчиться человѣкъ пятьсотъ въ годъ и еще болѣе — отъ чесотки; случается — и отъ зубной боли. Всего монастырь за свой счетъ пользуетъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ.

— Былъ страшно тяжелый годъ — 1868-й; тогда къ намъ въ обитель до пяти тысячъ больныхъ явилось!

— Администрація тогда доносила, что голода нѣтъ, а только одни пустые слухи!

— Какое слухи! Да тутъ по Приладожью отъ голода до пятидесяти тысячъ человѣкъ примерло! Допоси, пожалуй, что хочешь... Имъ легко! Голодъ, не голодъ — жалованье свое получаютъ!

Роскошная папоротниколистая липа шумѣла надъ нами... Вѣтра не было, зато въ ея золотистой чащѣ гудѣли тысячи пчелъ.

— Это дикія все къ намъ пожаловали. Тоже обителью питаются Божьи работнички!

— Имъ эта липа — что гостиница, только что денегъ не берутъ!

— Страннопріимница!

— Веселое дерево . . . Пной разъ задумаешься внизу, а пчелы гудятъ надъ тобою, точно лѣсъ вдали шумитъ, либо волны по взморью ходятъ.

— Жалятъ?

— Нѣтъ, насъ не жалятъ. Примѣру не было... Она, пчела эта, страсть табаку не любитъ... Ежели бы кто табакомъ занимался, — ну, тогда . . . Только у насъ некому!

— И тайкомъ не курятъ?

— Какъ знать, что въ сокровенности совершается. А только, я такъ полагаю, не малодушествуютъ вовсе. Какая отъ него, отъ табаку этого, польза? Грудь сушитъ, ну... и въ мысляхъ какъ бы затменіе! — пояснилъ о. Алимпій, выходя со мной изъ этого прекраснаго монашескаго «вертограда».

XVIII.

Ссыльные.

Тутъ на смпреніи бывали и интересные люди.

Вотъ, напримѣръ, протоіерей Левашовъ. Онъ попалъ сюда за то, что покойному императору Николаю Павловичу написалъ «отеческое увѣщаніе» въ защиту крестьянъ противу откуповъ. Сначала думали, не сумасшедшій ли онъ, потомъ привезли его сюда. Здѣсь онъ оказался старцемъ прозорливымъ и мудрымъ. Притекавшихъ къ нему богомольцевъ сладкими словесы утѣшалъ несказанно. Съ монахами онъ сходился не особенно

При первой возможности Левашовъ оставилъ Валаамъ и перебрался въ Глинскую пустынь, гдѣ и умеръ схимникомъ Парѳеніемъ.

Объ этой интересной личности я довольно настойчиво собиралъ свѣдѣнія, но не добился ничего, у кого ни спрашивалъ.

— Знали Левашова?

— Зналъ. Тутъ онъ въ скитѣ Всѣхъ Святыхъ у насъ былъ!

— Разскажите!

— Не подлежитъ!

— Да почему же не подлежитъ? Сколько времени прошло?

— По политической прикосновенности, какъ же...

А потомъ просто рукой отмахивались.

Старцы валаамскіе не только жизнь ведутъ скромную, но и на языкъ куда какъ осторожны, даже свыше мѣры. Простодушныхъ соловецкихъ типовъ тутъ мало. Народъ выдержанный, замкнутый. Говоря съ вами, они изучаютъ васъ и взвѣшиваютъ каждое слово. Здѣсь воистину соблюдается правило — «во многоглаголаніи нѣсть спасенія». Даже образованные монахи какъ-то дичатся и держатъ языкъ на привязи. Съ мірскимъ человѣкомъ, видимо, настоящей дружбы не сведутъ. Какъ ни простъ душою былъ, напримѣръ, о. Алимпій, котораго за искренность называли «прелестнымъ» старцемъ, но и тотъ смущался.

— Ахъ, милый, — въ припадкѣ любви изъяснялся онъ, — и сказалъ бы я тебѣ, да вѣдь вонъ у тебя книжка. Чиркаешь ты въ нее все... Тебѣ скажешь, а ты сейчасъ — чиркъ. А Господь знаетъ, на пользу ли это святой обители. Можетъ, ты и пновѣръ какой?

— Вотъ еще! — запротестовалъ я.

— Да вонъ у тебя взоръ какой... Легкій... Вольный у тебя глазъ... Страха не видно. А тутъ, знаешь какое дѣло, страхъ надобенъ. Ахъ, и какой еще страхъ надобенъ! Чтобы душа въ тебѣ трепетала, чтобы всякое помышленіе твое было: Господи, помилуй мя грѣшнаго! А ты вонъ все въ книжку. Я ужъ и то думаю, православный ли ты?

— Какъ же иначе?..

— Постой!.. Вонъ, сказываютъ, армянскіе люди тоже Христа не отрицаются, а лѣвой рукой крестятся!

— Неправда!

— Ну, вотъ, благодарю, утѣшилъ ты меня въ печали моей! А то я все за нихъ духомъ скорбѣлъ. Какъ же это такъ, — думалъ, — въ Христа вѣровать вѣруютъ, и лѣвой рукой?.. По лѣвую-то руку, ошую, знаешь ли кто? — Духъ зла!.. А все же настоящаго трепета въ тебѣ нѣтъ. Это ты, братъ, какъ хочешь, а нѣтъ!.. Можетъ, и вѣра есть, а страха — нѣтъ! Да какъ же передъ могуществомъ Его?.. Однимъ дыханіемъ своимъ убить Онъ тебя можетъ, а ты трепетать не хочешь. Духъ въ тебѣ гордыни мятется — вотъ что!

XIX.

Смолокурня. — Известковый заводъ.

— Не угодно ли нашей смолокурней полюбоваться?— пригласилъ меня какъ-то о. Виталій, обязательный и симпатичный монахъ, попавшій въ обитель изъ петербургскихъ мѣщанъ. — Знакомое вамъ дѣло?

— Какъ же, на сѣверѣ я видѣлъ у крестьянъ!

— Что у крестьянъ! Монастырь это дѣло большимъ хозяйствомъ ведетъ, на широкую ногу!

— А именно?

— Заводски. Приспособленія мы особыя придумали. Сами увидите. Вы какъ думаете, наша курня съѣдаетъ пятьдесятъ саженъ дровъ да пятьдесятъ саженъ пня. Всего выгоняется сто восемьдесятъ девять пудовъ скипидару. Нашъ скипидаръ въ Петербургѣ извѣстенъ, высоко цѣнится, — чистый, какъ слеза. Курню нашу рабочіе страсть не любятъ! Мы монаховъ ставимъ.

— Почему?

— Да, вотъ, — не угодно ли рубить пни? . . Самое каторжное дѣло: двое рабочихъ надъ саженью провозятся недѣлю, и ужъ если очень хорошіе трудники — ну, полторы нарубятъ. А и платы всего за сажень рубль. Зимой только и находимъ на это дѣло рабочихъ. Безкормица у нихъ, они и идутъ. Все равно ему, — съ голода дома пухнетъ. Тутъ народъ бѣдный. Иной разъ изъ-за пятака-то потѣетъ, потѣетъ. Тутъ такой народъ, что если умеръ человѣкъ, прямо его въ рай, потому онъ натерпѣлся. Вы какъ полагаете: нарубилъ да и кончилъ? — Нѣтъ, сначала выворочай пни въ лѣсу, изъ земли, либо выруби ихъ, доставь сюда, да здѣсь и руби. Да еще очисти ихъ отъ грязи, потому грязный пень какую онъ смолу дастъ?

Смолокурня хорошо отстроена, только вся прикопчена. Внутри двѣ громадныя печи. Внизу у нихъ стоки для воды и смолы. Вышина каждой печи — двѣ съ половиною сажени, въ діаметрѣ — двѣ сажени. Помѣщеніе для дровъ сбоку; отсюда жаръ идетъ внутрь, спиралью, по особо-устроенному ходу . . .

— Лѣтомъ печь не работаетъ. Никто сюда не ходитъ, — ишь, какъ запустѣло!

Въ темнотѣ на полу поднялися даже какія-то противные бѣлые грибы. Пахло смолой и скипидаромъ. Липкія черныя лужи стояли по угламъ...

— На все своя очередь у насъ. Первые четыре дня скипидаръ идетъ. Въ первый день три пуда изъ каждой печи, во второй — два, а на пятый ужъ смола течетъ. Скипидаръ вверхъ испаряется, выводится въ холодильникъ трубками, а смола внизъ бѣжитъ.

— Почему же лѣтомъ не работаете?

— Да потому, что для холодильниковъ очень студеная вода нужна и ледъ...

Тутъ съ котлами требуется страшная осторожность. Дрова и пни, положенные въ нихъ, отъ дѣйствія жара прѣютъ и обугливаются. Стоитъ попасть туда частичкѣ воздуха, и они вспыхнутъ. Взрывомъ всѣ эти кирпичныя кладки и сараи разнесетъ во всѣ стороны.

— Пуще всего боимся этого. Всѣ дыры замазываемъ крѣпко-накрѣпко. Работа зимою идетъ на двѣ смѣны — денно и нощно, безъ отдыха, потому что печь затопишь ужъ на всю недѣлю. Сразу на сорокъ пудовъ смолы да на десять скипидара разсчитано.

Съ каждой топки остается 30 кулей угля, который, въ свою очередь, служитъ для кузницы и слесарни. Работа идетъ такъ: въ воскресенье печь остываетъ отъ старой топки, а въ понедѣльникъ выгребаютъ уголь, насаживаютъ на его мѣсто свѣжіе пни и затапливаютъ. Зола и пудра угольная остается массами, но ее не бросаютъ; она идетъ на обкладку водопроводныхъ трубъ, чтобы не ржавѣли лѣтомъ и не мерзли зимой, а слѣдовательно, и не лопались. Остальные дни — вторникъ, среда, четвергъ и пятница — парится и течетъ скипидаръ и смола. Ну, а въ субботу, ввечеру, кончается все дѣло. Теперь вокругъ смолокурни и въ ней самой мертвая

тишина. Только лѣсъ шумитъ кругомъ, да посвистываютъ коростели по оврагамъ.

О. Виталій шесть лѣтъ пробылъ на смолокурнѣ. Всякаго почти монаха гонятъ сюда на первыхъ порахъ. Отъ грязной работы никто не въ правѣ отказываться. О. Пименъ кандидатомъ университета сюда пріѣхалъ, да и то въ смолокурню поставили. Дамаскинъ чернорабочихъ монаховъ приводилъ въ примѣръ остальнымъ. По старому своему крестьянскому свычаю, ужасно любилъ онъ этотъ «грязный» трудъ.

— Бывало, съ субботы на воскресенье вернемся въ обитель, — разсказывалъ о. Виталій, — несетъ отъ насъ за версту смолой. Братія которые морщатся, а отецъ Дамаскинъ сейчасъ: «Поближе, поближе ко мнѣ, отцы! Эхъ, какъ хорошо пахнетъ отъ васъ, спаси васъ Господь, — видимо, трудились, не бѣлоручничали!»

— У насъ этихъ чистоплюевъ нѣтъ, чтобъ совсѣмъ гнушались, а все жъ непріятно, — пояснилъ другой монахъ. — Разъ къ намъ изъ другой обители чистоплюя такого прислали на смиреніе. Онъ было носомъ повелъ, а отецъ Дамаскинъ его самого сейчасъ на смолокурню послалъ. Отучился. Потомъ ему этотъ запахъ ужъ не претилъ... Грѣхи!

— Вы у аптекарей поспрошайте о нашемъ скипидарѣ. Мы его такъ очищаемъ, что онъ у насъ ничѣмъ не пахнетъ. Вотъ въ склянкѣ понюхайте!

Дѣйствительно, запаха не было вовсе никакого.

— Какъ же вы этого достигаете?

— А это секретъ нашъ. Сами придумали, сами и дѣлаемъ!

Отъ смолокурни недалеко было до известковаго завода. Онъ построенъ весь изъ огнеупорнаго кирпича, приготовляемаго въ самой обители. Внутри сарай зава-

ливаютъ кусками бѣлаго мрамора и восемь сутокъ топятъ нѣсколько печей, устроенныхъ въ стѣнахъ его. Когда мраморъ такимъ образомъ обожжется, онъ разсыпается известкой. Сразу укладывается сюда двадцать четыре кубическихъ сажени камня. Всѣхъ печей двѣнадцать, по пяти съ каждой стороны. Сначала заводъ этотъ поставили изъ простыхъ кирпичей, они стали плыть; тогда намѣстникъ, о. Аѳанасій, началъ употреблять огнеупорный. Послѣ того, какъ известка готова, заводъ два дня остываетъ.

— Ночью зимней здѣсь на подобіе какъ бы ада! Печи пышутъ, жаромъ объемлютъ... Думается: «Господи, ужъ ли же какъ помремъ, такъ же будемъ, въ родѣ шней этихъ, въ непрестанномъ огнѣ горѣть?.. Ну, испугаешься! Иной по своей жестоковыйности и не умилился бы, а какъ сюда придетъ, да посмотритъ, да одумается, — смотришь, слезу прольетъ и взмолится. Шумъ тутъ у насъ тогда, большой шумъ, трескъ. Камень трещитъ, дрова тоже. Искры летятъ подъ самое небо, а кругомъ тьма кромѣшная. Зимнія ночи такія бываютъ, что въ двухъ шагахъ ни зги не видно!

— Особливо молодымъ, непривычнымъ, трудно. У печей жаръ, а выскочитъ — морозомъ его охватитъ. Другой прямо отсюда въ больницу, коли не побережется. Нужно такъ: влѣзъ въ жару, такъ и сиди въ ней, не остывай, иначе бѣда, — сведетъ совсѣмъ, очумѣешь... Въ субботу-то придешь въ обитель, словно ты въ рай попалъ.

На смолокурнѣ и на известковомъ заводѣ исключительно работаютъ иноки.

XX.

Подъ яркимъ солнцемъ.

— Сегодня я вамъ покажу красоту нашу дивную, — вошелъ ко мнѣ о. Пименъ. — Вставайте-ка... Спаси васъ Богъ!

— Куда мы направимся?

— Въ скитъ Александра Свирскаго. Мѣста увидите — скажете, куда-нибудь на далекій югъ попали, въ Крымъ, что ли...

Дорога шла лѣсомъ, густымъ и красивымъ, и каковъ бы ни былъ зной, тутъ вѣчная прохлада. Тѣсно обступаютъ путь въ самомъ разнообразномъ смѣшеніи березы, сосны, клены и ели; на горы взбираются, съ горъ по откосамъ сползаютъ въ лощины, скалы опутываютъ цѣпкими порослями. Часовенка въ лѣсу словно охвачена зелеными облаками. Вѣтви рвутся въ окна, ревниво сторожатъ двери. Гранитъ то и дѣло взрываетъ почву; иной разъ у самыхъ корней лѣсного великана острый гребень утеса борется съ мягкимъ мхомъ и желтыми лишаями. Вотъ-вотъ заткнутъ его совсѣмъ... Издали еще слышны волны... Ладога бьется въ берегъ, словно и ей хочется дорваться до этого красиваго, тихаго, словно заколдованнаго царства дремы и тѣни. Избушка на курьихъ ножкахъ у самой воды. Думаешь, баба-яга выйдетъ, а вышли иноки.

— Наши рыбари!.. Ну, какъ дѣла, Господи спаси?

— Ловится, ничего. Господь посылаетъ... Благословенная, сама въ сѣть идетъ!

— Потрудитесь, потрудитесь, отцы...

Три большія соймы вытащены на берегъ. Въ голу-

бомъ просторѣ четвертая скользитъ подъ парусомъ. Каменная отмель; на ней сѣти раскинуты, сушатся подъ солнцемъ. Парусъ около, тоже сушится. Часовня далеко въ Ладогѣ; насыпь къ ней съ берега. Просто завалено озеро каменьями, на каменья щебень наброшенъ, а по щебню дорога. Море (будемъ ужъ такъ называть Ладогу) бьется въ подножіе часовни, окружая ее каймой бѣлой пѣны. Море бьется и въ длинную насыпь. Уныло посвистываетъ какая-то пташка.

— Тутъ вода дерзновенная! — замѣтилъ одинъ рыбарь-монахъ.

— Почему это?

— На Савватіевскую часовню посягаетъ. Въ непогодь волненіе стихій таково, что до кровли ее забрасываетъ. А черезъ дорогу-то сплошь волна перекидывается, ходуномъ ходитъ. Мы разъ даже иконостасъ оттуда выносили, — думали, размечетъ святыню. Таково было бореніе, но токмо стихія утихла, а святыня и доселѣ стоитъ. Такъ и въ жизни. Если кто Богу вѣренъ и на ангела своего хранителя уповаетъ, волны моря житейскаго хотя и вздымаются отвнѣ, а душѣ его сдѣлать ничего не могутъ, и стоитъ онъ безмятежно и благолѣпно!

Когда мы шли къ часовнѣ по этой насыпи, въ совершенно покойную погоду, волны Ладоги лизали наши слѣды, съ глухимъ шумомъ набѣгая съ востока. Что за красивые виды отсюда! Направо — длинная линія берега, пропадающая въ ослѣпительномъ блескѣ солнца; прямо — открытое море; налѣво чуть виденъ островокъ, весь покрытый соснами, весь млѣющій въ жарѣ и въ свѣтѣ, точно окутанный золотистымъ облакомъ. Вѣчный шумъ волнъ, вѣчное колыханіе вѣтвей...

Въ сентябрѣ тутъ праздникъ. Къ тому времени от-

лично ловится палья-кумжа, и изъ обители братія съѣзжается сюда на ловы.

Даль морская — совсѣмъ воздушная. Не отличишь, гдѣ море сливается съ небомъ. Въ безконечности и небо видно, а черты, отдѣляющей ихъ одно отъ другого, нѣтъ. Точно въ сказочномъ царствѣ, — такъ и ждешь, не блеснетъ ли гдѣ-нибудь облачная колесница Царь-Дѣвицы, не разрѣжетъ ли воздухъ золотое перо Жаръ-Птицы. А волны ласково-ласково шепчутъ, точно милыя вѣсти несутъ откуда-то изъ милаго, дорогого края. Небо сегодня — то же что и вода. Вода здѣсь — то же небо, только струистое.

Съ рыбаками-монахами — цѣлая артель рыбаковъ мірскихъ трудниковъ. Этихъ около двадцати, всѣ здѣсь съ самаго дѣтства. Головой у нихъ Титъ; онъ лѣтъ тридцать при обители, а всего ему сорокъ два года.

— Мы сюда еще пойгами поступаемъ!

— Что значитъ пойга?

— Пойга — мальчикъ! — пояснилъ Пименъ.

— Были пойгами, а теперь стали укко. И все при обители!

— А укко — старикъ. По здѣшнему говору такъ выходитъ. Самые это надежные люди у насъ, которые такъ-то сызмала . . . Ишь, бережокъ-то, точно полированный!

Гранитные отвѣсы блистали на солнцѣ; совсѣмъ темная въ ихъ изгибахъ билась вода.

— Ну, рыбари, потрудитесь лодочку!

Лодку подали. Поплыли мы налѣво, въ цѣлый лабиринтъ острововъ, которые всѣ выходятъ сюда своими мысами. Лодка прихотливо скользитъ по капризнымъ проливамъ, изгибается по сторонамъ, точно ей самой хочется насмотрѣться на эти тихія приволья, безмятежныя заводи. Блестящее голубое небо струится подъ

нами, блестящая голубая вода недвижно застыла въ недосягаемой выси. И опять задаешься тѣмъ же вопросомъ: гдѣ вода, гдѣ небо?.. Или все небо кругомъ, или все — вода?..

Мнѣ никогда не забыть этой очаровательной поѣздки.

Въ самой глубинѣ широкаго пролива виденъ крутой берегъ острова, на которомъ стоитъ скитъ Александра Свирскаго. Весь онъ — красивой, правильной формы. Точно на каменномъ пьедесталѣ выросъ лѣсъ. Крутизна обрушивается налѣво, правый конецъ его полого сходитъ въ воду. Надъ крутизной блестятъ какія-то искры: это— часовня и храмъ скитскій. Долго островъ запираетъ выходъ изъ пролива: только когда лодка подплыла ближе, направо и налѣво блеснули серебристые просвѣты.

Необыкновенно страненъ этотъ островъ; точно одинъ цѣльный камень, кверху ощетинившійся густымъ лѣсомъ.

— Истинно святой! Названіе-то, спаси Боже, какъ подходитъ. Истинно святой! Святому и краса такая подобаетъ!

Я видѣлъ до своей поѣздки сюда рисунки валаамскихъ видовъ, видѣлъ снимки съ этого острова, но они не даютъ никакого понятія о всей этой прелести. Вокругъ острова разбросано много иныхъ, и всѣ одинъ краше другого. Когда лодка наша вплыла въ этотъ архипелагъ, между островами легли во всѣ стороны живописные и спокойные проливы, гдѣ вода тиха, какъ въ чашкѣ, и такъ прозрачна, что глубоко видны въ ней гранитные изломы дна, палья, пробирающаяся въ тихія пристанища неподвижныхъ недорослей, юркая щука, гоняющаяся за какою-то мелкотой.

Крутизна Александра Свирскаго смотритъ на сѣверъ, въ безбрежное озеро. Тамъ же сквозь проливы, какъ въ

открытыя окна, мерещится морская даль и на ней точно тучи. Острова ли это, или марево? — Скорѣе марево въ возбужденномъ пигментѣ глаза. Сколько свѣту и красокъ, — поневолѣ чудится... Кое-гдѣ у подводныхъ камней бѣлые всплески, — вода играетъ. Паритъ на озерѣ. Сегодня 26 град. въ тѣни, а на солнцѣ и того больше. Чѣмъ мы ближе къ Святому острову подплываемъ, тѣмъ онъ какъ будто все далѣе и далѣе отодвигается отъ насъ.

— Прямо на Святой или сначала на Байонный островъ, — какъ хотите?

Я предоставилъ Пимену. Взяли направо. Байонный и Святой острова далеко отошли отъ остальныхъ. Тутъ мы ужъ вышли изъ предѣловъ проливовъ. Въ лицо повѣялъ освѣжающій вѣтерь, лодка стала покачиваться. Не волны, а какое-то пріятное дыханіе ходило по Ладогѣ... Озеро точно дышало.

— Ну, ставьте, ребята, парусъ!

Именно не волны ходятъ, а озеро дышитъ, какъ грудь, вздымается и опускается — медленно, спокойно, точно во снѣ... Какъ обманываетъ пространство на водѣ! Давно ли казался Святой островъ близко, а теперь онъ все еще далеко; давно ли Байонный былъ вотъ у конца пролива, а теперь и проливъ остался далеко позади, и острова все такъ же бѣгутъ отъ нашей лодки къ сѣверу. При этомъ ощущаешь не волненіе, а дыханіе озера, еще болѣе похожаго на небо, по которому бѣгутъ мелкія тѣни.

Байонныхъ острововъ три. Средній называется Большой Лембосъ, самый высокій.

— Что это за названіе — Лембосъ?

— Видите ли, батюшкѣ хотѣлось Лемносъ, — ну, а иноки, спаси ихъ Богъ, по малоумію и невѣжеству ошиб-

блись, и вышелъ Лембосъ, такъ и идетъ теперь. Лемносъ забыли, а Лембосъ остался!

Тутъ очень трудно было ориентироваться. Кажется одинъ островъ, а проплывешь мимо, онъ разбивается на три. Такъ, изъ одного общаго, виднаго намъ издали, теперь выдѣлились: Святой, Малый, Черный, Крюкъ, Байонный и Лембосъ. Между ними опять тѣ же открытыя окна въ море — проливы. Большой Лембосъ все растетъ и растетъ. Что-то мелькаетъ въ лѣсу, вѣнчающемъ его.

— Это церковь Ильинскаго скита, — объясняетъ мнѣ Пименъ.

XXI.

Ильинскій скитъ.

На берегу монашки-подростки. Часовня въ сторонѣ... Узенькая бить воды вдается въ островъ. Черезъ нее простенькій мостикъ изъ жердей. На мосту старикъ, сѣдой, ветхій, всматривается въ насъ подслѣповатыми глазами.

— А, Христовы угодники! — привѣтствуетъ онъ, сбѣгая внизъ. — Вотъ не ждалъ гостей! Вотъ радость-то... Спаси васъ Богъ, что посѣтили меня недужнаго...

Оказалось, монахъ за овцами смотритъ... Еще въ рясофорѣ, поэтому о. Пимену прямо въ ноги.

— Старикъ любезный, что это ты... Господь съ тобой!

— Благослови, отче!.. — И давай цѣловаться со всѣми.

За баранами смотритъ, — кротость овечья и къ нему

перешла. Агнецъ совсѣмъ. Ни злобы, ни зависти, ни жалобы.

— Покажи-ка намъ паству свою!

— Паству? .. Хорошо. — Пикъ-пикъ-пикъ!

На пиканье со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться бараны. Всѣ оказались стрижеными. Старикъ и живущіе здѣсь монахи изъ овечьей шерсти чулки дѣлаютъ для братіи.

— Ну, а стрижецъ здѣсь?

— Тутка гдѣ-то. Стрижецъ а стрижецъ!

Явился и этотъ. Совсѣмъ молодой монахъ. Пришелъ онъ въ обитель когда-то мальчикомъ-чухной, безграмотенъ былъ, а теперь настолько умудрилъ его Господь, что онъ и другихъ въ школѣ учитъ. Сверхъ этого онъ закройщикъ въ монастырской швальнѣ и приватно еще стрижетъ паству о. Пароенія. Помогаютъ ему въ этомъ невинномъ занятіи трое портныхъ и трое сапожниковъ, тоже иноки. Отецъ Иванъ, стрижецъ, повелъ меня въ сарай, гдѣ отъ насъ живо шарахнулись во всѣ стороны еще нестриженые бараны, тотчасъ, впрочемъ, обнаружившіе и баранью глупость. Поманили ихъ хлѣбомъ, сбѣжались и давай топтаться. Выбравъ одну жертву, о. Иванъ захватилъ ее и вскинулъ на воздухъ; остальные — опять шарахъ по угламъ. Предательски захваченный военнопленный кротко подчинился своей участи. Связали ему ноги, бросили на мохъ и давай стричь. Точно платье съ него снимали, — совсѣмъ оголѣлъ. Время отъ времени, чтобы барану не было скучно, давали ему кусочки сухарей.

— Такъ и съ людьми, — поднялъ голову о. Иванъ. — Стригутъ ихъ, а изрѣдка поманятъ кускомъ, — ну, люди и довольны!

— Что жъ, если кому на пользу, — вмѣшался ста-

рецъ Парѳеній. — Ужъ коли стригутъ, то, значитъ, кому-нибудь надо, а коли надо — стриги!

— Утѣшительный у насъ старичекъ! — подѣлился со мною своимъ впечатлѣніемъ отецъ Иванъ. — Незлобивый, умилительный!

Качество мѣстнаго корма таково, что шерсть на здѣшнихъ баранахъ замѣчательно густа, хоть и нѣсколько груба. Пока у обители нѣтъ фермы для барановъ, но собираются строить.

— Каменную?

— Да, съ гранитной обшивкой!

— Стоитъ!

Далеко-далеко по Ладогѣ плыветъ корабль, едва его видно, подъ парусомъ, словно чайка плещется. Поплыли и мы къ Ильинскому скиту. Каменныя луды по сторонамъ. Вода шипитъ на нихъ, точно ее кто-то кипятитъ снизу. Лембосъ обрушивается на западъ круто, гранитнымъ обрывомъ. Въ сторонѣ — пристань, заваленная каменьями, чтобы не снесло. Вѣтры дуютъ тутъ сильные. Сѣно на берегу сушится. На высотѣ церковь простенькая, но изящная; она — въ концѣ взбѣгающей вверхъ аллеи крупныхъ лиственицъ... Позади за нею насупился лѣсъ. Два домика двухъэтажныхъ по сторонамъ. Тутъ помѣщаются келын. Солнечные часы — на гранитномъ пьедесталѣ; колодезь, обшитый сѣрымъ гранитомъ и вырубленный, какъ и всѣ здѣсь, въ скалѣ.

— Откуда вода тутъ?

— А гора давитъ камень, камень и сочитъ воду. — объяснилъ по-своему монахъ. — Каждое мѣсто у насъ, Господи спаси, имѣетъ свою игру, каждая пядень особой красоты. Какъ человѣкъ на человѣка не похожъ, такъ и мѣсто отъ мѣста отличествуетъ. Взойдите на колоколенку, посмотрите, какой оттуда пейзажъ.

Съ колокольни — островъ точно въ озерѣ, проливы заставлены мысами. Огороды внизу зеленѣютъ. Видъ совсѣмъ плохъ и никакой игры въ немъ, хотя отшельники и приходятъ въ восторгъ. Зато на противоположной сторонѣ Лембоса видъ диву подобный. Обрывъ саженъ въ двадцать высоты. Морская даль за нимъ легла. Направо мерцаетъ кайма далекихъ береговыхъ горъ Олонецкаго края.

— Когда вѣтеръ оттуда, горы точно подымаются, а съ полудня если — опускаются внизъ. Такъ мы и замѣчаемъ. Тутъ непогодь бываетъ буйная.

Строитель, о. Анатолій, старикъ изъ орловскихъ купцовъ. Въ свое время онъ провелъ пятнадцать лѣтъ въ Питерѣ при Валаамской часовнѣ. Попросился оттуда назадъ.

— Не подобаетъ иноку въ мірѣ жить. Міръ — что море лютое!

Хотѣли старца іеромонахомъ сдѣлать, не принялъ мантію.

— Не хочу!

— Смиренію покорствуетъ; спаси его Господи! Вишь, какой онъ у насъ старецъ добродѣтельный... Въ низкомъ званіи пожелалъ окончить вѣкъ свой... У насъ такой монахъ былъ, мантію ему дали, а онъ ее взялъ да и сжегъ. Хотѣли его силой заставить носить, а онъ по горло въ коровій калъ вымазался да и пришелъ въ обитель. «Вотъ, — говоритъ, — моя мантія. Мнѣ, скоту, и сія достаточна... И даже слишкомъ она для меня великолѣпна»... Таково смиреніе было. Ужъ мы его умолили надѣть на себя рясу рваную, чтобы богомольцы на старца не соблазнялись.

Въ дали морской суда показались...

На берегъ выползъ какъ-то о. Амоній, у котораго на

клобукѣ былъ пришитъ громадный картузъ. Сему старцу было не менѣе 80 лѣтъ.

— Куда это, спаси Господи?

— Рыбку... для обители рыбку половить хочу. Завтра вамъ отошлю!

Въ скиту, какъ и въ другихъ, рыбы не полагается.

Кстати, вотъ что удивительно. Отшельники, питающіеся здѣсь исключительно растительною пищей, живутъ до поразительной старости, сохраняя зрѣніе и силы. Пѣшкомъ они бродятъ, сколько угодно. Я — хорошій ходокъ, а усталъ, тогда какъ этимъ старцамъ все нипочемъ.

— Вонъ этотъ послушникъ у насъ верспнецкій! — сообщилъ старикъ-монахъ, указывая на коловшаго дрова инока.

— Какой?

— Ну, какъ тамъ по-вашему, изъ верспнета. Въ Питерѣ въ верспнетѣ былъ, но только бросилъ всю и сталъ искать спасенія. У насъ оное обрѣлъ. Науку земную оставилъ, къ Небесному Учителю прибѣгъ. И Опымъ былъ утѣшенъ несказанно. Небесный-то Учитель больше знаетъ. Онъ не то что маги египетскіе... Ваши-то маги куда сколь гордыбачуть и превозвышаются, а Небесный Магъ ихъ всегда по затылку посрамить можетъ. И посрамляетъ! Пусть-ко земной магъ травку родитъ, такъ, безо всего, — ну-ко, пущай онъ травку одну, махонькую!.. А Небесный Магъ ишь какіе лѣса намъ выростилъ. Вотъ оно какъ! Вотъ и ты теперь, — указалъ онъ на меня, — въ книжку все... Сказываютъ, книги пишешь. А что толку? На главѣ твоей я клобукъ прозрѣваю. И когда оный надѣнешь, тогда истинную науку узнаешь, какая она есть!

— Старецъ прозорливый! — умилялись рядомъ. — Это — пророчество!

Пророчество, во всякомъ случаѣ мнѣ большого удовольствія не доставившее. Увы! Съ тѣхъ солнечныхъ дней прошли многія десятилѣтія, но пророчество прозорливца такъ же далеко отъ осуществленія, какъ и я сейчасъ отъ Валаама! [1].

XXII.

Александръ Свирскій.

Лѣсные острова выплываютъ по сторонамъ навстрѣчу. Длинный слѣдъ бѣжитъ за нами. Чайка вьется надъ парусомъ нашей лодки. Медленно покачиваясь, челнокъ пристаетъ къ острову Святому. Дорога вверхъ бѣжитъ круто по гребню острова. Направо и налѣво сквозь деревья мерцаетъ озеро. «Строго живутъ отшельники!» — говоритъ о. Пименъ, стучась въ ворота скита.

— Кто крещеный?

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

— Аминь!

Медленно, скрипя, отворились ворота. За ними — деревянныя келын, деревянная церковь въ древне-русскомъ стилѣ. Мы проходимъ мимо могилы, вырытой здѣсь для себя Александромъ Свирскимъ. Она обложена камнемъ. За убогимъ храмомъ крутой спускъ внизъ,— едва можно удержаться на немъ. Сверху громадныя скалы нависли надъ дорогой. Вотъ-вотъ сползутъ и задавятъ насъ. Первозданныя громады въ дикомъ хаосѣ громоздятся наверху. Онѣ давятъ воображеніе: мысль пе-

[1] Обработано въ мою бытность въ Фалерахъ, близъ Аѳинъ.

рестаетъ работать, невольно принижаясь передъ этими чудовищными массами.

Узкая щель въ гору.

— Пещера, гдѣ жилъ Преподобный!

Островъ въ тѣ времена былъ безлюденъ. Среди этихъ дикихъ скалъ, перемѣшанныхъ съ дикимъ лѣсомъ, одиноко блуждалъ Александръ Свирскій. Въ темныя ночи, въ долгіе дни только одна Ладога бушевала да лѣсъ шумѣлъ, повинуясь вѣтру, налетавшему сюда съ сѣвера. Логово пустынника было непригляднѣе его жизни. Синайскіе отшельники жили такъ же среди своихъ сожженныхъ солнцемъ утесовъ. Узкая щель, — пройти только одному. Сверху ее давитъ, точно расплющить хочетъ, громадная скала. За щелью тьма. Я зажигаю восковую свѣчку. Дикая пещера. Сверху каплетъ. Чудится или нѣтъ, только въ сердцѣ горы слышится какое-то журчаніе. Источникъ ли, запертый въ каменную тюрьму, плачется на свое заточеніе? .. Въ пещерѣ можно держаться, согнувшись. Она вся выдолблена въ твердомъ гранитѣ. Точно все опускается въ тебѣ; чувствуешь безотчетный страхъ, — страхъ передъ этой жизнью, полной нечеловѣческихъ лишеній, ужасъ передъ этимъ самопожертвованіемъ, — ради чего? Холодно, сыро. Рокотъ запертаго въ гору ключа кажется жалобой какого-то затворника. Каменная масса давитъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ-вотъ рухнетъ на тебя! ..

Нѣсколько шаговъ назадъ — и предо мною, во всей своей прелести, блестящая, безконечная, вся мерцающая подъ солнцемъ, лазоревая даль Ладоги. Тепло стало, опять день кругомъ, день и на душѣ, которая еще нѣсколько мгновеній назадъ была охвачена вѣчною ночью. Теперь дорога, вся по узкому карнизу, идетъ вокругъ острова надъ глухошумящими внизу волнами. Голова

кружится. Невольно схватываешься за сосну, выросшую на самомъ свѣтѣ и вытянувшую одинъ корень впередъ въ воздухъ, точно руку, просящую пощады у озера, вѣчно подмывающаго этотъ откосъ. Карнизъ все у́же, дорога опаснѣе и красивѣе. Громадные утесы далеко внизу кажутся камешками, брошенными въ мыльную пѣну постояннаго прибоя.

— Вонъ тюлень. Ишь, полощется! Голова одна видна!

Всматриваюсь и ничего не вижу. Чтобы различать, надо жить именно здѣсь на этихъ скалахъ и кручахъ, вѣчно видѣть передъ собою эти неоглядныя дали. Самый великолѣпный пунктъ еще нѣсколько шаговъ впереди. Сверху виситъ надъ карнизомъ чудовищная скала. Дорога вся подъ нею выбита. Изъ скалы куда дальше дороги выбрасываются, словно вырывающіяся изъ какихъ-то оковъ, сосны; но оковы ихъ держатъ крѣпко, и онѣ напрасно протягиваютъ къ безоблачному сегодня небу свои умоляющія вѣтви. Небо спокойно смотритъ на узниковъ сѣраго утеса, и только иногда быстро бѣгущія тучки кропятъ ихъ своими холодными слезами.

Всего лучше, всего красивѣе отсюда безбрежный солнцемъ осіянный просторъ Ладоги.

Тутъ устраиваются перила. Самую дорогу только что проложили.

— Страшно, спаси Господи! — проговорилъ о. Пименъ, крестясь.

— Тутъ посидишь, Бога узнаешь. Онъ вѣдь одинъ держитъ эту скалу. Опустилъ бы, — гдѣ бы мы были?

Эти граниты — точно круглыя башни надъ дорогой. Они колются не отвѣсно, а поперекъ, точно слои камней

какими-то гигантами уложены одинъ на другой чудовищными жерновами.

— Ишь, море внизу-то злится! Дальше оно что зеркало, а тутъ неспокойно. У него съ нашими береговыми скалами вѣчная война!

Отецъ Алимпій, въ синихъ очкахъ, съ чрезвычайно умнымъ, даже интеллигентнымъ лицомъ, былъ, очевидно, немножко поэтомъ. Да какъ же имъ и не быть, живя на этихъ скалахъ, среди этого чуднаго простора!

— Берегъ-то далеко-далеко, точно въ небѣ повисъ. Воздуха много между нами и моремъ. Хорошую погоду Господь, значитъ, даетъ!

Корни дѣятельно работаютъ надъ разрушеніемъ этихъ скалъ, корни и вода; но пройдутъ еще цѣлые вѣка прежде, чѣмъ они докончатъ свое дѣло. Я думаю, точно такъ же любовался на ихъ настойчивую работу и Преподобный, когда ходилъ мимо, оставляя свою звѣриную пещеру. Точно преслѣдуемая идея, корень идетъ въ самыя нѣдра, въ самое нутро скалы, и тамъ невидимо, но вѣрно дѣлаетъ свое дѣло. Вмѣстѣ со скалами пропадутъ и деревья, разрушившія ихъ, — что нужды? Подымется новая зелень на обломкахъ павшихъ скалъ, и снова начнется дѣло разрушенія, и снова корни станутъ вползать во всякую скважину, уничтожая своего стараго, исконнаго врага. Да погибнутъ скалы, и да здравствуетъ зеленое царство вѣчнаго, любящаго просторъ, солнце и свободу, лѣса!

— Тутъ у насъ въ скважинахъ пара вороновъ завелась. И гнѣздо вьютъ въ камнѣ. Изъ года въ годъ все одна и та же пара прилетаетъ. Дѣтей выведутъ, дѣти не вернутся, а старые вороны — все сюда, все сюда. Тоже отшельники.

— Гдѣ же они?

— Днемъ на ловлѣ, днемъ ихъ не увидишь. Они сюда по ночамъ . . .

— Да тутъ какъ на Шипкѣ у насъ: скала вверху, скала внизу, а посреди мы!

— Какъ на Шипкѣ? — оглядываюсь я на молодого послушника.

— Онъ былъ на войнѣ. Онъ у насъ балканецъ! — рекомендуетъ его о. Алимпій.

— Какъ же вы попали сюда?

— А какъ наши двадцать четвертую дивизію вымораживать начали, такъ я обѣтъ далъ, если уцѣлѣю, на годъ сюда. Вотъ и пріѣхалъ. Теперь недѣлю осталось. Я вольноопредѣляющійся былъ, изъ купцовъ. Наша лавка въ Питерѣ!

Какія тутъ, должно быть, бываютъ бури! . . Вонъ вывернуло деревья. Одно аршина полтора въ діаметрѣ, а легко, такъ же безсильно, какъ и малыя жерди, что снесло вѣтромъ.

Въ виду бурь, здѣсь и пристани двѣ: одна — сѣверная, другая — полуденная. Если къ одной нельзя пристать, другая къ услугамъ иноковъ. Была большая каменная пристань, но въ Покровъ ее разбросало безъ слѣда. При этомъ перебило и нѣсколько валаамскихъ соймъ, стоявшихъ около. Одну изъ нихъ выбросило на берегъ, на скалу вышиной въ семь саженъ, — саженяхъ въ 30-ти отъ берега. Я было не повѣрилъ, но мнѣ показали это мѣсто, и несомнѣнно-правдивый человѣкъ, о. Пименъ вполнѣ подтвердилъ это.

— Тутъ, братъ, уймутъ бурку крутыя горки!

Отшельникамъ, впрочемъ, буря доставляетъ нѣкоторое развлеченіе. Они сходятся подъ скалу на карнизъ и любуются оттуда на бѣшенство стихій, стремящихся разрушить эти первозданныя скалы. Хотя они нахо-

дятся здѣсь на высотѣ шестидесяти саженъ, но вѣтеръ хлещетъ ихъ пѣною волнъ; срывая съ валовъ бѣлые гребни, несетъ ихъ прямо въ лица шокамъ, точно негодуя на то, что они являются свидѣтелями его безсилія, злости.

XXIII.

Туннель, позолотчики и рѣзчики.

Валаамъ дошелъ здѣсь даже до такой роскоши, что отъ самаго монастыря къ громаднымъ мастерскимъ — здѣшнему Шеффильду — продѣланъ туннель, мимо кладбища, длиной въ семьдесятъ саженъ, вышиною въ одну и шириною въ два съ половиной аршина. По туннелю, вдоль стѣны, тянется и водопроводная труба, чтобъ зимой въ ней вода не мерзла. Туннель внизу обшитъ гранитомъ, а сверху выложенъ кирпичемъ. Сначала его хотѣли сдѣлать совсѣмъ въ землѣ, но потомъ чуть-чуть приподняли надъ ея поверхностью, что дало возможность устроить вверху окошечки для свѣта. Когда мы шли здѣсь, пахло сыростью.

— Для покойничковъ большое безпокойство!

— Гдѣ покойники?

— Да нора-то эта черезъ кладбище проверчена. Положимъ, они въ блаженномъ успеніи почиваютъ, но и того одобрить нельзя, что святое мѣсто опакощено!

— Почему же опакощено?

— Мертвому спокой требуется. Онъ, вѣдь, что во храмѣ. У него руки-то благоговѣйно на груди крестомъ сложены, и въ персты ему молитва дается. Ну, значитъ, непрестанно молится, а тутъ, черезъ нору-то

эту, братія бѣгаетъ изъ мастерскихъ въ обитель, изъ обители въ мастерскія. Гдѣ же тутъ ему спокой?

— Да вѣдь покойники не чувствуютъ!

— Не чувствуютъ, какъ же!.. Вы на кладбищахъ подолгу сиживали?

— Нѣтъ.

— А вы посидите вечеркомъ, какъ меркнетъ!

— Ну?

— То-то, что ну... Гудутъ!

— Кто?

— Мертвецы гудутъ.

— Вотъ-те и разъ!

— Самъ слышалъ. Ляжешь это головой на могилу, а въ ней — гу-гу-гу... Точно онъ тамъ молитву читаетъ!

— Да это вы, отецъ Ѳерапонтъ, не того?..

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ, слышалъ. Есть и другіе, которые слышали. А нимъ не дано, потому что, если съ легкимъ сердцемъ придти, ничего не услышишь. Это вѣрно! А ты расположись, чтобы душа у тебя страхъ чувствовала, потому тайна сія велика есть. А при страхѣ и вся остальная къ тебѣ приложится. Нынче большое безстрашіе свирѣпствуетъ, — ну, и гласовъ слышать никому не дано!

Туннелемъ мы прошли въ самый монастырь, къ позолотчикамъ. Тутъ колеровали иконостасы. Послѣ шума и гама мастерскихъ насъ охватила тишина невозмутимая. Слышно было только, какъ муха звонко бьется въ стекло, да изъ рукомойника, висящаго на веревкѣ, капли воды шлепаются о полъ. Работа шла въ полномъ молчаніи. Отецъ Петръ, завѣдующій позолотчиками, безмолвно поклонился намъ и опять принялся за дѣло. Никто не поднялъ головы. Отецъ Ѳерапонтъ, только выйдя отсюда, заговорилъ, да и то шопотомъ.

— Тутъ имъ болтать не приходится!

— При работѣ-то?

— А какъ же? Какое дѣло, гляди, — иконостасъ!.. Тебѣ это слово легко, а монашествующаго оно объ-смлетъ... Ты подумай-ко, сколько иноковъ и богомольцевъ будутъ передъ нимъ слезы проливать! Какія тыщи мятущихся духомъ преклопятъ передъ этимъ иконостасомъ колѣна!.. Это вѣдь страшное дѣло у нихъ, у позолотчиковъ. Не токмо имъ болтать не приходится, но и за всякимъ своимъ помышленіемъ слѣдить надо, чтобы оно было беззлобно, чисто и боговдохновенно. Это, братъ, не то, что тяпъ да ляпъ и — пѣсню пой. Тутъ не споешь!

Отсюда пошли мы къ рѣзчикамъ. Тамъ верховодилъ всѣмъ нѣкто о. Моисей. Работа тоже шла истово и безмолвно. Вышли отсюда, навстрѣчу къ намъ бравый монахъ: клобукъ набекрень, поступь воинственная.

— Погляди-ко, сколь у насъ сей старецъ видомъ побѣдоносенъ. Совсѣмъ по образу не инокъ, а больше на птицу-орла похожъ!

— Кто это?

— Да Авраамъ. Онъ былъ въ Питерѣ городовымъ и много зла совершилъ, но въ ономъ покаялся. Ты какъ полагаешь, ему въ будкѣ видѣніе было. Вонъ онъ какой!.. Хотѣли мы его опредѣлить за рабочими смотрѣть, да нельзя...

— Почему?

— А все въ зубы лѣзетъ. Болѣзнь такая у него, — Господь за прежнее его наказуетъ. Искушеніе, право!.. Ну, рабочіе обижаются, да и для обители зазорно. Говорили ему, да ничего не подѣлаешь. «Не могу, говоритъ, воздержаться, — какъ увижу ихнее неповиновеніе, такъ рука сама...». Мы рѣшили ужъ, что онъ по-

бѣдоноснымъ духомъ одержимъ. Богъ съ нимъ, пущай его!

Посмотрѣли мы и въ переплетную обители, благо недалеко.

— Золотымъ обрѣзомъ мы ужъ можемъ, — пояснили мнѣ. — А богатыхъ переплетовъ пока не дерзаемъ, — матеріалъ боимся спортить!

— А теперь пожалуйте нашъ Вавилонъ посмотрѣть!

— Это что же?

— А водопроводъ. Созиданіе, поистинѣ, удивленія достойное, и тѣмъ наиболѣе, что простыми, немудреными, неискусившимися иноками содѣяно.

XXIV.

Водопроводъ.

У монаховъ все крупное является чудомъ.

Еще накапунѣ говорили мнѣ:

— Завтра мы вамъ покажемъ наше диво дивное. Нѣдра горныя у насъ камень жесткій, и мы его съ Божіей помощью побѣдили. Толцыте — и отверзется вамъ, и дѣйствительно отверзилась гора, и теперь скрозь нее вода по всѣмъ мѣстамъ нашей обители бѣжитъ!

— Вотъ, сказываютъ, наука нужна, а у насъ отецъ Аѳанасій и безъ всякой науки водопроводъ поставилъ, да еще какой! А то наука... механика. У насъ небесная механика дѣйствуетъ, тайная пружина орудуетъ. невидимо какими путями. Поди-ко, поучись у Господа

Бога! Онъ вотъ младенца умудрилъ, и младенецъ созидаетъ!

— Ну, тоже, — вступился другой монахъ, — отецъ Аѳанасій, слава Богу, сколько годовъ на заводѣ работалъ, пріучился!

— На какомъ заводѣ?.. То — заводъ, а то — водопроводъ!.. На заводѣ онъ вотъ рельцу дѣлалъ!

— Все едино, — умъ ему данъ, онъ и понимаетъ!

— Не умъ, а просвѣтлѣніе!

— Нѣтъ, умъ!

— А я тебѣ говорю — просвѣтлѣніе!.. Снизошло, — ну, и можетъ онъ разобрать. Вонъ отецъ Памва уменъ, — какія книги читаетъ! И отецъ Гермогенъ — тоже, даже по-аглицкому можетъ. А пущай-ка они водопроводъ созиждутъ!

— У нихъ умъ другой. У нихъ словесность дѣйствуетъ, а нашъ отецъ Аѳанасій словесности не можетъ. У него словесности нѣтъ!

— То-то и есть. Замѣсто словесности — просвѣтлѣніе!

На другой день утромъ я дѣйствительно увидалъ чудо.

Валаамскій водопроводъ — сооруженіе грандіозное въ той обстановкѣ, въ которой онъ находится. Сквозь гору сверху внизъ пробита жила насквозь до самой рѣки. Въ этой жилѣ устроено сто семьдесятъ ступеней, по которымъ вы можете сойти къ водѣ. Ступеньки лѣстницы устроены надъ трубой водопровода. Жилу рвали порохомъ и сводъ надъ ней вывели изъ кирпича. Сумракъ охватываетъ, когда спускаешься туда. Точно идешь въ какое-то подземное царство, гдѣ рождаются ключи, и умные гномы собираютъ среди вѣчнаго мрака свои сокровища. Каплетъ съ потолка, сочится со стѣнъ.

Вверху выбиты кое-гдѣ окна, и таинственный полусвѣтъ оттуда придаетъ лицамъ почти мертвенную блѣдность. Чѣмъ ниже вы опускаетесь, тѣмъ болѣе вамъ кажется, что назадъ уже возврата нѣтъ, что съ каждою ступенькой все дальше и дальше, все безповоротнѣе уходите вы отъ свѣта, тепла и жизни въ мракъ, холодъ, въ безмолвіе могилы.

— Да, тутъ была работа! Вся братія о Христѣ потрудилась... И игуменъ руки приложилъ. Началъ отецъ Аѳанасій дѣло-то вести, сколько одного смѣху надъ нимъ было, — не по силамъ-де на рамена свои ношу возложилъ. Ну, а онъ, дай ему Богъ, смиренно, бывало, поклонится братіи, да за дѣло свое опять. Увидѣла братія его непреклонность, — помогать стала!

Безмолвіе было только наверху. Чѣмъ ниже опускались мы по влажнымъ ступенькамъ, тѣмъ явственнѣе слышались какіе-то мучительные вздохи, точно изъ горныхъ нѣдръ неслись они. Казалось, что тамъ, въ самомъ сердцѣ этой гранитной массы, замурованный навѣки, мятется и вопитъ о пощадѣ невѣдомый великанъ. Еще нѣсколько десятковъ ступеней — и дѣло объясняется. Во мракѣ, внизу, что-то двигается. Какія-то желѣзныя руки по временамъ тускло поблескивали, будто утомленный труженикъ вскидывалъ ихъ кверху, желая вырваться изъ крѣпко приковавшихъ его къ скалѣ цѣпей.

— Это у насъ вторая паровая машина. Она въ зависимости отъ той, что вы видѣли въ мастерскихъ!

— Въ самомъ низу колодезь запертъ рѣшеткой, а этому колодцу четыре сажени глубины, и весь онъ высверленъ въ гранитѣ!

— Вѣрно узкій?

— Ну, пѣтъ. Онъ четырехугольный, и каждая сторона въ аршинъ. Отъ него высверлена труба въ воду и продолжена до средины пролива, чтобы брать воду не «съ краю», т. е. не съ берега, а съ средины рѣки!

Этотъ колодезь внизу — точно адская щель какая-то. Едва-едва глазъ различаетъ въ немъ смутное очертаніе машины, слышно хрипѣніе насоса, и кажется, что тамъ, на днѣ колодца, совершается какое-то черное злодѣяніе, кто-то душитъ жертву и не даетъ ей даже возможности вскрикнуть. Жертва хрипитъ и бьется.

— Въ нѣмецкихъ сказкахъ читалъ я, — пояснилъ мнѣ образованный монахъ, — о чудесныхъ существахъ, что въ горѣ самой живутъ. Ну, когда я одинъ здѣсь стою, мнѣ такъ и кажется, что это они возятся!

Оглянувшись назадъ, я изумился длинѣ этой громадной жилы водопровода.

— Неужели опять вверхъ придется подыматься

— Зачѣмъ-же? — Вотъ . . .

Яркій свѣтъ Божьяго теплаго дня блеснулъ въ глаза. Отецъ Виталій отворилъ дверь, устроенную въ самомъ низу, въ одной изъ стѣнокъ жилы. Ярко такъ, что глаза пришлось зажмурить. Вѣтеръ прямо съ горъ сегодня благоуханіемъ цвѣтовъ обноситъ. Жадно послѣ этой холодной и сырой дыры легкія пьютъ ароматъ весенняго дня. Рѣка внизу зыблется и мерцаетъ подъ солнцемъ. Острова млѣютъ въ его живительномъ теплѣ.

— Вонъ видите скалу?

Въ проливъ обрушивается утесъ. Онъ-то и пробитъ водопроводною жилой. Подъ водой изъ него идетъ чугунная труба въ середину пролива. Отсюда изумляешься высотѣ, на которую поднята вода. Когда началъ о. Аѳанасій строить свой водопроводъ, его увѣряли пріѣзжавшіе сюда на богомолье спеціалисты, что онъ задумалъ

дѣло не по разуму, что его предпріятіе не удастся ни подъ какимъ видомъ. Но о. Аѳанасій, какъ выражаются монахи, одержимъ упорствомъ. Это одинъ изъ тѣхъ людей, что, разъ увѣровавъ въ успѣхъ своего дѣла, не оставитъ его и не устанетъ, а неуклонно подойдетъ къ цѣли, не бросаясь ни въ одну, ни въ другую сторону. Препятствія питаютъ его энергію, неудачи раздуваютъ ее яркимъ полымемъ. И при этомъ скромность выше мѣры. Ни по стѣнамъ гранитной жилы, ни внѣ, на крестѣ, воздвигнутомъ въ благодарность за оказанную Богомъ помощь при ея созиданіи, нѣтъ имени строителя. Простая и ничего не говорящая сердцу надпись: «Поднята вода 1863 года декабря 12 дня». Вотъ и все! Даже не прибавлено, на какую высоту это сдѣлано, и сколько времени потребовалъ для своего осуществленія нечеловѣческій трудъ прежде, чѣмъ монахъ на верху горы могъ пить воду, текущую внизу, не сходя къ ней по старымъ, ужъ и тогда развалившимся, ступенямъ.

Когда мы возвратились назадъ, намъ повстрѣчался о. Аѳанасій. У него только глаза поблескивали, когда онъ разсказывалъ объ этомъ сооруженіи. И ни слова о себѣ. Все «братія», «братія», «отецъ игуменъ Дамаскинъ» — и только. Теперь вглядываясь въ это простое, совсѣмъ простое лицо, я понялъ и эту энергическую складку губъ, и этотъ спокойный, спокойный, но, при всемъ своемъ кажущемся спокойствіи, страшно-упорный взглядъ добродушныхъ глазъ. Это дѣйствительно упрямая, не знающая препятствій сила.

И опять-таки пришлось дивиться мнѣ, какъ дивился я прежде. Куда ты прячешься великая русская сила? Въ какія трущобы нужно загнать тебя, чтобы ты появилась живучая, создающая все изъ ничего? . . Тотъ же о. Аѳанасій, работая на Бердовскомъ заводѣ подъ нача-

ломъ англичанъ и нѣмцевъ, далѣе десятника не пошелъ и сгинулъ бы со всѣми своими планами, начинаніями, со всею своею громадною энергіей. Къ чему былъ бы ему тамъ, въ этомъ царствѣ машинъ и труда, его умъ? А тутъ, гдѣ ничего не было, *между своими,* простой среди *простыхъ,* онъ развернулся съ неожиданной мощью.

XXV.

Упраздненная пустынь и заштатные подвижники.

Пыхтѣніе машинъ, визгъ буравовъ о желѣзо, стукъ молотковъ, свистъ кузнечнаго пламени, трескъ взрываемыхъ утесовъ — все это далеко осталось позади, точно и не было его, этого современнаго намъ Валаама, съ его громадною строительною дѣтельностью, съ его не совсѣмъ монашескимъ попеченіемъ объ утріи, съ его мастерскими, водопроводами, заводами, образцовыми фермами, смолокурнями, конюшнями, похожими на дворцы, и дворцами, болѣе подходящими къ типу конюшенъ, съ ея мертвящею дисциплиной и эпическими фараонами подъ клобуками игуменовъ.

Вокругъ — лѣсное царство. Опять важныя сосны торжественно возносятъ къ небу, словно жертвы, свои вершины, въ кудрявыхъ березахъ весело играетъ солнце. Золотые блики его бѣгутъ передъ нами по дорожкѣ, тѣни слѣдуютъ за нами. Меланхолическій черный дроздъ заводитъ въ пустынѣ свою поэтическую пѣснь, и, слушая его на вершинахъ лѣса, полный нѣги, словно задумавшійся качается тихій вѣтеръ.

Меня ведетъ за собою о. Пименъ, этотъ живой про-

тестъ противъ нынѣшняго, созидающаго пирамиды Хеопсовы, монашества; ученый, умный инокъ изъ стараго типа подвижниковъ, точно цѣлые вѣка проспавшій въ землѣ и проснувшійся для того, чтобы на мѣстѣ старыхъ пустынь, затерянныхъ по бездорожьямъ, забытыхъ среди дремучихъ лѣсовъ, увидѣть заводы подъ монастырскими куполами, фабрики, обнесенныя иноческими стѣнами, — вмѣсто прежнихъ отшельниковъ, непрестанно, среди безмолвія окружающей ихъ природы, бесѣдовавшихъ съ Богомъ, застать чернорабочихъ и мастеровъ подъ рясами, механиковъ подъ клобуками... Съ сожалѣніемъ онъ всматривается во все что творится вокругъ него. Я бы сказалъ — съ презрѣніемъ, если бъ иноческая складка допускала это чувство. Тутъ, въ этомъ безлюдномъ лѣсу, ему дышится легче. Онъ всматривается кругомъ и повсюду отыскиваетъ слѣды древняго подвижническаго Валаама, когда монашество было рыцарствомъ и блюло свои обѣты. Теперь оно стало буржуазіей и торгуетъ въ лавкахъ.

— Тутъ, въ величайшей глуши, жили пустынники, — грустно разсказываетъ о. Пименъ. — Зимою ихъ запосило снѣгами. Они слышали только голоса бури да свистъ метели. Ну, а заходили пароходы и — подвижничеству конецъ пришелъ. Начали богомольцы соваться въ пустыни, и уединенія не стало. Многіе старцы любопытствомъ мірянъ соблазнялись, начали превозноситься. Отъ пустыннаго житія только одинъ грѣхъ вышелъ. Былъ выходъ — скиты поставить и мірянъ туда не пускать. Дамаскинъ и сдѣлалъ такъ, послѣдній ударъ отшельничеству нанесъ. Это ужъ не пустыни, — по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ живутъ... Единенія съ Богомъ и нѣтъ!

Сосновая глушь тѣснѣе и тѣснѣе сдвигалась кругомъ.

Кое-гдѣ на стволахъ деревьевъ были прибиты кресты изъ кусковъ досокъ. И стволы эти ужъ отъ старости тысячами морщинъ покрылись, и на позеленѣвшихъ крестахъ мохъ проросъ. Видимо, давно это было, — такъ давно, что развѣ только вѣковыя сосны могли бы разсказать объ инокахъ, которые, бродя по этимъ дремамъ, наколачивали кресты на кору деревъ, тогда еще молодыхъ, изгоняя духа зла изъ своей возлюбленной пустыни.

— Жили тутъ старцы... Схимонахъ Сергій да инокъ Афанасій голоса человѣческаго не слыхали. Изъ братіи кто по усердію придетъ къ нимъ, — затворятся, на стукъ отзыва не подаютъ. Ну, потолкутся, потолкутся гости, видятъ — уединился старецъ — и прочь пойдутъ. Теперь рѣдкіе ходятъ сюда... Рѣдкіе!.. Питать свое чувство. Вся-то земля здѣсь моленная да слезами кропленная!

Опять кресты позеленѣвшіе на корявыхъ стволахъ. Вершины тихо шумятъ надъ ними. Гулъ какой-то идетъ вверху, — гулъ, не нарушающій тишины благоговѣйной. Гуще и гуще лѣсъ, громче пѣсня дрозда, дорога ушла куда-то. Внизу — топь, изъ-подъ ногъ вода сочится, свѣжая трава клонится безсильно подъ ними. Бѣлый болотный цвѣтъ съ сильнымъ ароматомъ курится намъ навстрѣчу.

Яма какая-то; въ ней видны сгнившія балки. По одной совсѣмъ мохъ прошелъ, — разрыхлѣвшее дерево стало для него чудесною почвою. Землянка была древле; надъ землянкой крыша. Она-то и обвалилась вся... Дно ямы зеленымъ сукномъ обтянула мелкая сырая поросль. Шагахъ въ двадцати отсюда немощно покосился черный, черный крестъ, — точно и ему тяжело подъ бременемъ лѣтъ стоять здѣсь. Клюку бы старцу, да некому дать ее, и стоитъ онъ, сгорбясь, покорно и молчаливо, ожидая,

когда буря или собственное безсиліе уложитъ его въ ту же мокрую топь.

Сердцу говоритъ это запустѣніе, вызываетъ цѣлый рой видѣній изъ далекаго прошлаго. Воскресаетъ древнее иночество, подвижнически убѣгавшее отъ міра, клявшее людей, питавшееся духомъ уединенія и созерцаніемъ, ничего общаго не имѣвшее съ нынѣшнею экономическою мощью обители.

— Безъ пышности жили тогда старцы . . . Сколь она нехороша, эта пышность иноческая, нынче . . . — раздумчиво роняетъ о. Пименъ, окончивъ молитву надъ развалившеюся землянкой. Самыя бревна ея кажутся пропитанными слезами, которыя здѣсь, въ страшномъ и вѣчномъ одиночествѣ, лились изъ тусклыхъ, ослѣпшихъ глазъ каявшихся старцевъ!

Еще съ полверсты . . . Лѣсъ мрачнѣе сталъ, точно насупился. Величавыя сосны смѣнились схимническими, нахмуренными елями, простирающими книзу свои темныя вѣтви, точно они ревниво стерегутъ что-то отъ посторонняго глаза. Холмъ. На немъ опять позеленѣвшія балки. Тутъ ужъ путь буреломомъ заваленъ. Едва продираешься сквозь. Ничьей ноги здѣсь, видимо, давно не бывало, никто не проложилъ къ древнему Валааму новаго слѣда. Колодезь вырытъ въ сторонѣ. Ничего общаго съ нынѣшними, обшитыми гранитомъ, высверленными въ скалахъ, отнятыми у горныхъ нѣдръ, — старый, простой, какъ иноки того времени. Колодезь этотъ обложенъ деревомъ. Дерево сгнило, проросло. Внутри неподвижно, какъ и все кругомъ, стоитъ вода. Кругомъ тихо, ветхо, скудно, пустынно . . .

— Здѣсь иноческой поэзіи больше. Тутъ, видимо, людямъ здѣ пребывающаго града не нужно было, они и не созидали его, — грядущаго искали!

Какія созерцанія возможны были среди этой убогой обстановки, подъ гулъ великолѣпнаго лѣса кругомъ! Воображеніе невольно рисовало эту эпоху, когда рядомъ уживались: залегшій въ свою берлогу медвѣдь и занесенный въ своей землянкѣ снѣгами пустынникъ. Оба — въ вѣчномъ мракѣ. Представляешь себѣ сгорбленную, съ нависшими бровями и отяжелѣвшими вѣками, сухую фигуру отшельника, безмолвно слушающаго свистъ метели и трескъ ломающихся подъ тяжестью снѣга вѣтвей, — слушающаго во тьмѣ, еще болѣе усиливающей впечатлѣніе. Какіе голоса должны были ему звучать въ безсмысленномъ, гнѣвномъ ревѣ зимней непогоды, — какія видѣнія являлись полуослѣпшимъ глазамъ среди этой безразсвѣтной ночи! И если они повѣствуютъ объ ангелахъ, сверкавшихъ въ этомъ мракѣ, объ откровеніяхъ, долетавшихъ до нихъ съ небесъ, покрытыхъ густыми тучами — *я* вѣрю и этимъ ангеламъ, и этимъ откровеніямъ, какъ вѣрю въ то, что факиру улыбается Брама, что съ Моисеемъ изъ горящей купины разговаривалъ самъ Богъ... Они, дѣйствительно, видѣли и слышали, но видѣли и слышали творившееся не въ дѣйствительномъ мірѣ, а въ нихъ самихъ, какъ мы въ безсонныя ночи видимъ лица и слышимъ голоса дорогихъ и милыхъ людей, разлученныхъ съ нами тысячами верстъ или десятками лѣтъ. Пусть они, эти люди, давно спятъ въ могилахъ, — все равно, передъ душевнымъ окомъ разверзнутся могилы, воскреснутъ спящіе въ нихъ мертвецы.

Опять землянка; надъ нею на два ската кровля. Лопарская вѣжа совсѣмъ, изъ такихъ, какія я встрѣчалъ на Мурманѣ и въ Лапландіи. На жердяхъ кровли дерну настлано. Дернъ давно проросъ кустарникомъ.

— Чѣмъ питались монахи?

— Разно. Одни муку замѣшивали на водѣ и ѣли

такъ прямо. Другіе, Богъ знаетъ . . . какъ Іоаннъ въ пустынѣ. Только тутъ дикаго меду нѣтъ!

— Да и акридъ что-то не видать!

— Кору ѣли! Были такіе, что по мѣсяцамъ не приходили за пищей!

— Какая тишина!

— Здѣсь хоть и тишина, а говору бездна. Какая-то проповѣдь о подвижничествѣ безмолвная. Нынѣ слишкомъ много удобствъ, слишкомъ мало для души . . .

— Въ этихъ удобствахъ есть много хорошаго!

— Не для обители и не для иночества . . . Водопроводы вонъ вывели, — «чудо!» — кричатъ. А какое чудо? Мы прежде по обледенѣлой кручѣ, едва держась за ветхія перила, идемъ воду брать . . . Вверхъ ее, потомъ обливаясь, возносимъ. Скользко, земля изъ-подъ ногъ уходитъ, — вотъ-вотъ внизъ слетишь. А все вверхъ, все вверхъ — и чувствуешь, что тебя ангелъ Господень держитъ, самъ окрыляешься. А теперь вода сама бѣжитъ къ тебѣ, и ангеловъ не стало!

О. Пименъ — дворянинъ, ему аскетизмъ нуженъ. Какъ это ни странно, а пытливый умъ, просвѣщенный наукой, ищетъ именно умерщвленія плоти. Такими типами и держалось подвижничество. Крестьянинъ — совсѣмъ не то: тотъ, и отрицаясь міра, и хоронясь заживо, все на хозяйство бьетъ, скопидомничаетъ на себя, ширится и растетъ общиною.

— Ужъ ширяться, такъ съ главнаго начинай! . . Подыми соборъ, чтобъ онъ къ звѣздамъ небеснымъ возносился, чтобы колокола у самыхъ тучъ благовѣствовали. Возведи стѣны, чтобы онѣ дѣйствительно знаменовали отреченіе отъ міра. Поставь келіи . . . А то у насъ вонъ копюшки да мастерскія обитель давятъ. Мала она въ сравненіи съ ними. Теперь ежели стать имъ монастырь

возносить, воздвигать его по новому плану, — средствъ и не хватитъ.

Протестъ о. Пимена — не одиночный. Тѣмъ не менѣе старое подвижническое начало совсѣмъ отошло назадъ. Русскіе монастыри всѣ вообще какъ-то сбиваются на хозяйственную жилку. Святость — святостью, а прибытокъ самъ собою. Этимъ на Аѳонѣ русскіе даже злобу у грековъ вызвали. Грекъ монахъ — тотъ, какъ клещъ, чужое тѣло сосетъ, а самъ ничего не производитъ. Русскій инокъ и отъ приношеній не прочь, да и самъ не сидитъ, сложа руки, а труждается и воздвигаетъ башни вавилонскія.

— Тоже и наши хороши на Аѳонѣ! — какъ-то сообщилъ мнѣ одинъ инокъ, побывавшій тамъ.

— А что?

— Да какже, у нихъ сборщикъ — по всей Россіи, онъ всю Русь сосетъ, а все-таки греческій складъ монастырской жизни больше содѣйствуетъ монашеству!

— Какъ смотрѣть на обители! — продолжалъ о. Пименъ. — Если они — идеаловъ носители, народу свѣтильники, то сіи изъ дебрей и пустынь ярче сіяли ему и громче говорили издали. Планеты ярко свѣтятъ, а приблизиться къ нимъ, — темны, какъ и земля. И народъ это понимаетъ. Прежде къ обителямъ и уваженія больше было... А нынче все на прибытокъ пошло... Обителю легче чѣмъ кому-либо пріобрѣтать... «Ради Бога!» — это великое слово, страшный глаголъ! На послѣднемъ-то судѣ — на вѣсахъ — что оно вытянетъ?.. Скажи-ка его игуменъ старушкѣ какой-нибудь, либо богобоязливому мужу, — все съ себя снимутъ. Дѣтей оберутъ, а въ монастырь «ради Бога» принесутъ. Ты и подумай, легко ли это... А нынѣшнія обители такія словеса постоянно говорятъ!

Какіе тутъ цвѣты пышные попадаются на пути!.. Не вѣрится, — да полно, на сѣверѣ ли я?.. О. Пименъ обошелъ одинъ изъ цвѣтковъ, чтобы не наступить на него. Другой монахъ при такомъ же случаѣ замѣтилъ:

— Вотъ въ этомъ кринѣ сельномъ болѣе мудрости, чѣмъ во всѣхъ книжкахъ нашихъ. Цвѣтокъ какъ мудрецъ душѣ глаголетъ. Онъ — тоже книга, только смятенному духу закрытая, а пустынножителю ясная и понятная. Сія книга умная. У нея каждый лепестокъ — страничка!

Онъ сорвалъ цвѣтокъ и, не замѣчая самъ, помялъ, помялъ его и, бросивъ, наконецъ, этого великаго мудреца на землю, въ раздумьѣ наступилъ на него, не прочитавъ.

— Однако земные мудрецы разгадали все — и составъ, и жизнь вашего растущаго и благоухающаго мудреца-цвѣтка, и не только разгадали, но и поставили его какъ солдата въ шеренгу — на свое мѣсто!

— Вашу мудрость, — прервалъ меня монахъ, — преподобный Исаакъ Сирянинъ называетъ нагимъ видѣніемъ!..

— А что такое нагое видѣніе?

— Да нехорошо... вотъ что!

Когда я совсѣмъ углубился въ эту пустыню, таково было вліяніе зеленаго лѣса, — покоя, царствовавшаго здѣсь, въ этой тѣни, — тепла и свѣта, скользившаго золотыми струями по листьямъ ивъ, на мягкія нѣжныя поляны, — что мнѣ самому стало понятно исканіе уединенія и безлюдья. Сюда нужно уходить извѣрившимся, разбитымъ судьбою.

— Разумѣется, людямъ, выдержавшимъ великія несчастья, хорошо было здѣсь!

— Ну, это еще не поводъ къ монашескому житію! — замѣтилъ о. Пименъ.

— Да вѣдь большая часть . . . — началъ было я.

— Вотъ видите ли, у такихъ особаго произволенія къ иночеству не бываетъ, а вступающій съ малымъ произволеніемъ въ монастырь съ первыхъ шаговъ по подвижническому пути ужасается лютости врага и устремляется въ бѣгство. Только три достаточныхъ основанія признаетъ Іоаннъ Лѣствичникъ къ оставленію міра: любовь къ Богу, желаніе будущаго царствія и сознаніе множества грѣховъ!

Нужно сказать правду, я съ сожалѣніемъ оставлялъ эту зеленую пустыню. Въ ней чудилось что-то величавое. Какіе-то гигантскіе силуэты возникали въ воспоминаніяхъ о далекомъ прошломъ, — силуэты, заслонявшіе и эти пирамиды, поставленныя новыми иноками, и ихъ машины, пароходы и всю экономическую мощь. Старый Валаамъ выдвигался изъ тумана вѣковъ — суровый, полный лишеній . . . Казалось, вотъ-вотъ изъ чащи послышится старческій голосъ, и, постукивая передъ собою клюкой, двинется на меня оттуда полуослѣпшій схимникъ — отшельникъ, точно сейчасъ только вырытый изъ могилы . . . Выходя изъ лѣса, я еще разъ оглянулся на эту послѣднюю страницу древняго иночества, только-что прочитанную мною.

Новое идетъ иными путями . . . Это — та же соціальная община, только съ президентами особаго рода, несмѣняемыми и, если хотите, нетлѣнными: Сергій и Германъ — на Валаамѣ, Зосима и Саватій — въ Соловкахъ. Здѣсь пока соціализмъ нашелъ безпрепятственное осуществленіе своей идеи. Не указаніе ли это для будущаго? Не поучиться ли здѣсь, какъ работать всѣмъ и за вся? . .

XXVI.

Валаамская академія художествъ. — Валаамскіе Рафаэли. — Ризница и библіотека.

Я уже говорилъ, какъ меня поражали чистотой отдѣлки, нѣжностью и, если такъ можно выразиться, женственностью кисти работы валаамскихъ художниковъ. Странно было бы уѣхать изъ монастыря, не познакомившись съ тѣми, которые прятались подъ безразличную подпись: «трудами валаамскихъ иноковъ».

— Да сколько же ихъ всѣхъ у васъ?

— Трое. Они и снабжаютъ скиты, часовни и обитель самую. Мы даже другимъ монастырямъ и бѣднымъ сельскимъ церквамъ даримъ иконы ихъ писанія. Особливо одинъ у насъ есть — молодой. Можно сказать, даровалъ ему Господь талантъ на пользу братіи, — такой талантъ, коему и свѣтскіе громогласные художники вотще позавидовать могутъ!

Этотъ молодой живописецъ до сихъ поръ у меня въ памяти: маленькій, тщедушный; волны золотистыя волосъ на головѣ шапкой стоятъ, и никакимъ гребнемъ не разберешь ихъ; грустные, добрые глаза; блѣдное, кажущееся измученнымъ, лицо.

— Братъ Алексѣй! Вотъ на твою работу пришелъ свѣтскій писатель посмотрѣть!

Онъ сконфузился, покраснѣлъ, заторопился чего-то.

— Что жъ, смотрѣть нечего... Какая это работа!

— Совсѣмъ онъ дѣвушка у насъ, — всего стыдится.

— У меня тутъ эскизы пока.. Новыя картины задумалъ. Еще писать не могу, — не тотъ духъ...

Валаамскіе Рафаэли. (Стр. 165.

— Онъ у насъ такъ не пишетъ; а какъ снизойдетъ на него, онъ сейчасъ боговдохновенно . . .

Я осмотрѣлъ эти эскизы: Закхей на деревѣ, приглашающій Христа, Исцѣленіе прокаженныхъ и другіе. Сколько жизни въ постановкѣ фигуръ, сколько пониманія событій! Видимо, каждая вещь долго и благоговѣйно обдумывается.

— Отецъ Алексѣй поучился даже нѣсколько времени въ академіи. Обитель его послала туда, да онъ быстро вернулся!

— Пользы мало?

— Нѣтъ, какъ мало! Наука . . . А то, что я сталъ тосковать по Валааму, грудь начала болѣть. Докторъ сказалъ, возвращайтесь туда, — тутъ вы себѣ чахотку наживете . . . Я вернулся. Здоровъ нынѣ. А работать тамъ чудесно. Совсѣмъ иначе, — передъ собою такіе образцы видишь . . . Тутъ меня тоже поощряютъ. Сказали: какъ напишешь «исцѣленіе слѣпорожденнаго», такъ мы тебѣ и выпишемъ французскую иллюстрацію. Ну, и выписали . . . Тоже вотъ, когда Закхея кончу, мнѣ англійскую выпишутъ!

На какія жалкія, ничтожныя средства дѣлается все это — и сказать трудно. Талантъ поощряется лубочными иллюстраціями. Обидно и досадно становится за него. Живая душа, бьется. Даже еще хуже — не бьется, а примирилась, считаетъ мѣсто это лучшимъ на всей землѣ, а рясу свою и скуфейку — высшимъ счастьемъ... Понятно, если талантъ мало-по-малу заглохнетъ. Скоро эти грустные глаза погаснутъ, а живое, выразительное лицо, на которомъ постоянно смѣняются впечатлѣнія, приметъ сухую иноческую складку, — тогда и чистыя линіи рисунка огрубѣютъ. нѣжныя краски поблекнутъ, въ фигурахъ умретъ жизнь, а изъ художника, обѣщав-

шаго многое, выработается простой шаблонный иконописецъ... Я, поразспросивъ кое-кого, узналъ его грустную повѣсть. Сынъ какого-то мѣщанина, онъ рано началъ обнаруживать дарованіе — не послѣднее. Дома его не понимали, мѣшали работать, били даже. Попеволѣ монастырская клѣтка, гдѣ кисть изъ рукъ у него не отнимали, кажется захирѣвшему художнику раемъ. Онъ тутъ и другія послушанія исполняетъ, когда его «благословятъ» на нихъ, — служитъ за трапезой «со униженіемъ». Эхъ, горькая ты судьба русскихъ талантливыхъ людей!.. Горше твоей нѣтъ. И въ какихъ закоулкахъ расцвѣтаютъ иногда пышные цвѣты! Вотъ, напримѣръ, отецъ Наоанаилъ. Онъ — отставной кавалерійскій солдатъ. Лѣтъ двадцать въ сѣдлѣ провелъ съ пикой въ рукахъ, — кажется, ужъ до художества ли тутъ. А посмотрите, какіе образа пишетъ. Для заправскаго художника, разумѣется, плохо, но для него — лучше требовать нельзя. Вы видите отсутствіе техники, незнаніе азбуки рисованія, но въ каждой мелочи сквозитъ дарованіе, артистическая искра такъ и бьетъ въ глаза... Третій еще только начинаетъ работать.

— Что жъ вы дѣлаете, когда не работаете?.. Читаете?

— Свѣтскія книги запрещены намъ. Читаемъ божественныя, больше размышляемъ!

— Молчимъ! Въ безмолвіи духъ питается...

— Кто молчитъ, тотъ не грѣшитъ!

— Грѣшить можно и помысломъ!

— А ты такъ умѣй молчать, чтобы въ тебѣ даже и помысла не было!

Я ушелъ отсюда въ библіотеку, гдѣ заперто за стеклами шкаповъ до восьми тысячъ томовъ богословскаго, историческаго и техническаго содержанія. Есть и на

другихъ языкахъ. Между книгами я замѣтилъ нѣсколько библіографическихъ рѣдкостей. Дамаскинъ на книги средствъ не жалѣлъ, и я здѣсь видѣлъ изданія очень дорогія. Ученые монахи, въ родѣ о. Пимена, пользуются библіотекой невозбранно, остальнымъ же некогда.

— Иноку работать надо... Какая тутъ книга, коли у него рубаха еще вся въ поту и руки отъ устали не двигаются!.. Не до книжекъ... Опять же малоумнымъ быть куда выгоднѣе. Съ малоумнаго спросится меньше, чѣмъ съ высокоумнаго!

— Отъ книгъ и гибель вся! — дѣлился потомъ своими впечатлѣніями одинъ изъ тѣхъ монаховъ, съ которыхъ спросится мало. — Древле змій яблокомъ женъ соблазнялъ, на древа всползалъ для сего, а нынѣ опъ въ книги ядъ свой изливаетъ и черезъ книги хитроумныхъ мужей и сѣдовласыхъ старцевъ громогласно на пути нечестивыхъ ведетъ!..

— «Господи помилуй!» — вотъ единственная книга. Читай ее всегда и спасенъ будешь!

XXVII.

Кладбище. — Непризнанный исторіей Магнусъ II Смекъ.

Глухо шумятъ тѣнистые вязы... Бѣлую стѣну обители всю заслонили они, — не видать ея вовсе за этою колышащейся зеленью. Тихо дремлютъ во блаженномъ успеніи иноки подъ безымянными плитами и однообразными, подернувшимися травой, насыпями. Тихо спятъ, прислушивался я, вовсе не гудутъ, — должно быть, пригрезилось тому монаху, что разсказывалъ мнѣ,

какъ покойники молятся въ своихъ полуистлѣвшихъ гробахъ... Разбитый житейскими бурями и случайно приставшій сюда странникъ даже позавидуетъ ихъ безмятежному сну. Корни цвѣтущихъ кустовъ проникаютъ къ нимъ, надъ ихъ насыпями щебечутъ птицы, стрекоза поблескиваетъ на солнцѣ своими сквозными крыльями, а ихъ, этихъ отдыхающихъ бойцовъ не зоветъ никуда, не тянетъ... «Аще убо живемъ, Господеви живемъ; аще убо умираемъ, Господеви умираемъ» — и больше никакихъ сомнѣній. Сонъ безъ кошмара, сонъ безъ видѣній, безъ грезъ, безъ страстныхъ порывовъ къ невозвратному прошлому...

Какъ придешь сюда, такъ и чувствуешь желаніе хоть прилечь на чужой могилѣ... Такъ тихо, тихо на душѣ становится, точно все тамъ упало, все замерло и не шелохнется... Вода такъ иногда подъ солнцемъ заснетъ, даже борозда не бѣжитъ по ней.

На могилахъ — рѣдко, рѣдко гдѣ-нибудь имя.. Большею частью насыпь или плита, а кто подъ ней — неизвѣстно.

— Отецъ игуменъ говоритъ: зачѣмъ имя?.. Кто что заслужилъ, тотъ то и получитъ. Крестъ у всякаго, а имя зачѣмъ? Твой есмь азъ, спаси мя!.. Богъ знаетъ, Онъ и заберетъ. А имени не надо!

Но вотъ нѣсколько плитъ подрядъ... Господи, все какіе старцы!.. Говорятъ, что недостаточная, исключительно растительная пища коротитъ вѣкъ, а непомѣрный трудъ и совсѣмъ убиваетъ. Приходится здѣсь убѣдиться, что все — чистѣйшая чепуха. Не угодно ли:

Схимонахъ Михаилъ . . . . . 80 лѣтъ.
Монахъ пустынникъ Аѳанасій . . . . 80 „
Схимонахъ Сергій . . . . . 80 „
(изъ коихъ 60 провелъ на Валаамѣ).

Схимонахъ Серафимъ	83	лѣтъ.
„ Ѳеоктистъ	74	„
„ Кириакъ	80	„
„ Авраамъ	95	„
Іеромонахъ Евфимій	70	„
„ Боголѣпъ	84	„
Іеросхимонахъ Евфимій	80	„
Игуменъ Иннокентій	85	„

И всѣ эти старцы, изъ коихъ младшему 70 лѣтъ, улеглись рядомъ. Съ ряду я и взялъ ихъ. Гдѣ доживаютъ въ массѣ до такой глубокой старости?

Надъ одной могилой отецъ Виталій остановился.

— Другъ былъ... Мірской!.. Прибылъ сюда меня навѣстить и заболѣлъ... Сколь душа мятежная была,— жизнью отъ него такъ и вѣяло. Непосѣда, а теперь лежитъ, не двигается и ничего не ищетъ, — ничего ему не надо!.. Только шесть сосновыхъ досокъ — и все готово. Прощай, Иванъ Иванычъ, прощай! Жить бы тебѣ!.. А вотъ тутъ лежитъ шведскій король. Пріялъ кончину праведную у насъ...

— Это и есть Магнусъ?

— Онъ самый!

Простая плита. Сверху шумитъ надъ этимъ, когда-то могучимъ, конунгомъ тѣнистый вязъ. Изрѣдка солнечный лучъ сквозь просвѣтъ вѣтвей скользнетъ на плиту и позолотитъ ее. Тѣни бѣгутъ по ней, какъ волны, которымъ ввѣрялся шведскій владыка.

Стоило родиться далеко-далеко, цѣлые города заставлять склоняться къ своимъ ногамъ, чтобы, въ концѣ концовъ, попасть на Валаамъ, принять схиму и улечься подъ этимъ деревомъ, среди всѣхъ этихъ Боголѣповъ, Серафимовъ, Кириаковъ, Евфиміевъ!. Неужели и ему, этому гордому сѣверному кондотьери, спокойно спится

здѣсь подъ похоронные напѣвы иноковъ и тягучіе, густые удары колоколовъ? . .

Современные историки отрицаютъ достовѣрность этого событія, но легенда сама по себѣ столь поэтична, вѣра въ нее иноковъ такъ непоколебима, что и мы приводимъ ее здѣсь во всей ея наивной простотѣ.

Въ 1371 году смѣлый конунгъ Магнусъ отправился на Ладогу раззорять русскіе предѣлы . . . Бранная потѣха шла первоначально съ успѣхомъ. По хмурымъ берегамъ хмураго озера пылали села и посады, кровь лилась рѣкою, стонъ стоялъ «по всей округѣ». Оставалось одно — обратить въ пепелъ Валаамъ и истребить ненавистныхъ конунгу монаховъ, самыхъ упорныхъ представителей русской національности на этомъ отдаленномъ краѣ. Магнусъ отправился во главѣ множества лодокъ, но, не дойдя и половины пути, смѣлые пловцы были застигнуты бурей . . . Долго ихъ носило сумрачное Нево, долго било утлые струги бѣшеными волнами, — ни одинъ изъ спутниковъ конунга не спасся. Буря утихла... Монахи зачѣмъ-то шли по берегу, звуки какого-то священнаго стиха разносились въ тепломъ и спокойномъ уже воздухѣ . . . Вдругъ вдали показалось на водахъ пролива что-то необычайное. Подошли черноризцы поближе. Плыветъ доска, за нее уцѣпился еле дышащій, весь растерзанный, почти уже мертвый человѣкъ . . . Бросились къ нему, вытащили изъ воды.

— Кто ты?

— Магнусъ II Смекъ, король шведскій!

Оказалось, его нѣсколько дней носили неугомонныя волны озера.

«Старцы, — говоритъ лѣтописецъ, — въ несчастіи короля видѣли особый промыселъ Божій, призывавшій его въ свою ограду, какъ нѣкогда гонителя Савла. Мир-

ныя кущи иноковъ, ихъ убѣжденія, воспоминанія горькихъ дней протекшей жизни сильно взволновали сердце Магнуса. Онъ самъ увидѣлъ въ своей судьбѣ перстъ Провидѣнія и рѣшился остатокъ дней провести въ обители, въ тихой пустыни. Онъ присоединился къ православію и съ именемъ Григорія II Смекъ, въ иночествѣ схимонахъ Григорій, умеръ, и монахи погребли его на своемъ кладбищѣ».

Теперь его почти забыли. Къ могилѣ — ни тропы. Трава кругомъ густая; она заслонила даже наивную надпись на плитѣ. Какой-то черноризецъ-монахъ сочинилъ вирши, вырѣзанныя на плитѣ. Мнѣ о. Виталій указалъ на нихъ, какъ на чудо поэзіи.

— Тутъ богомолица была, она изъ Питера, даже плакала... горькими, горькими слезами... Такъ онъ ее, монашекъ-то нашъ, своимъ стишкомъ проникъ. Вы запишите стишокъ. Стишокъ хорошій, чувствительный. Сколь онъ до сердца пронимаетъ — и сказать невозможно!

Повинуясь ему, я записалъ съ сохраненіемъ правописанія:

На семъ мѣстѣ тѣло погребено
Въ 1371 году землѣ оно предано
Магнуса шведскаго короля
Который святое крещеніе воспрія
При крещеніи Григоріемъ нареченъ
Въ Швеціи онъ въ 1336 году рожденъ
Въ 1360-мъ на престолъ былъ возведенъ
Великую силу имѣя и оною ополченъ
Двоекратно на Россію воевалъ
И о прекращеніи войны клятву давалъ
Но преступивъ клятву паки вооружился
Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился

Три дня и три нощи Богомъ хранился
Отъ потопленья былъ избавленъ
Волнами ко брегу сего монастыря управленъ
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ
Потомъ вмѣсто царскія діадимы
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы
Пожившъ три дня здѣсь скончался
Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался.

Длинные ряды безымянныхъ холмиковъ, поросшихъ сочною травой. Кое-гдѣ покосившійся старый крестъ. Густые вязы и клены тихо колышутся надъ невѣдомыми могилами. Туча набѣжала и уронила нѣсколько слезинокъ, точно и ей стало жаль этой пустынной и скудной жизни, этихъ блѣдныхъ и ничѣмъ не оживлявшихся годовъ затворничества и лишеній... И опять солнце сіяетъ во-всю, опять свѣтъ его дробится внизу на струйкахъ пролива, медленно покачивающаго одинокую шкуну. Когда мы устали и сѣли на одну изъ могилъ, я внимательно слушалъ, «какъ молятся и гудутъ покойники». но, увы, мнѣ «дано не было», и я только различалъ въ травѣ шорохъ разной мелкой твари, тоже пользовавшейся теплomъ и свѣтомъ только одному монашествующему старцу противнаго лѣтняго дня.

XXVIII.

Желѣзняки. — Жертва вечерняя.

— Вы, вѣдь, любите дикую природу?

— Еще бы!

— Ну, такъ я вамъ сегодня покажу такія мѣста, которыя надолго останутся у васъ въ памяти! — предложилъ мнѣ о. Пименъ.

Лошадь вскорѣ была готова. Дорога идетъ чернолѣсьемъ. Дичь и глушь кругомъ. Птица непуганная, — сидитъ и съ мѣста не шелохнется при нашемъ приближеніи. Заяцъ выскочилъ изъ чащи на дорогу, замеръ было на мгновеніе, перевелъ ушами и, отойдя въ сторонку, долго провожалъ насъ, недоумѣвая: откуда это?

— У насъ звѣрю снисхожденіе. На волѣ гуляетъ. Еще по крайнимъ островамъ поганцы чухны тайкомъ бьютъ его, — ну, а тутъ онъ испоконъ вѣка не слышалъ ружья. Тутъ у насъ звѣрь приверженный, ласковый . . . Олень грудно ходитъ, иногда къ самой обители подойдетъ. Воръ только олень, — сѣна не оставляй, на рогахъ разнесетъ. Не столько онъ поѣстъ, сколько разнесетъ.

Лѣсъ добѣжалъ до пролива, а переднія деревья даже внизъ наклонились, точно дно высматриваютъ, нельзя ли на ту сторону перейти вбродъ. Черезъ проливъ насыпной каменный мостъ. Въ одномъ мѣстѣ его разрушило бурей. Завалили гранитомъ да булыжникомъ озеро — и вся недолга. Нѣсколько напоминаетъ это сооруженіе перешеекъ, устроенный соловецкими иноками отъ своего острова къ Муксальмѣ; у соловчанъ только мостъ гораздо грандіознѣе.

— Кто строилъ?

— А инокъ у насъ есть, о. Михей. Для обители потрудился. Онъ же и ту часть, что разводится, сдѣлалъ. Умный инокъ. Какъ Господь его вразумилъ, поди-ко! . . А напередъ того ничего не строилъ.

— Вотъ и Желѣзняки наши!

Изъ моря поднимаются массы гранитныхъ плитъ. На нѣсколько верстъ тянутся онѣ извилистою стѣною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ стоятъ отвѣсами, въ другихъ скалы осыпались и точно отъ старой, обвалившейся

крѣпостной башни обломками легли далеко въ озеро... Прибой бѣсится между ними, взмыливаетъ бѣлую пѣну чуть не до зубцовъ этихъ первозданныхъ стѣнъ. Точно изъ тесаныхъ камней выложены онѣ. Вѣка давно уничтожили цементъ, скрѣплявшій ихъ, и каждый камень, величиною въ утесъ, отдѣлился отъ другого замѣтною черною щелью.

Мы плывемъ вдоль этихъ сооруженій, надъ которыми тысячами лѣтъ работали разныя плутонептуническія силы. Надъ ними непстово разорались гагары, бѣлыя чайки рѣютъ въ прозрачномъ воздухѣ надъ самою кипѣнью прибоя. Направо — такой же расколовшійся, такой же каменный островъ — Дивный... Когда мы нѣсколько повернули направо, все это развалившееся городище стало еще грандіознѣе.

Старыя сказанія невольно приходили на память. Мелькали въ головѣ картины Содома и Гоморры, побитыхъ небеснымъ огнемъ. Воображеніе рисовало перспективы громаднаго города гигантовъ, когда-то, десятки тысячъ лѣтъ тому назадъ, гордо возвышавшагося здѣсь изъ бѣшеныхъ волнъ безбрежнаго Нево... Невѣдомо за что городъ былъ затопленъ имп. Не отъ ветхости развалился, а застигнутъ дивнымъ катаклизмомъ чего-то содрогнувшейся природы. Море залило основанія этихъ стѣнъ, подножія дворцовъ; длинными проливами ворвалось оно въ пустынныя улицы, внутренними озерами наполнило безлюдныя площади и спокойно плещется тамъ, само давно позабывъ о своей стародавней побѣдѣ... На цѣлыя версты тянутся эти развалины. Вѣтромъ нанесло на нихъ иззубренныя вершины землю, а за землю уцѣпились корни сосенъ... И самыя сосны эти давно уже постарѣли, нахмурились и наклонились съ своей высоты надъ озеромъ.

Крики гагаръ, шумъ прибоя, отдаленный гулъ зеленыхъ вершинъ. Мы пристаемъ къ Желѣзнякамъ.

Ветхій, сѣдой монахъ идетъ-колышется навстрѣчу. Глаза уже давно не щурятся на свѣтъ... Руки дрожатъ, ноги ходуномъ во всѣ стороны.

— Кто тутъ?

Точно старый волшебникъ вышелъ къ намъ на безлюдномъ островѣ. Онъ такъ привыкъ къ непроглядному мраку чернаго грота въ самомъ сердцѣ гранитной горы, что съ трудомъ различаетъ вмѣсто людей какія-то смутныя тѣни. И зачѣмъ тутъ люди?.. Они только мѣшаютъ вѣчному торжественному таинству его уединенія.

— А, отецъ Филимонъ!.. Гостя привезъ къ вамъ, въ Аврааміевъ скитъ!

— Гостя?.. Зачѣмъ гостя?.. Какой гость?.. Мірской?

Монахъ воззрился на меня, но, очевидно, ничего не разсмотрѣлъ. Пятномъ я ему казался. Кстати подошла другая братія. Всего живутъ здѣсь трое отшельниковъ, среди тяжелаго молчанія утесовъ и гнетущаго говора волнъ. Отсюда даже и судовъ, проходящихъ мимо, не видать, — не плывутъ они этою сторонкой, — и ни одинъ парусъ не серебрится подъ солнцемъ на спокойномъ просторѣ Ладоги.

— Какая тоска! — невольно вырвалось у меня.

— Пустынникамъ и отшельникамъ чудесно!

— Что жъ хорошаго?

— Надъ ними промыселъ Божій!.. Тутъ точно ты всегда въ алтарѣ находишься. Такое чувство проникаетъ тебя, будто и днемъ, и ночью пастырь незримый надъ тобою безкровную жертву возноситъ!

Золотая чаша этой безкровной жертвы не заставила себя ждать. Ярко ослѣпляя насъ, опустилась она на за-

падѣ въ море, гдѣ совершалось въ это время священнодѣйствіе умиравшаго и пріобщавшагося дня. День умиралъ долго, долго боролся онъ со смертью — голубою смертью сѣверной ночи, пока безсильно не закрылъ свои мало-по-малу тускнувшія очи. Островъ Дивный въ сумеркахъ выдвигался какою-то непривѣтною, грозною массой.

— Отецъ Дамаскинъ на этотъ Дивный островъ хотѣлъ отшельника совсѣмъ одинокаго посадить!

— Что жъ помѣшало?

— Да не созрѣлъ еще отшельникъ... Неоткуда снять его покуда. А хорошо!..

Тогда островъ сталъ бы совсѣмъ могилой для живого трупа.

— Скажите, къ такому отшельнику никого бы не допускали?

— Никого и никогда!

— Ну, а если бъ заболѣлъ?

— Что жъ... Недужный, въ одиночествѣ, тутъ-то онъ и узнаетъ перстъ Божій, тутъ-то онъ и узритъ Бога, заботящагося о немъ или карающаго его!

Что-то изумительное было въ погребеніи живого на гранитной глыбѣ. Лѣсъ, гагары и камень. Небо — вверху, шумныя волны — внизу... И больше никого и ничего. Воображаю, съ какою тоскою бродилъ бы онъ по крутымъ и хаотическимъ осыпямъ этого берега, съ какимъ отчаяніемъ вглядывался бы въ пустынныя дали!.. Не занесетъ ли судьба кого-нибудь, не послышится ли гдѣ-нибудь человѣческое слово, хоть на чужомъ ему языкѣ, хоть совсѣмъ непонятное... И чего же удивляться, если утомленному безмолвіемъ слуху стало бы грезиться, утомленному однообразіемъ скалъ и лѣса глазу — чудиться... И если пустыня населится ду-

хами свѣта и духами тьмы, — если самъ Богъ, грозный и великолѣпный, сойдетъ съ Своего недоступнаго трона на эти утесы, — если заживо схороненный отшельникъ станетъ бесѣдовать съ созданіями своего воображенія, — онъ созрѣетъ. онъ будетъ готовъ. Тогда духовидецъ, являясь передъ здоровыми людьми, заразитъ и ихъ своимъ убѣжденнымъ помѣшательствомъ. Больной, одинокій отшельникъ, вліяя на умы, станетъ со своего безлюднаго утеса тысячи видѣній посылать къ вѣрующимъ ему людямъ!.. Фантомы смутныхъ призраковъ будутъ носиться вмѣстѣ съ вечернимн туманами надъ этою гранитной твердыней, — въ голосѣ бури они заплачутъ, въ легкомъ шумѣ вѣтра засмѣются ему, въ ропотѣ волнъ и говорѣ лѣса станутъ пророцать грядущія тайны. И когда, сгорѣвъ отъ нечеловѣческой борьбы, отшельникъ умретъ въ одномъ изъ черныхъ гротовъ своего острова Дивнаго, — онъ не погаснетъ въ памяти людей, — онъ долго будетъ тревожить ихъ сонъ, долго будетъ являться имъ воочію, въ уединеніи одинокихъ послушаній, то среди скалъ такого же уголка, то въ чащѣ чернаго лѣса. подъ унывную пѣсню дрозда, подъ тихое дыханіе, лѣниво пробѣгающее по вершинамъ лѣса...

XXIX.

Иноческая драма.

— Тутъ вотъ скитъ купца Тимашова есть у насъ!

Мы вошли. Нѣсколько чисто содержимыхъ келій, древнія иконы любопытнаго письма, чудной работы святцы въ видѣ скрижалей. Разсматривая ихъ, я вспомнилъ художественное описаніе такихъ же, сдѣланное г. Лѣ-

сковымъ въ его «Запечатлѣнномъ ангелѣ». Миромъ и тишиною вѣетъ. Заснуть, замереть хочется на время. Энергія падаетъ, умъ перестаетъ работать...

Здѣсь, въ Авраамісвомъ скитѣ, долго жилъ одинокомолодой послушникъ, сынъ милліопера-купца, извѣстный на Валаамѣ своимъ раннимъ благочестіемъ и своею трагическою судьбою.

Назовемъ его хоть Тимановымъ.

Росъ онъ въ фанатической семьѣ, подъ вліяніемъ богомольной матери, вѣчно окруженной странниками, странницами, монахами, инокинями. Ни одного живого слова не слышалось кругомъ, и молодое воображеніе, еще только что окрылявшееся, было занято всевозможными таинственными явленіями, чудесами, разсказами о суровомъ подвижничествѣ, о лишеніяхъ, гдѣ духъ человѣческій являлся побѣдителемъ даже надъ природой... Въ томъ возрастѣ, когда отрокъ, уединяясь отъ товарищей, мечтаетъ о кругосвѣтныхъ плаваніяхъ, о приключеніяхъ подъ горячимъ южнымъ солнцемъ, о дивахъ тропической природы, о царствѣ паукп, въ которое онъ войдетъ полноправнымъ гражданиномъ, о кровопролитныхъ битвахъ, о тріумфахъ, о склоняющихся передъ нимъ знаменахъ, наконецъ, о чудномъ, но пока еще смутно намѣчивающемся образѣ любимой женщины, — Тимановъ въ затхлой, закупоренной отъ всего свѣта, пропитанной дымомъ ладана и запахомъ кипариса спальнѣ своей матери только и грезилъ о сожженныхъ небомъ пескахъ и пустыняхъ Палестины, о дебряхъ Валаама, гдѣ, въ ночной тишинѣ и уединеніи, спасаются отъ козней міра грѣховнаго святые старцы, о безлюдныхъ островахъ Сѣвернаго океана, гдѣ въ самомъ царствѣ мертвящаго мороза можно поставить новыя обители... Этотъ восторженный отрокъ уже отъ души ненавидѣлъ міръ, міръ ему невѣ-

домый, только мелькомъ свѣтившій своими грѣховными соблазнами сквозь просвѣты вѣчно опущенныхъ занавѣсей душнаго дома родительскаго. Несчастный мальчикъ воображалъ себя въ черной мантіи схимника, съ бѣлыми крестами и бѣлыми черепами, нашитыми на грудь, съ страшными глаголами отреченія ото всего, что дышетъ и чувствуетъ, обвивающими вязью его голову... Ему ненавистенъ былъ блескъ молодыхъ глазъ, сила выхоленнаго на купеческихъ кормахъ тѣла... Ему хотѣлось, чтобъ эти глаза скорѣе потускли, загноились, заслезились, чтобъ его щеки ввалились и стали землистыми, чтобы роскошныя кудри жидкими серебряными прядями обрамляли измученное лицо, чтобы руки его стали немощны, ноги слабы... Короче, идеаломъ являлись тѣ самые странники, которыхъ почтительно, подъ руки, съ глубокимъ благоговѣніемъ вводили въ комнаты его матери, — тѣ самые старцы, которыхъ слова казались всѣмъ, его окружающимъ, глаголомъ самого Бога живаго... Даже во снѣ онъ не былъ молодъ, этотъ зачумленный юноша. Онъ не просыпался съ краскою на лицѣ, съ сверкающими глазами, съ порывисто-дышащею грудью... Вскакивая съ постели, онъ не всматривался недоумѣвающимъ взглядомъ въ почную тьму, ожидая увидѣть въ ней другія, зовущія очи... Для него въ воздухѣ весны не былъ растворенъ поцѣлуй любимой женщины, и теплый вѣтеръ мая не будилъ въ его сердцѣ цѣлаго роя еще неуловимыхъ, но уже сладкою истомой охватывающихъ ощущеній. Во снѣ ему являлось все то же призрачное царство подвижниковъ, та же мати зеленая пустыня звала его къ себѣ, въ свои затерянныя кельи, тѣ же сухія иконописныя лица наклонялись къ его изголовью... А когда онъ просыпался, ему казалось, что въ душномъ воздухѣ его спальни еще вздраги-

ваютъ послѣднія отзвучія похоронныхъ молитвъ . . . При тускломъ свѣтѣ лампадъ, замирающихъ передъ почернѣлыми иконами, лица святыхъ принимали грозное выраженіе, и Тимановъ вскакивалъ съ постели и, рыдая, простирался передъ ними ницъ.

Въ такой средѣ росъ будущій подвижникъ.

Четырнадцати лѣтъ онъ, невѣдомо куда, скрылся изъ отцовскаго дома.

Искали, искали — не нашли: Тиманова въ Петербургѣ не было. Только черезъ недѣлю пришло письмо отъ славнаго тогда уже игумена валаамскаго о. Дамаскина. Онъ извѣщалъ отца, что юноша, прибывъ въ обитель, облекся въ одежды послушника, изъявилъ желаніе остаться навсегда въ монастырѣ и рѣшительное намѣреніе не возвращаться въ міръ, при чемъ просилъ самыхъ жестокихъ послушаній. О. Дамаскинъ видѣлъ въ этомъ перстъ Божій. Для опредѣлившагося фанатика-монаха тутъ уже не могло быть вопросовъ и колебаній. Призваніе къ подвижничеству сказывалось, да при томъ же Тимановъ-отецъ — милліонеръ и можетъ быть полезенъ обители. Дамаскинъ зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Въ этой средѣ слово его было властно — и юноша остался на Валаамѣ. Иноки дѣятельно занялись будущимъ подвижникомъ: Тиманова помѣстили на островъ Іоанна Предтечи къ Молчальнику, и юноша сразу попалъ въ тотъ заколдованный кругъ вѣчнаго безмолвія. облитыхъ слезами молитвъ и борьбы съ жизнью, прорывавшейся сквозь всѣ поры его организма, — въ тотъ душный, затхлый міръ, о которомъ онъ такъ давно и такъ неотступно мечталъ.

Проходили мѣсяцы.

Кругомъ шумѣло бурное озеро. Тучи небесныя порою посѣщали отшельниковъ, подолгу застаиваясь на

ихъ утесахъ. Непогоды громовыми раскатами бесѣдовали съ суровою пустыней. Въ таинственной чащѣ лѣса, въ шумѣ тихаго вѣтра, въ шопотѣ листьевъ слышались чудесные голоса. Въ сумракѣ, густившемся между старыми стволами вѣковыхъ сосенъ, въ туманѣ среди утесовъ мелькали какіе-то силуэты, проступали и снова расплывались блѣдныя лица... Юноша жилъ въ чудесномъ сказочномъ мірѣ и когда по ночамъ оставался онъ въ темной, ни одною лампадкой не озаренной церкви, такой же убогой, какъ убога была сама пустынь, — ему мерещилось, что за окнами сошлись и глядятъ на него тысячи призраковъ. Одинъ передъ лицомъ ихъ, онъ свидѣтельствовалъ славу Божію, и призраки съ печальнымъ воемъ улетали отъ вѣщихъ словъ грознаго заклятья. Отрокъ уже повелѣвалъ ими — страшными созданіями своего больного мозга. Скоро самыя стихіи станутъ ему повиноваться, и когда онъ простретъ руку, бурное озеро смолкнетъ у отвѣсныхъ береговъ, туча замретъ на небѣ. вѣтеръ упадетъ наземь, какъ подстрѣленная птица, а громовой раскатъ оборвется на полутонѣ... Возбужденный во время бури, съ поднявшимися дыбомъ волосами, онъ выбѣгалъ на гору изъ своей кельи и, простирая къ небесамъ руки, говорилъ Богу, а когда бѣлый зигзагъ молніи прорѣзывалъ тьму, ему чудилось въ огнистой струѣ знаменіе, а въ грохотѣ бури — откровеніе.

Проходили годы.

Разъ отецъ Тиманова пріѣхалъ сюда. Онъ хотѣлъ съѣздить къ святымъ мѣстамъ поклониться гробу Господнему. Старикъ пожелалъ взять сына съ собою. Опытный, все это переживпій, черноризецъ Дамаскинъ убѣждалъ его не дѣлать этого, — онъ боялся за восторженнаго послушника, который еще не окостенѣлъ, не замуровалъ своей души, не покрылся черною броней иноче-

скаго бездушія... На помощь отцу пришелъ и сынъ. Въ его воображеніи уже легла въ безконечную даль выжженная солнцемъ Палестина, каменныя скалы Вполеема и Назарета рисовались лиловыми тѣнями на золотыхъ пескахъ ея. Священныя стѣны Іерусалима вотъ-вотъ передъ нимъ. Онъ, казалось, самъ уже попиралъ эту землю, гдѣ Богъ являлся человѣкомъ и человѣкъ Богомъ, гдѣ говорили камни, гдѣ въ каждомъ кустѣ, въ каждой куплнѣ чудилась скрытою какая-то священная тайна...

Тимановы поѣхали.

Востокъ на Тиманова не произвелъ ожидаемаго впечатлѣнія.

Онъ видѣлъ, что религія тамъ стала торговлей, чудеса и священные остатки прошлаго — товаромъ, жрецы и монахи — купцами, богомольцы — эксплоатируемыми покупателями. Всюду, на самыхъ священныхъ мѣстахъ, гдѣ сердце его билось живѣе, а глаза застилались слезами дивныхъ воспоминаній, онъ видѣлъ безнаказанное мошенничество, подлогъ и вымогательство... Отчего молчатъ громы небесные? Гдѣ та сила, которая нѣкогда огненнымъ дождемъ истребила менѣе виновные города Содома и Гоморры?.. Первое сомнѣніе родилось у Тиманова, у этого восторженнаго мальчика, тамъ, гдѣ бы, напротивъ, его благочестіе должно было окрѣпнуть и вырасти... Вмѣстѣ съ отцомъ Тимановъ вернулся въ Кіевъ. Тутъ ему пришлось встрѣтить брата, окончившаго курсъ за границею. Это оказался реалистъ до мозга костей, умный діалектикъ, знающій, начитанный. Понятно, какія отношенія должны были развиться между нимъ и мистикомъ, еще не рѣшавшимся снять свою скуфейку... Послѣднимъ вѣрованіямъ его, еще незыблемо стоявшимъ въ душѣ, были нанесены умѣлою рукою роковые удары... Все въ Тимановѣ пошатнулось, туманъ

вокругъ сталъ еще гуще. Гдѣ истина, гдѣ ложь?.. Пути перепутались. Даже ощупью нельзя было двигаться въ этомъ лабиринтѣ, въ этомъ хаосѣ: старыхъ грезъ, колеблющейся вѣры, вошедшихъ въ кровь и плоть привычекъ, жажды экстаза, созерцанія и бѣшенаго вихря сомнѣній, сметавшаго на своемъ пути все, что ему попадалось, и оставлявшаго за собой одну страшную, ничѣмъ не наполненную пустоту... Знаній не было, прошлое не создало никакихъ иныхъ идеаловъ, и когда развѣнчанные идолы упали, оставшійся посреди развалинъ мистикъ не зналъ, куда ему уйти, что дѣлать, къ чему привязаться. Отца Дамаскина подъ руками не было, да едва ли и онъ что-нибудь бы сдѣлалъ. Тутъ боролись не его оружіемъ. — реальныя истины вставали лицомъ къ лицу съ призраками, и темная ночь смѣнилась зловѣщими сумерками, въ которыхъ оказалось еще труднѣе разобраться. Они были настолько именно ясны, чтобы видѣть кругомъ скрытыя ночью опасности, но не настолько свѣтлы, чтобъ указать путь спасенія, выходъ.

Купеческій разгулъ довершилъ остальное. У милліонера оказалась масса друзей, день за днемъ, какъ снѣжники въ метель, неслись головокружительною вереницей. Очнуться было некогда.

Да Тимановъ и не хотѣлъ очнуться.

Такъ шло, не знаю, сколько времени.

Онъ ничему не умѣлъ отдаваться въ половину: какъ въ мистицизмъ онъ ушелъ съ головою, такъ теперь онъ нырнулъ на самое дно водополья. Понятно, что старое должно было сказаться. Когда все кругомъ надоѣло, когда наступили трудные моменты пресыщенія, въ туманѣ обрисовались прежніе идолы. Старыя капища вспомнились, и молодой язычникъ въ суевѣрномъ страхѣ бѣжалъ отъ нихъ опять въ разгулъ, въ развратъ, въ

безшабашное прожиганіе жизни . . . Но прежнее возвращалось все чаще и чаще . . . Голоса, которые когда-то живо говорили душѣ, опять стали слышаться. Въ безсонныя ночи ему чудился таинственный мракъ убогой церкви одинокаго скита, — церкви, окруженной когда-то побѣждавшимися имъ призраками. Передъ глазами рисовались величавыя скалы Іоанна Предтечи, облитыя его слезами, слышавшія его восторженную молитву . . Кругомъ мелькали укоризненныя лица молчальниковъ и схимниковъ. Застоявшійся воздухъ вздрагивалъ и долго трепеталъ отъ чьего-то грознаго и неумолимаго проклятія. Бѣжать назадъ — туда, въ этотъ старый Валаамъ, — бѣжать, броситься на колѣни передъ Дамаскиномъ, вымолить прощеніе, опять уединиться на одинокую скалу среди пѣнистыхъ волнъ . . . Но тутъ являлись сомнѣнія, поколебавшія его вѣру, — новыя истины, чуждыми пришельцами вошедшія въ его опустѣвшее и равнодушное къ нимъ сердце . . . Куда дѣваться, гдѣ выходъ? . . Душа билась, какъ свободолюбивая птица въ клѣткѣ.

Конецъ можно было предвидѣть недобрый. Никто кругомъ не понималъ этого, — не такова была среда!

Измученный окончательно и безповоротно сбившійся со всѣхъ путей, усталый Тимановъ въ одну безсонную ночь застрѣлился. Чтобы покончить со всѣми этими муками, нужно было насквозь пробить черепъ.

Валаамскіе иноки, получивъ краткую телеграмму объ этомъ печальномъ событіи, даже панихиды не отслужили по немъ.

— О самоубійцахъ молиться нельзя — грѣшно!

— Самимъ Богомъ проклятъ онъ былъ достойно и праведно!

— Почему же проклятъ, за что?

— Кто, разъ войдя въ обитель, оставитъ ее, тотъ проклятъ вовѣки, и молиться за него не подобаетъ. Хуже Іуды онъ! — и высокій, сухой монахъ, говорившій со мною, поднялъ руку, точно онъ хотѣлъ еще разъ предать несчастнаго анаѳемѣ.

— Жаль малаго, — говорятъ болѣе добросердечные иноки. — Какой богомольный былъ, — послушный!..

— Отца Дамаскина болѣе чѣмъ родителя почиталъ. Сколько на обитель жертвовалъ! Истинно, рука не оскудѣвала!

— Свободы хотѣлъ... А теперь былъ бы у насъ іеродіакономъ! — вздохнулъ простодушный о. Виталій.

Желѣзняки еще сумрачнѣе показались намъ послѣ этого эпизода.

Возвращаясь назадъ, мы свернули въ сторону. Добрый о. Пименъ хотѣлъ показать мнѣ красивыя озера. Ихъ два, отдѣленныя узкимъ гребнемъ въ двѣ сажени ширины. Тишина кругомъ мертвая. Птица не шелохнется, не дрогнетъ вѣтка. Вода неподвижна. Въ вечернемъ сумракѣ оба озера точно закутались въ облака кудрявыхъ березъ и спятъ. Пусть будетъ тихъ и его сонъ — бѣднаго мученика, не нашедшаго послѣ своей ранней смерти даже слова молитвы...

На одномъ изъ поворотовъ пути олень мелькнулъ мимо.

Издали послышался глухой ревъ буруна. Тягучіе звуки колокола доносились издали печальные, сумрачные...

Пусть будетъ тихъ твой сонъ, жертва вечерняя!

Спи, усталый, — отдыхай, измученный!

XXX.

Отецъ Пименъ. — Борьба началъ.

Кандидатъ университета — убѣжденный монахъ, замѣчательный ученый — мечтающій о схимѣ, талантливый писатель — посвящающій себя защитѣ аскетизма... Этого, какъ Тиманова, жизнь не зоветъ, сомнѣнія его не волнуютъ, — въ немъ все цѣльно, выработано, закончено. Противу всякихъ вопросовъ онъ замкнулся въ броню схоластической діалектики, принимая ея условныя формулы за непреложныя истины. Въ высшей степени симпатичный, кроткій и незлобивый, онъ дошелъ до полемическаго бѣшенства, отвѣчая о. Благовѣщенскому на его книгу объ Аѳонѣ, и въ то же время свою рѣзкую отповѣдь чисто по-монашески назвалъ: «Словомъ любви». Въ дѣйствительности это человѣкъ благожелательный, добрый, съ чуткой и поэтической душой, — несомнѣнно глубокій умъ, развитый еще большимъ научнымъ образованіемъ. Отецъ Пименъ работалъ не только въ университетѣ, онъ и въ обители не отрывался отъ книгъ, которыя свободно прочитываетъ на нѣсколькихъ языкахъ. Среди певѣжественнаго въ этомъ отношеніи Валаама о. Пименъ — явленіе рѣзко выдѣляющееся. Невольно задаешься вопросомъ: какъ онъ не задыхается здѣсь, какъ онъ не ищетъ другой обители, гдѣ бы ему просторнѣе было работать, гдѣ бы среда была болѣе подходящая? .. Предложите ему такой вопросъ, и о. Пименъ съ жаромъ отвѣтитъ вамъ, что лучше Валаама нѣтъ обители, что еще только здѣсь во всей своей чистотѣ сохранилась жизнь иноческая, что онъ давно забылъ своихъ родныхъ, и Валаамъ сталъ его семьей, его домомъ,

его родиной и будетъ его могилой... И Валаамъ тоже относится къ о. Пимену какъ къ своей гордости и славѣ. Ему не только не мѣшаютъ работать, — напротивъ, ему даютъ средства на выписку всевозможныхъ апологетическихъ книгъ, списковъ Священнаго Писанія, казуистическихъ трактатовъ по богословію — и все это, по крайней мѣрѣ, на пяти языкахъ. О. Пименъ — одинъ изъ тѣхъ иноковъ, на которыхъ зиждется строгій складъ валаамской жизни. Онъ — его защитникъ, онъ его осмысливаетъ и поддерживаетъ всѣми мѣрами. По приходѣ въ обитель, онъ прошелъ черезъ всѣ послушанія, и даже на черной работѣ его держали цѣлый годъ. О. Дамаскину, видите ли, любопытно было узнать, нѣтъ ли въ молодомъ кандидатѣ университета гордыни и строптивости. Все это о. Пименъ совершалъ съ кротостью, примирившей съ нимъ самыхъ невѣжественныхъ монаховъ. И о. Никандръ недаромъ говоритъ о немъ:

— Поди-ка другой выдержи такой искушеніе!.. Нашъ о. Пименъ — свѣтильникъ иночества!

Вы его не смутите никакимъ роковымъ вопросомъ. Гибкій умъ сейчасъ же подскажетъ ему отвѣтъ на него, и хотя этотъ отвѣтъ иногда нѣсколько смахиваетъ на казуистическій ладъ, но, тѣмъ не менѣе, вы видите, что въ душѣ у молодого «старца» все спокойно и безповоротно рѣшено.

— Бывало, въ обители чья душа смутится, — повѣствовалъ тотъ же о. Никандръ, — ну, сейчасъ къ настоятелю: благословите къ отцу Пимену въ келію сходить... Поговоритъ смятенный инокъ съ Пименомъ, — ну, и опять сердцемъ здравъ!

А разговоръ съ нимъ, дѣйствительно, высокое наслажденіе. Отриньте подкладку его разсужденій, — любуйтесь только неожиданными оборотами этой плавной

и остроумной рѣчи. Не разъ васъ изумятъ поэтическія сравненія, вскользь, но художественно наброшенная имъ картинка. Видно, что о. Пименъ не только много передумалъ, но не менѣе и прочувствовалъ.

Я его засталъ заваленнымъ книгами.

Изъ-за кресла его кельи совсѣмъ и не видно было маленькаго монаха. При этомъ, несмотря на чуть ли не пятидесятилѣтній возрастъ, лицо — двадцативосьмилѣтняго молодого человѣка, ясное, спокойное, съ острыми глазками, съ умною улыбкой. Маленькая, чуть замѣтная бородка, свѣтлые волоса, густо падающіе назадъ, оставляя открытымъ хорошо сформированный лобъ.

— А, спаси Господи!.. Благодарю, что зашли! Спаси васъ Богъ!

— Я помѣшалъ вамъ, вы занимались?..

— Да, тутъ интересная работа, но съ живымъ человѣкомъ все жъ лучше, чѣмъ съ книгой!

— Надъ чѣмъ это вы?

— Да вотъ синайскіе списки Священнаго Писанія сравниваю... Надъ Тишендорфомъ вожусь!

Передъ отцомъ Пименомъ разбросаны рукописи и фоліанты на пяти языкахъ. Маленькій старецъ, погрузившійся передъ тѣмъ въ цѣлый океанъ учености, кажется въ эту минуту вынырнувшимъ и съ удивленіемъ озирающимся на весь Божій міръ. Еще бы городомъ, густой запахло тутъ, среди всѣхъ этихъ синайскихъ вершинъ, горящихъ купинъ, поэтическихъ чудесъ древняго Египта!..

Валаамскіе монахи смотрятъ на каждаго своего товарища какъ на живую силу, обязанную приносить имъ извѣстную долю пользы. Такъ и отца Пимена они не могли оставить въ покоѣ. Онъ у нихъ письмоводителемъ. На его рукахъ контора и вся переписка, и при томъ

переписка большая, потому что ее приходится вести и съ синодомъ, и съ митрополитомъ, и съ консисторіями, и съ ландсманами якимваарскимъ и сердобольскимъ, и съ центральными учрежденіями Финляндскаго княжества. О. Пименъ поэтому сталъ и юристомъ. Короче сказать, если самая обитель можетъ быть сравнена съ громаднымъ, на сорока островахъ разбросавшимся, непрестанно работающимъ организмомъ, то мозгъ этого организма заключенъ въ двухъ небольшихъ кельяхъ — о. Пимена да о. Аоанасія. Я уже говорилъ, что бесѣда съ о. Пименомъ въ высшей степени пріятна. Онъ удивительно отзывчивъ, и каждая ваша мысль, сказанная вскользь, въ немъ не пропадаетъ, а напротивъ, — вызоветъ соотвѣтствующее и всегда яркое представленіе. Говоря съ вами, онъ при случаѣ схватываетъ подходящую нѣмецкую или французскую книгу, читаетъ вамъ изъ нея a livre ouvert по-русски цѣлыя страницы, при чемъ вы вовсе не замѣчаете натуги, дубоватости перевода. Напротивъ, если возможно такъ выразиться, эта импровизація передачи съ другого языка является изящной, легкой, образной. Во время этого онъ наталкивается на какое-либо интересное примѣчаніе, и передъ вами уже другая книга, на иномъ языкѣ . . . Все это вмѣстѣ производитъ на васъ, разумѣется, грустное впечатлѣніе. Сколько ума, энергіи и таланта, и какъ они потрачены! . . Вамъ становится просто страшно за человѣка . . . Я пробовалъ о. Пимену разсказывать о «суетномъ мірѣ», какъ говорятъ тутъ; слушаетъ онъ съ величайшимъ вниманіемъ. Вы видите, что все это его интересуетъ живо, но какъ монаха, который замѣчаетъ во всемъ только подтвержденіе своихъ аскетическихъ идей или матеріалъ для поученія. Иного — нервнаго, манящаго, завлекающаго вліянія они на него не производили. Видно было

опять-таки, что этотъ человѣкъ весь, до конца ногтей своихъ, выработался вполнѣ . . . Изъ него долженъ быть превосходный проповѣдникъ, не изъ тѣхъ, что вмѣстѣ съ вами плачутъ вашими слезами, дѣлятъ вашу скорбь,— нѣтъ, этотъ иного сорта. Со своей каѳедры онъ будетъ говорить какъ съ Синайской вершины: и люди, и ихъ страсти, и ихъ муки будутъ ему казаться мелкими; мысль и воображеніе его станутъ витать въ безграничномъ просторѣ чистаго неба, и въ словахъ его будетъ отражаться оно—спокойное, величавое и, сказать правду, равнодушное къ чужимъ бѣдствіямъ и испытаніямъ . . .

Я уже говорилъ нѣсколько разъ о глухой борьбѣ стараго подвижничества и новаго производительнаго характера монастырей. Отецъ Пименъ — ярый защитникъ древняго иночества. Въ немъ воскресаетъ старый Валаамъ, съ его молчальниками, схимонахами, пустынниками, затворниками, прорицателями, юродствующими, древній Валаамъ бревенчатыхъ срубовъ, келій, затерянныхъ по бездорожью въ глуши лѣсной, дикихъ пещеръ, гдѣ въ черной тьмѣ вмѣстѣ со змѣями жили отшельники, — Валаамъ обледенѣлыхъ уступовъ, по которымъ, поддерживаемые ангельскими крылами, черноризцы сходили внизъ за водою, — Валаамъ первобытной дичи и безпросвѣтной глуши.

О. Аоанасій мнѣ кажется представителемъ иного типа. Онъ не умѣетъ говорить, зато строитъ водопроводы, изобрѣтаетъ машины, возводитъ дворцы для коровъ и храмы для коней. Это совсѣмъ противоположное теченіе, и между имъ и древнимъ Валаамомъ нѣтъ ничего общаго. Пока былъ въ полной силѣ о. Дамаскинъ, онъ старался примирить ихъ. Онъ строилъ скиты для первыхъ и заставлялъ работать вторыхъ. Съ его уходомъ со сцены два начала выступили одно противъ дру-

гого во всеоружіи. Между ними началась борьба, но борьба монашеская, смиренная, со взаимными поклонами и лобызаніями, съ «Христомъ посредѣ насъ» и въ то же время съ полнымъ отрицаніемъ другъ друга... Предугадывать побѣду новаго Валаама не трудно, но эта побѣда будетъ побѣдою суетнаго и «прелестнаго» міра вообще надъ монашествомъ. Монастырь, какъ рабочая община съ машинами, заводами, громаднымъ хозяйствомъ, но безъ подвижничества, будетъ уже не иноческою обителью. Во что онъ выродится — въ лучшее или худшее — другой вопросъ. Я говорю только, что древній складъ иноческой жизни сталъ теперь лицомъ къ лицу съ новыми вѣяніями, и если онъ энергически борется за свое существованіе, то это — энергія отчаянія, это — энергія послѣднихъ язычниковъ александрійскихъ. Новое идетъ ему навстрѣчу, и еще черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ пустынники, схимники, затворники станутъ поэтическими преданіями прошлаго...

— Не монашеское это дѣло, — говорятъ защитники прошлаго о затѣяхъ валаамскихъ строителей. — Не Вавилонскія башни мы воздвигать должны. Въ водѣ, которая прежде промысломъ Божіимъ собиралась въ каменныхъ выбоинахъ, благодать была, а нынѣ мы сверлимъ колодцы и гранитомъ ихъ обшиваемъ... Все — для удобства и ничего для души. Въ одномъ Іоаннѣ Молчальникѣ больше смысла и свѣта, чѣмъ во всѣхъ этихъ сооруженіяхъ египетскихъ. Иноку они не нужны. Я понимаю, храмъ долженъ быть великолѣпенъ. Воздвигай соборъ хоть до облаковъ, украшай иконы златомъ и каменьями самоцвѣтными, поставь стѣны изъ яшмы и порфира, но келіи и хозяйство должны быть скудны, строенія рабочія убоги... А у насъ обратно, — конюшни переросли обитель и давятъ ее!

— Что толку въ схимникѣ, — думаютъ послѣдовательные монахи изъ рабочихъ. Что жъ, что онъ молится?.. Отъ его тысячи поклоновъ какая корысть обители?... Отъ этого стѣны нашихъ келій не упрочатся, и хозяйство не ширится... И въ затворникѣ какой толкъ?.. За нимъ еще ходить надо, а тутъ каждая рука на счету при постройкѣ. Свѣтскаго нанять — деньги ему плати. А по-моему, кто во имя святыя обители колетъ камень въ горѣ, такъ онъ Господу Богу еще угоднѣе и милѣе!

Тотъ же евангельскій старый споръ между Маѳоой, пекущейся о многомъ, и Маріей, избравшей себѣ благую часть.

Понятно, что между двумя этими теченіями ничего общаго и быть не можетъ. Выходя изъ одного русла, они далеко устремляются одинъ отъ другого. Первое теряется въ незапамятной старинѣ, бѣжитъ туда, гдѣ смутными призраками встаютъ идеалы первыхъ синайскихъ отшельниковъ, а второе уходитъ все въ будущее,— туда же, гдѣ находитъ свои идеалы и соціализмъ съ его общимъ трудомъ, съ его равенствомъ прибытка, съ его принесеніемъ личности въ жертву общему... Старыя обители, напротивъ, общее приносили въ жертву личности. Иногда цѣлый монастырь существовалъ для двухъ или трехъ юродствующихъ или прозорливцевъ... Еще разъ говорю, двумъ этимъ теченіямъ не ужиться въ общемъ руслѣ. Нужна была сильная воля и аракчеевская прямолинейность о. Дамаскина, чтобы удержать ихъ вмѣстѣ, да и онъ долго бы не выстоялъ, — вода бы смысла поставленныя плотины, и двѣ рѣки далеко бы отбѣжали одна отъ другой... И на Валаамѣ теперь братія уже относится смѣшливо къ своимъ свѣтильникамъ.

Отецъ Антонина, изъ болгаръ или гречанинъ, братія

сама не знаетъ толкомъ, въ скитѣ Всѣхъ Святыхъ — совсѣмъ древній типъ инока. Въ заутреню на Свѣтлое Христово Воскресенье, при первомъ восклицаніи «Христосъ воскресе», онъ первый устремился къ священнику. Схимникъ этотъ всѣми уважаемъ здѣсь и богомольцамъ выставляется какъ образецъ иноческаго блеска. Тѣмъ не менѣе братія возмутилась.

— Куда ты шалды-балды . . . Куда ты, братушка! . . Стой, стой! — стали его останавливать.

— Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! — обернулся онъ къ нимъ съ радостнымъ лицомъ и слезящимися глазами, все-таки стремясь прежде другихъ впередъ.

Въ этомъ сказалось многое. Первымъ нуженъ формализмъ, іерархія, порядокъ; второму экстазъ и непосредственность.

— Что жъ, что схимникъ! — говорили мнѣ въ одномъ монастырѣ. — Вонъ онъ замкнулся въ гору и живетъ тамъ — знать ничего не хочетъ . . . Ходи за нимъ!.. Давеча митрополитъ пріѣхалъ, такъ схимникъ и митрополита не почтилъ . . . Ишь, какая въ немъ гордость сидитъ непомѣрная! . . А по-моему, отецъ Антонинъ-механикъ все же намъ лучше его, — отъ него польза!

Греческіе монастыри — тѣ въ этомъ случаѣ болѣе соотвѣтствуютъ идеалу монаха.

— Инокъ вовсе не долженъ заботиться объ утріи! Иноку утріе чуждо. Онъ долженъ къ смерти готовиться. Вотъ его идеалъ!

Чистые иноки дальше идутъ.

— Вотъ, говорятъ, государству деньги нужны. Денегъ нѣтъ — ничего и дѣлать нельзя, голодъ, скудость во всемъ. Да развѣ въ обителяхъ мало денегъ? Возьми ихъ, всѣ драгоцѣнности продай.

— Это убьетъ монастыри! — возражаютъ другіе.

— Не монастыри убьетъ, а умалитъ ихъ — это точно. Тогда которые не настоящіе иноки, а язычники въ рясахъ, тѣ уйдутъ, и слава Богу. Они въ любой купеческой лавкѣ пригодиѣе, чѣмъ въ обители. Останутся настоящіе черноризцы, которые и со скудостію примирятся!

XXXI.

Прощаніе съ монастыремъ. — На пароходѣ.

— *Пароходъ идетъ!* — влетѣлъ въ мою комнату, какъ бомба, одинъ изъ купеческихъ саврасовъ.

— Наконецъ-то!.. Нужно торопиться.

— Ну, ужъ и измаялся я!.. Оно знаете, точно, что это святыня, и святыня великая, но ужъ очень неумѣренно.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Во всѣхъ смыслахъ!.. Тятенька у насъ человѣкъ жестокій и ужъ если пожелаетъ своему характеру подражать, такъ безъ всякаго пардону... Помилуйте, легко ли — два мѣсяца меня выдержали здѣсь, опять же табаку нельзя достать, водки даже и для здоровья... Ну, ужъ зато я и закачу!..

— А онъ васъ опять сюда, да за работу...

— Нѣтъ, у него на это свой законъ... Онъ годъ терпитъ... Значитъ, этотъ годъ я могу... А черезъ годъ либо сюда, либо въ Соловки ушлетъ... Сдѣлайте одолженіе, это у него вѣрно, какъ по векселю. Ну, только ужъ и святыня!.. Благолѣпно и духорадостно, только бы ежели не мѣсяцъ... Здѣсь помолиться можно. Отъ всѣхъ грѣховъ очистишься и напредки сице останется...

Пароходъ только что причалилъ.

На берегу стояла толпа вновь прибывшихъ богомоль-

цевъ. Толстый и солидный монахъ тащилъ на веревкѣ маленькую собачку. Собачка упорствовала и визжала,— видимо, растерялась совсѣмъ.

— Ты ее, отецъ Агафонъ, поцюцкай! Шшь, звѣрь тоже.

Отецъ Агафонъ цюцкалъ, но толку отъ этого не было никакого. Собака, очевидно, думала, что ее ведутъ топить или вообще питала очень мало вѣры въ добрыя относительно ея намѣренія инока.

— Куда это вы ее?

— А для показанія знака.

— Какъ такъ?

— У насъ острова есть пустынные. Иноки уйдутъ въ лѣсъ, финны пріѣдутъ и берутъ все... Ну, а собачка будетъ лаять.

Какой-то отставной военный, въ точно накрахмаленномъ картузѣ, допрашивалъ монаха:

— Въ какую мнѣ гостиницу идти?

— Вонъ въ ту, общую...

— Отчего же въ общую?.. Что жъ, нумера тамъ?

— Нумера... По-нашему кельи...

— Есть хорошіе?

— Одинаковые...

— И для генераловъ одинаковые? — обидѣлся военный.

— У насъ и генералу препятствія нѣтъ... Живи!

— Для генераловъ слѣдовало бы отдѣльно.

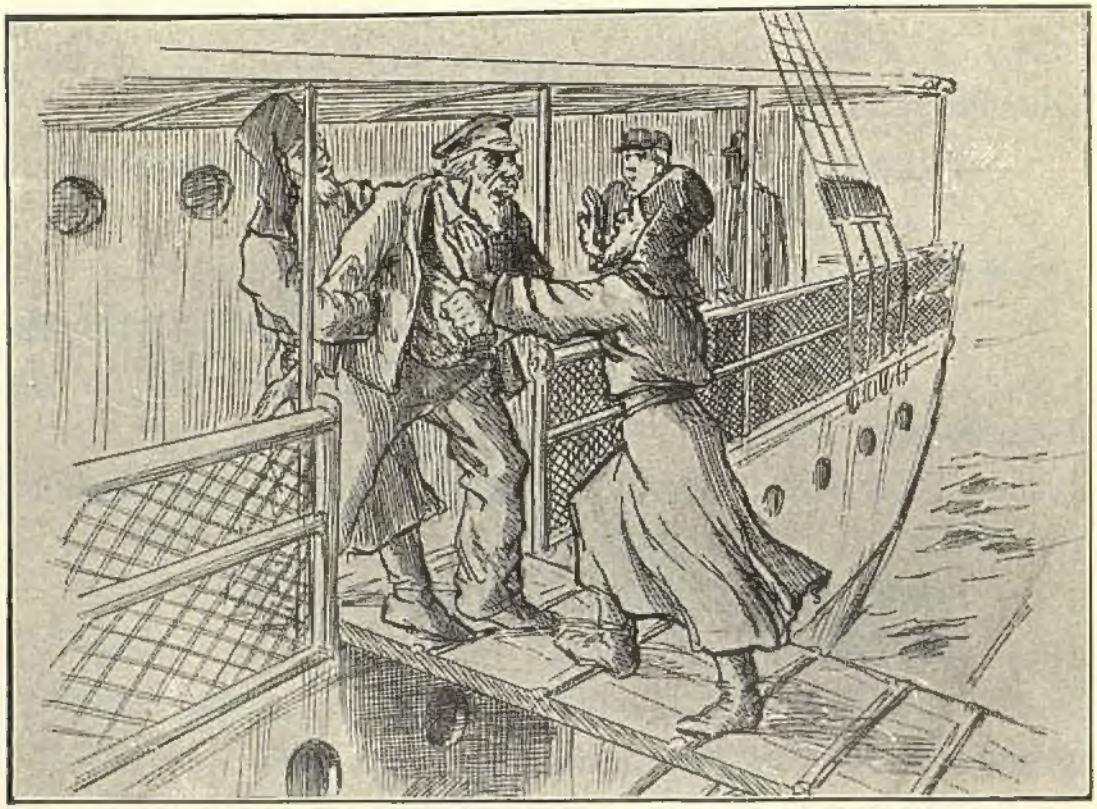
— Что жъ, намъ ихъ на колокольню запирать, что ли? Тамъ птица... Птица — она глупая, что ей?..

Сползъ съ парохода пьяный, но его стащили обратно на пароходъ.

— Я помолиться хочу... Преподобнымъ молебенъ отслужить! — оралъ онъ съ борта.

— Вытрезвись сначала.

— А, хо . . . ршо, если такъ. Вотъ вамъ! — и совершенно неожиданно онъ сорвалъ съ себя сюртукъ и бросилъ въ воду. — Вотъ и еще! — и за сюртукомъ полетѣлъ галстухъ. Сталъ было и дальше разстегиваться, да его уволокли въ каюту.



Сползъ съ парохода пьяный, но его стащили обратно на пароходъ. (Стр. 197.)

— Искушеніе съ этими мірскими! — разсуждали монахи. — То есть . . . Одинъ идетъ — на всѣ колокольни крестится, а о. Паисій у него изъ кармана бутылку съ водкой вытащилъ. Что жъ бы вы думали: побѣлѣлъ, весь дрожитъ. Осатанѣлъ совсѣмъ отъ злости!

Я не могу объяснить того чувства, которое охватило меня, когда я сѣлъ на пароходъ, когда онъ, хрипя, вздрагивая и выбрасывая клубы чернаго дыма, отчалилъ отъ набережной Валаама. Вокругъ меня свободный говоръ. Женскія лица—улыбающіяся, полныя жизни и счастья..

Дѣти возятся тутъ же... Одинъ черноглазый мальчуганъ подкатился мнѣ подъ ноги.

— Ты гдѣ это глаза запачкалъ? — любуется дама прелестными глазами ребенка.

— Я чернику ѣлъ! — наивно отвѣчалъ онъ.

Удивительно свѣтелъ и радостенъ кажется міръ. Всѣ тебѣ кругомъ друзья и братья.

А Валаамъ, закутавшись въ зеленыя облака своихъ лѣсовъ, уже отходитъ назадъ. Вотъ блеснулъ куполъ Іоанна Предтечи... Вонъ Всесвятскій скитъ точно вынырнулъ и опять потонулъ въ зеленомъ царствѣ. И чѣмъ дальше отходили мы, тѣмъ болѣе чуждыми казались душѣ молчальники, пустынники, схимники... Точно ничего этого и не видѣлъ, а такъ — прочелъ какую-то дивную сказку. Съ первымъ лучомъ разсвѣта строгихъ призраковъ какъ не бывало... Открылъ глаза... Солнце бьетъ въ окно, — тепло и свѣтло кругомъ... Вольный вѣтеръ бѣжитъ мимо, зоветъ съ собою... Сна будто и не бывало! Далеко, далеко отлетѣлъ и разсѣялся безъ слѣда...

Въ снастяхъ свищетъ. Пароходъ скрипитъ. Волны гонятся за нимъ — не догонятъ. Тучка жемчужная тоже догнать хотѣла, да не смогла, вытянулась по небу и безсильно отдыхаетъ. Сильнѣе дуй, вольный вѣтеръ,— здѣсь твое царство!

30167

Цѣна 1 руб. 50 коп.
въ роск. перепл. 2 р. 25 к.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе".
С.-Петербургъ, Забалканскій просп., собств. домъ № 75.

„Для юнаго читателя".

Въ эту серію входятъ произведенія лучшихъ нашихъ писателей для юношества. Книги снабжены многочисленными ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ художниковъ С. И. ПАНОВА, С. Ф. ПЛОШИНСКАГО, В. В. СПАССКАГО, К. Н. ФРИДБЕРГА, С. В. ЧЕХОНИНА, А. Ф. ШЛИППЕРЪ и др., и переплетены въ роскошные переплеты, изготовленные по рисункамъ художниковъ.

Въ эту серію вошли слѣдующія произведенія:

Н. Д. Телешовъ.
Разсказы и сказки.
Цѣна 2 руб. 50 коп.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.
Сказки и были.
Цѣна 2 руб. 50 коп.

Е. А. Сысоева.
Исторія маленькой дѣвочки.
Цѣна 3 руб. 25 коп.

Вас. И. Немировичъ-Данченко.
Мужицкая обитель.
Цѣна 2 руб. 25 коп.

В. Г. Танъ.
Восемь племенъ.
Цѣна 2 руб. 25 коп.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.
Кому лучше?
Цѣна 2 руб. 25 коп.

Вас. И. Немировичъ-Данченко.
Опрокинутыя вершины.
Цѣна 2 руб. 25 коп.

С. С. Караскевичъ-Ющенко.
Повѣсти и разсказы.
Цѣна 3 руб.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.
Стражички прошлаго.
Цѣна 2 руб. 25 коп.

Вас. И. Немировичъ-Данченко.
Боевая Голгова.
Цѣна 3 руб. 25 коп.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.
Царскій духовникъ.
Цѣна 2 руб. 25 коп.

Вас. И. Немировичъ-Данченко.
Книга великой любви.
Цѣна 2 руб. 25 коп.

Цѣна книги безъ переплета на 75 коп. меньше.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе". Спб., Забалканскій пр., д. № 75.

2007081092